

ISBN 2686-7249

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Литературоведение.
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.
Linguistics. Cultural Studies”
Series

Academic Journal

ARBOR MUNDI
МИРОВОЕ ДРЕВО

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

1
2020

VESTNIK RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series
Academic Journal

There are 10 issues of the journal a year.

Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing Ph.D. research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

10.01.00 Philology:

10.01.01 Russian literature

10.01.03 Foreign literature

10.01.08 Literary Theory. Textology

10.01.09 Folkloristics

10.02.00 Linguistics:

10.02.14 Classical philology, Byzantine and Modern Greek Studies

10.02.01 Russian language

10.02.02 Languages of the Russian Federation

10.02.19 Theoretical linguistics

10.02.20 Historical-comparative, typological and contrastive linguistics

24.00.00 Culturology:

24.00.01 Cultural history and theory

24.00.03 Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects

GOALS OF THE JOURNAL: presentation of the results of the latest researches in the field of philology, linguistics and culturology, which have an unquestionable theoretical and practical value and are promising for the development of research in these fields of knowledge.

Advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

OBJECTIVES OF THE JOURNAL: implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the educational process as examples of correct scientific work; attraction of new authors, researchers, showing high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993

e-mail: leonidardo@yandex.ru

Выходит 10 номеров печатной версии журнала в год
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

10.01.00 Литературоведение:

10.01.01 Русская литература

10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)

10.01.08 Теория литературы. Текстология

10.01.09 Фольклористика

10.02.00 Языкознание:

10.02.14 Классическая филология, византийская и новогреческая филология

10.02.01 Русский язык

10.02.02 Языки народов Российской Федерации

(с указанием конкретного языка или языковой семьи)

10.02.19 Теория языка

10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание

24.00.00 Культурология:

24.00.01 Теория и история культуры

24.00.03 Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов

ЦЕЛЬ ЖУРНАЛА: представление результатов новейших исследований в области литературоведения, языкознания и культурологии, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этих областях знания. Продвижение эмпирически ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

электронный адрес: leonidardo@yandex.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University
for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

- D.I. Antonov*, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)
- P.M. Arkadiev*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Slavic Studies RAS/Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)
- O.L. Akhunova*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.I. Baranova*, Dr. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- L.V. Belovinskiy*, Dr. of Sci. (History), professor, Moscow State Art and Cultural University, Moscow, Russian Federation
- Yu.V. Domanskiy*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.V. Dybo*, RAS corr. memb., Dr. of Sci. (Philology), professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation
- V.V. Gudkova*, Dr. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russian Federation
- N.P. Grintser*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I. Rzepnikowska*, Dr. of Sci. (Philology), Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland
- I.I. Isaev*, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- G.I. Kabakova*, Dr. of Sci. (Philology), Universite de Paris-Sorbonne, Paris, France
- N.V. Kapustin*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation
- A.A. Kholikov*, Dr. of Sci. (Philology), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- O.B. Khristoforova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Kimmelman*, Ph.D., Bergen University, Bergen, Norway
- J.D. Clayton*, Ph.D., University of Ottawa, Ottawa, Canada
- I.V. Kondakov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- G.Ye. Kreidlin*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- L.I. Kulikov*, Cand. of Sci. (Philology), Ph.D., Ghent University, Ghent, Belgium
- M.N. Lipovetskiy*, Dr. of Sci. (Philology), professor, University of Colorado, Boulder, USA
- D.M. Magomedova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

- I.V. Morozova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.G. Mostovaya*, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.Yu. Neklyudov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Podlesskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Polovinkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- E.Yu. Protasova*, Dr. of Sci. (Pedagogy), University of Helsinki, Helsinki, Finland
- R.I. Rozina*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- J. Sadowski*, Dr. of Sci. (History), Jagellonian University, Krakow, Poland
- I.O. Shaytanov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.Yu. Sorochan*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Tver State University, Tver, Russian Federation
- Ya.G. Testeleys*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Togoyeva*, Dr. of Sci. (History), RAS Institute of General History, Moscow, Russian Federation
- V.I. Tyupa*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.A. Yatsenko*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- G.I. Zvereva*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

Executives editors:

- I.G. Matyushina* (comp.), Dr. of Sci. (Philology), RSUH
- L.P. Petrik*, Cand. of Sci. (Philology), RSUH

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Редакционная коллегия

Главный редактор:

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор,
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ),
Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия:

- Д.И. Антонов*, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
(*заместитель главного редактора*)
- П.М. Аркадьев*, доктор филологических наук, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)
- О.Л. Ахунова*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.И. Баранова*, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Л.В. Беловинский*, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный институт культуры, Москва, Российская Федерация
- В.В. Гудкова*, доктор искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация
- Н.П. Гринцер*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Ю.В. Доманский*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.В. Дыбо*, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация
- И. Жеттиковска*, доктор филологических наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша
- Г.И. Зверева*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
(*заместитель главного редактора*)
- И.И. Исаев*, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Г.И. Кабакова*, доктор филологических наук, Университет Сорбонны, Париж, Франция
- Н.В. Капустин*, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация
- В.И. Киммельман*, Ph.D., Берген, Королевство Норвегия
- Д.Д. Клейтон*, доктор филологических наук, Оттавский университет, Оттава, Канада
- И.В. Кондаков*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Г.Е. Крейдлин*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- Л.И. Куликов*, кандидат филологических наук, Ph.D., Гентский университет, Гент, Королевство Бельгия
- М.Н. Липовецкий*, доктор филологических наук, профессор, Университет Колорадо, Болдер, США
- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлеская*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Половинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.Ю. Протасова*, доктор педагогических наук, Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндская Республика
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Я. Садовский*, доктор исторических наук, Ягеллонский университет, Краков, Республика Польша
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Тогоева*, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюпа*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.А. Холиков*, доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Б. Христоворова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.О. Шайтанов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.А. Яценко*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

И.Г. Матюшина (составитель), д-р филол. наук (РГГУ)

Л.П. Петрик, канд. филол. наук (РГГУ)

CONTENTS

Scandinavian Studies

E.A. Gurevich

- I.G. Matyushina*
Elena Aronovna Gurevich: Works and Days 10
- E. Balzamo*
Lena: in memoriam 13

Mythology

- V.Ya. Petrukhin*
Journey to the otherworld: Edda and *Nomagests þáttur* 17

History

- E.A. Melnikova*
Motif as a form of the representation of historical memory:
Scandinavians in Eastern Europe in the 9th and 10th centuries
as depicted in the Old Icelandic 'Viking sagas' 26
- S.I. Luchitskaya*
«Le Pas Saladin»: From history to legend (13th–14th centuries) 41

Literature

- Ye.O. Yershova (Yelena Sesselja Helgadóttir)*
Giants' Names in old and post-medieval Icelandic *pulur* 57

Linguistics

- A.F. Litvina, F.B. Uspenskii*
The Destinies of Varangians in 11th – to 12th – century Rus'
(Yakun the 'Blind', S(h)imon and his son George) 76

Translations

- T.N. Jackson*
Blóð-Egils þáttur in *Knýtling saga*.
Translation, introductory article, commentary 102
- I.G. Matyushina*
Nítíða saga. Translation, introductory article, commentary 120

СОДЕРЖАНИЕ

Скандинавистика

Е.А. Гуревич

- И.Г. Матюшина*
Елена Ароновна Гуревич: Труды и Дни 10
- Е. Бальзамо*
Памяти Лены 13

Мифология

- В.Я. Петрухин*
Странствие на тот свет: Эдда и «Прядь о Норна-Гесте» 17

История

- Е.А. Мельникова*
Мотив как форма репрезентации исторической памяти:
Скандинавы в Восточной Европе в IX–X вв.
в отражении древнеисландских викингских саг 26
- С.И. Лучицкая*
«Le Pas Saladin»: от истории к легенде (XIII–XIV вв.) 41

Литература

- Е.О. Ершова*
Имена великанов в древних и поздних исландских тулах 57

Лингвистика

- А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский*
Судьбы варягов на Руси XI–XII вв.
(Якун Слепой, Шимон / Симон и его сын Георгий) 76

Переводы

- Т.Н. Джексон*
«Прядь о Кровавом Эгиле» по «Саге о Кнютлингах»
Перевод, вступительная статья, комментарий 102
- И.Г. Матюшина*
«Сага о Нитиде». Перевод, вступительная статья, комментарий 120

СКАНДИНАВИСТИКА

Е.А. Гуревич

Елена Ароновна Гуревич:
Труды и Дни

Елена Ароновна Гуревич, выдающийся филолог, автор многочисленных исследований скандинавской литературы, переводчик древнеисландских саг и поэзии скальдов, родилась 5 января 1957 г. в Москве. Ее отцом был знаменитый историк-медиевист Арон Яковлевич Гуревич, с которым ее связывала духовная близость, общность интересов, любовь к литературе, музыке, живописи, к исландским сагам.

Свою первую статью Елена Ароновна написала еще в студенческие годы. В этой статье, посвященной структурному и функциональному изучению внешности героев исландских саг, нет

© Матюшина И.Г., 2020

ничего ученического, это замечательная работа зрелого филолога, поэтому спустя годы она была без изменений переведена на немецкий язык и вышла в Германии в сборнике трудов советских скандинавистов.

Кандидатская диссертация Е.А. Гуревич была написана под руководством О.А. Смирницкой на тему «Древнеисландская поэтическая синонимика (Традиция и ее ученое осмысление в XII–XIII веках)». В этой глубоко оригинальной научной работе анализу были подвергнуты малоизученные памятники исландской словесности – стихотворные перечни (тулы) синонимов, включенные в несколько рукописей «Младшей Эдды». Е.А. Гуревич впервые исследовала жанровое своеобразие тулы как памятника поэзии по отношению к поэтической практике скальдов, сосредоточив внимание на изучении взаимодействия мифологической и скальдической тулы.

Занятий поэзией скальдов Е.А. Гуревич не оставляла в течение всей жизни. Она внесла неоценимый вклад в международный проект «Скальдическая поэзия скандинавского Средневековья», целью которого была подготовка нового издания всего корпуса скальдических стихов силами специалистов, приглашенных со всего мира. Один из этих томов нового издания преимущественно состоит из исследования перечней поэтических синонимов, принадлежащего Е.А. Гуревич. Она написала для этого многотомного международного издания поэзии скальдов несколько сотен страниц о скальдических тулах, причем сделала это настолько блестяще, что получила от своих европейских и американских коллег прозвище «Королевы тул» (the Queen of þulur).

Е.А. Гуревич включила исследование поэтического языка скальдов в книгу «Поэзия скальдов» (Москва: РГГУ, 2000), представляющую собой первое диахроническое исследование чрезвычайно консервативного скальдического искусства (не претерпевшего на всем протяжении своей полутысячелетней истории существенных изменений), в котором его жанры, семантика, стиль, стих, язык представлены как стадии единого эволюционного процесса.

Другая монография Елены Ароновны «Древнеисландская новелла: поэтика прядей об исландцах» (Москва: Наука, 2004) и ее докторская диссертация «Жанр прядей об исландцах в древнескандинавской литературе (К проблеме исторической поэтики малой прозаической формы)» (Москва: ИМЛИ РАН, 2007), в которых главным предметом исследования стали пряди об исландцах, восполняют существенный пробел в изучении средневековой культуры. Оригинальность книги и докторской диссертации Е.А. Гуревич определяется тем, что в них впервые исследуются нарративные особенности, отличающие пряди от саг, и проводится

детальная классификация прядей. В диссертации и в книге рассматривается сюжетная структура прядей, выделяются устойчивые, повторяющиеся мотивы и анализируется система персонажей. Детальное изучение поэтики пряди в сопоставлении с сагой и возникающей в ту же эпоху западноевропейской новеллой позволяет Е.А. Гуревич пролить свет на генезис и становление малых повествовательных форм в средневековой скандинавской словесности.

Поразительная детальность исследования поэтики прядей и скальдических стихов достигнута Е.А. Гуревич благодаря глубинному проникновению в смысл каждой фразы средневекового памятника, проанализированного и переведенного. Елена Ароновна занималась переводами древнеисландских текстов всю жизнь, очень любила переводить и в совершенстве владела мастерством перевода. Одним из первых ее переводов была «Сага о Сверрире», опубликованная в «Литературных памятниках» в 1988 г. За «Сагой о Сверрире» последовали переводы прядей об исландцах, включенные в книгу «Корни Иггдрасиля» (1997) и в «Исландские саги» (Т. II, 1999).

Много лет Е.А. Гуревич отдала своему титаническому труду, «Исландским прядям», опубликованным в серии «Литературные памятники» (Москва: Наука, 2016). Книга переводов Елены Ароновны во многом уникальна. Это единственное исчерпывающе полное комментированное издание исландских прядей, которого нет нигде в мире. Заслуживают восхищения не только блестящие переводы, в том числе и поэтические, но и подробнейшие комментарии, превосходящие все известные мировой науке по информативности, точности, глубине, охвату материала.

Друзья и коллеги посвящают этот сборник статей светлой памяти замечательного ученого, неизменно честного, великодушно-го, благороднейшего человека, Елены Ароновны Гуревич.

И.Г. Матюшина

Памяти Лены

Вначале было Слово. В данном случае имя собственное: Гуревич. Это имя не относилось к живому человеку, хотя у меня в то время было даже несколько знакомых Гуревичей. Этот «гуревич» был книгой. Категориями средневековой культуры. Я училась на первом курсе филфака, и помнится, совет исходил от Андрея Зорина, провожавшего меня на поезд из Переделкина в Москву: почитай, мол, это прекрасно. Выросши в семье технической интеллигенции и окончив 2-ю физико-математическую школу, я не имела приятелей, способных что-либо советовать по гуманитарной части, поэтому послушно пошла в университетскую библиотеку и взяла Гуревича. Зорин оказался прав: это было прекрасно. Я стала читать подряд всех «гуревичей», какие были. Так началось мое гуманитарное образование, параллельное тому, что нам давали в университете.

Когда год спустя я на ходу впрыгнула в уже набравший скорость вагон шведской группы, моей однокурсницей оказалась некая Лена Гуревич. Ну мало ли на свете гуревичей... Мысль о том, что может существовать какая-то связь между этой студенткой и «моим» гуревичем, мне в голову не приходила. Он был понятием, символом (тогда я была бы не в состоянии точно сформулировать, чего именно), книгой в обложке цвета слоновой кости – какие уж тут родственники... Лена Гуревич заинтересовала меня сама по себе. Что-то в этой черноокой красавице с печальным лицом и нежным, всегда очень тихим голосом, было инопланетное. Все вокруг бежали, суетились, увлекались, спорили – она же в основном наблюдала. Молча. Ни в какие компании не входила, вне университета мало с кем общалась. Эта «отдельность» ощущалась постоянно. Где-то, думалось, должен был существовать иной мир, к которому она принадлежала – но где и какой? Мир семейный, где ей было уютнее, чем на филфаке, с его космопольским активом и зачетами по марксизму? Или – уже?? – мир древностей, исландской литературы, к которой в отличие от большинства из нас она была причастна с детства? Во всяком случае, отстраненность, дистанция чувствовалась всегда.

Уже подружившись с Леной, я наконец поняла, что «гуревич» в обложке цвета слоновой кости связан с ней семейными узами. Попросту говоря, что он ее отец. А вскоре узрела и его самого.

Арон Яковлевич Гуревич, которого то травили, то игнорировали, не имел возможности работать с будущими историками, но получил однажды разрешение вести факультатив для филологов. Раз в неделю он входил в крошечную аудиторию, садился, читал лекцию и уходил. Его появление было сродни средневековым видениям, о которых он рассказывал. Пространство вдруг расширилось – тут не было места ни штампам, ни расхожим истинам, на наших глазах происходило чудо: абсолютно свободный человек демонстрировал безграничную свободу мышления, излагая идеи одновременно простые и глубокие, а главное, чуждые каким бы то ни было идеологическим компромиссам. При этом он ни с кем не полемизировал, не опровергал никаких догм – само его присутствие на филфаке, одном из важнейших идеологических бастионов МГУ, являлось своего рода глобальным опровержением системы.

Через некоторое время установилось общение уже вне университета, я бывала у них в гостях, мы дружили. После моего отъезда во Францию эта дружба приняла преимущественно виртуальный характер: редкие встречи, а в интервалах – звонки, письма, сначала на бумаге, потом электронные. Я храню их все.

О том, что Лена была одним из ведущих скандинавистов своего поколения, говорить не приходится, это и так все знают. А кто не знает, может взглянуть на список публикаций. Их так много, что Лена-филолог заслоняет собой явление на мой взгляд гораздо более значительное: Лену-переводчика. Несомненно, ее вклад в науку велик, она прекрасный ученый, хотя без концептуальных прорывов, в отличие от отца – но почему так мало было сказано о том, что она переводчик милостью Божьей?

Переводчик уникальный уже беспрецедентной узостью поля приложения своего таланта: она переводила исключительно древнеисландские тексты и ничего более. Мне, как профессиональному переводчику, представляется невероятной эта степень сосредоточенности на одном типе текстов, но в данном случае плоды этого самоограничения говорят сами за себя. Вдобавок ей повезло: здание своих переводов она возводила на мощном фундаменте, заложенном Стеблин-Каменским, давшим ключ к их интерпретации (в отличие от многих стран, где новые переводы возникали на зыбких песках пересказов и неуклюжих переводов предшественников). Итак, направление было указано, но правильно двигаться по нему было дано не всякому. У Лены же обнаружился абсолютный языко-

вой и литературный слух, она стала новым голосом древнеисландской литературы. Дозировка архаизмов, выбор их уровня (лексического, синтаксического), степень модернизации языка, ритм, интонация, музыкальность. В той или иной степени все эти проблемы неизбежно присущи любому переводу, но в случае текстов столь архаических, продукта столь кардинально «чужой» культуры, они грозят превратиться в непреодолимые препятствия. Лена преодолела их с блеском.

Но и тут, в изданиях ее переводов, масштаб учености – гигантский аппарат (комментарии к «Прядям» занимают 400 страниц, почти половину тома) – заслоняет собственно литературные достоинства самих текстов. Они воспринимаются как «литературные памятники», меж тем это живая литература, вклад в сокровищницу мировой классики на русском языке.

Перевод – всегда диалог переводчика, не столько с автором (ну о чем можно было бы беседовать со Снорри?), сколько с текстом, фиксирующим картину мира данной культуры. И в этом диалоге, если он достаточно продолжителен, неизбежно выкристаллизуются и позиции переводчика, эстетические и этические. Годы, проведенные Леной в обществе древнеисландских персонажей, не могли не наложить отпечатка: их этика стала ее этикой, их стили-

стика – ее стилистикой, их нормы поведения – ее нормами (в том числе и во время унесшей ее болезни).

Она жила в эпоху катаклизмов, смены одной политической, экономической и социальной системы другой. Эпохи радикально изменившей курс жизни многих. Однако вопрос актуальный для большинства людей ее поколения и круга: как сложилась бы жизнь, если бы человек уехал / остался / вернулся – в ее случае не имеет смысла. Думаю, что ее судьба сложилась бы так же, она прожила бы ту же жизнь, какую прожила. Независимо от внешних обстоятельств. Может быть, лишь в улыбке ее было бы чуть меньше печали. Инопланетянка, высшей реальностью которой была литература, была одним из самых внутренне свободных людей, каких мне довелось встречать.

Саги, пряди, скальдическая поэзия, исследования по поэтике жанров, сборники статей... На книжных полках моей библиотеки Гуревичи стоят бок о бок, Арон и Елена, отец и дочь, зачастую даже под одной обложкой: многочисленные тома его трудов, изданные посмертно ее силами. Гуревичи опять стали книгами. Круг замкнулся.

Е. Бальзамо

УДК 82-131

DOI: 10.28995/2686-7249-2020-1-17-25

Странствие на тот свет: Эдда и «Прядь о Норна-Гесте»

Владимир Я. Петрухин

*Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
vladimir.petrukhin@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена дохристианским представлениям скандинавов о путешествии на тот свет. В архаическом погребальном культе загробный мир ассоциировался с могилой, которая была входом (воротами) на тот свет и повелителем загробного мира (скандинавская Хель). Отсюда парадоксальные представления об одновременной жизни умершего в могиле (загробном жилище) и странствии на тот свет (в преисподнюю Хель, небесную Вальхаллу). Археологические погребальные комплексы эпохи викингов отражают эти представления: в загробных жилищах (погребальных камерах) располагаются взнузданные кони и т. п.

Ключевые слова: погребальный культ, викинги, Хель, Вальхалла, древнеисландские пряди, Старшая Эдда

Для цитирования: Петрухин В.Я. Странствие на тот свет: Эдда и «Прядь о Норна-Гесте» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 1. С. 17–25. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-1-17-25

Journey to the otherworld: Edda and *Nornagests þátttr*

Vladimir Ya. Petrukhin

*Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
vladimir.petrukhin@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the pre-Christian ideas of the Scandinavians about the journey to the other world. In archaic burial cult, the afterlife was associated with the tomb, which was the entrance (gate) to the other world, and the lord of the afterlife (Scandinavian *Hel*). From this arose paradoxical beliefs in the life of the deceased simultaneously in the tomb (the afterlife) and wandering to the other world (in the underworld *Hel*, heavenly

Valhalla). Archaeological burial complexes of the Viking age reflect these ideas: in the afterlife dwellings (burial chambers) there were cock horses, etc.

Keywords: burial cult, the Vikings, Hel, Valhalla, Icelandic þættir, Elder Edda

For citation: Petrukhin, V.Ya. (2020), "Journey to the Otherworld: Edda and *Nornagests þáttur*", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no 1, pp. 17-25, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-1-17-25

Подвижническим трудом Е.А. Гуревич стало комментированное издание исландских прядей. Едва ли не самой знаменитой прядью, трактующей отношение к языческому прошлому, можно считать «Прядь о Норна-Гесте» (см.: Исландские пряди, с. 86–104). Ко двору конунга Олава Трюгвасона является некий старец, называющийся просто Гестом («Гостем») и обнаруживающий чудесные знания. Он признается, в ответ на прямой вопрос христианского конунга, что принял «неполное крещение»: это сделало его неуязвимым для ночного призрака – альва, явившегося в палату конунга, где гость приютился с краю, но след языческого прошлого явно ощущался в фигуре странника. Когда же тот продемонстрировал людям конунга часть драгоценной сбруи, украшавшей самого Грани – коня Сигурда Убийцы Фафнира, и рассказал, что успел послужить величайшему из германских героев, изумленные его возрастом и званиями слушатели заставили пришельца продолжить рассказ. Тот поведал о смерти Сигурда и о Брюнхильд, которая велела соорудить для себя погребальный костер рядом с костром ее возлюбленного Сигурда.

«Тогда люди принялись расспрашивать Геста, не произнесла ли Брюнхильд, *уже мертвая* (курсив мой. – В. П.), какой-нибудь песни» (Исландские пряди, с. 98). Вопрос аудитории понятен: ей известна была эддическая песнь «Поездка Брюнхильд в Хель». Далее начинаются загадки «хронотопа», связанные с представлениями о странствии на тот свет. Гест сказал: «Когда Брюнхильд везли на костер по дороге в Хель, проезжали мимо скал, где жила одна великанша». В комментарии (Исландские пряди, с. 701) Е.А. Гуревич отмечает, что вопреки прозаическому рассказу «Старшей Эдды» в пряди Брюнхильд встречает великаншу *до сожжения* на погребальном костре. Действительно, Брюнхильд везли на костер в упомянутой ранее роскошной повозке. Но эта дорога к погребальному костру равнозначна в рассказе дороге на тот свет – в Хель! Прозаическое введение к эддической песни не проясняет ситуации, ибо там говорится, что Брюнхильд была сожжена в повозке, украшен-

ной драгоценными тканями, и «поехала в этой повозке в Хель мимо двора, в котором жила некая великанша» (Старшая Эдда, с. 125).

Что за великанша («черная с виду») встречает путницу на границе иного мира – понятно: это и есть Хель [ср. Гвоздецкая 2005, с. 93 и сл.]. Ее имя означает не только преисподнюю, где за оградой расположены «врата мертвых», «палаты мертвых», но и само погребение [Гвоздецкая 1999], могилу¹, облик воспроизводит полуразложившийся труп (ср. о Хель и связанных с этой великаншей сюжетах – [Ellis 1968]), и не случайно в цитированной пряди путь к погребальному костру оказывается равнозначен пути в Хель. Далее прядь приводит почти целиком эддическую песнь, поминая неприступный двор великанши, обнесенный камнями; ограда из камней (кромлех) или каменная насыпь (керн) – традиционное для Северной Европы устройство погребения: внутри располагается могила.

Самый знаменитый сюжет некромантии (магического пробуждения умершего, см. [Ellis 1968, р. 151–169]) в Старшей Эдде содержит песнь «Сны Бальдра»: чтобы выяснить смысл зловещих снов Бальдра, Один должен отправиться в глубины преисподней (Нифльхель), оседлав своего «шаманского» восьминогого жеребца Слейпнира; стражем того света здесь оказывается адский пес «из Хель прибежавший», путь ведет Одина мимо высокого «Хель жилища» к востоку, где расположена могила (!) пророчицы вэльвы. Пробужденная заклинаниями пророчица стонет, ибо неведомый всадник «повелел» ей «в путь нелегкий отправиться». Это не просто метафора – встреча живого, ищущего загробных сокровищ или потусторонних знаний, и мертвого происходит в могиле, там пересекаются пути Одина и вэльвы. Собственно, могила, любой погребальный памятник и есть ритуальный центр, воплощающий связь того и этого света (ворота на тот свет) – единство Вселенной, включающей живых и мертвых.

Героическая «Вторая песнь о Хельги Убийце Хундинга» характеризует это «место встречи» в контексте распространенного сюжета о мертвом женихе, увозящем невесту на тот свет – в могилу. Над могилой погибшего Хельги был насыпан курган, сам герой обрел место в небесном воинском рае – Вальхалле, где призван был править наравне с Одином (Старшая Эдда, с. 91). Но служанка его вдовы Сигрун увидела Хельги, подъезжающего с дружиной к кургану, и вопрошает,

¹ Имя великанши *Hála* в Младшей Эдде и Песни о Хельги сыне Хьёрварда (16) соотносимо с именем Хель и др.-исл. **helan* «прятать, хоронить»: [Смирницкая 2005, с. 70; ср. Гвоздецкая 1999, с. 24]. Гнипахеллир (др.-исл. *Gnirpa-hellir*, «скальное укрытие»: [Топорова 2002, с. 388]) – в «Младшей Эдде» пещера, где укрывается до конца света адский пес Гарм.

не наступил ли конец света – мертвые возвращаются в мир живых. Хельги в ответ сетует, что «не дано нам домой возвратиться». Его жилищем отныне оказывается курган, к нему и спешит ночью Сигрун, чтобы обнять окоченевший труп на застеленной постели. Но покоя для безвременно погибшего героя нет: он должен поспеть в Вальхаллу «по воздушной тропе», прежде чем небесный петух разбудит эйнхериев. В наступивших сумерках Сигрун вновь ожидает возлюбленного возле кургана, разумная служанка отговаривает ее проникать «в мертвых жилище» – «Ночью сильнее становятся все мертвые воины, чем днем при солнце» (Вторая песнь о Хельги Убийце Хундинга 51– Старшая Эдда, с. 92). Странствующий между небесной Вальхаллой и жилищем в кургане герой остается для живых потенциально вредоносным мертвецом, не находящим покоя в могиле (как draugr – живой мертвец исландских саг, бесчинствующий в мире живых по ночам, ср. [Березовая 2002]).

Положение героинь приведенных эпических сюжетов, не желавших расстаться с погибшими возлюбленными, становится драматическим. И Брюнхильд, и Сигрун – валькирии, девы судьбы, выбирающие тех, кто должен пасть на поле боя и отправиться в Вальхаллу – пиршественную «залу мертвых» и укрепить дружину Одина для повседневных битв и грядущего сражения с выходцами из преисподней (конец света в устах визионерки – служанки Сигрун). Мифологический статус этих героинь маргинален – они пребывают между тем и этим светом, как и всякие демонические персонажи их многочисленного «класса» (дисы, норны, валькирии, вёльвы – ср. [Steinsland 2009, p. 274–284]), связанные в разных индоевропейских традициях (включая славянских рожаниц, судениц и т. п., ср. [Ганина 2005, с. 110–111] с рождением и смертью. Отдавшие предпочтение земной любви Брюнхильд и Сигрун не могут претендовать на райскую жизнь в Вальхалле (ср. [Гвоздецкая 2005, с. 86–87]; о «раздвоении» в сюжете Брюнхильд и валькирии Сиргдривы – [Грэнбек 2019, с. 598]); Брюнхильд следует за Сигурдом в Хель, ибо герой не пал в битве, а был предательски убит (по подстрекательству той же Брюнхильд), не получив доступа в Вальхаллу. Брюнхильд, однако, пытается обустроить загробную жизнь так же, как это пыталась сделать Сигрун: согласно «Саге о Вёльсунгах» (XXXIII), она просит устроить общий погребальный костер для нее и Сигурда, расположив между ними обнаженный меч, «как тогда, когда мы вошли на одно ложе и назвали именем супругов»².

² Напомню, что обретение чудесной невесты Сигурдом – распространенный мифологический и сказочный сюжет; он осложнен в рассказе о Сигурде и Брюнхильд тем, что невеста оказывается «спящей красавицей», попавшей под заклятие (см. комментарий Е.А. Гуревич – Исландские пряди,

Парадоксальное для современного восприятия совмещение несовместимого – пребывание на том свете (в небесах или преисподней) и одновременная жизнь в могиле (и даже на погребальном костре), перемещение самой могилы на тот свет давно озадачивало исследователей архаических верований. Еще Люсьен Леви-Брюль относил эти представления к образцам «пралогического мышления»: умершего мыслили упокоившимся в могиле и одновременно странствующим на тот свет. С.А. Токарев заметил в своем сравнительном исследовании погребальных традиций, что повсюду они были связаны с противоположными устремлениями – сохранить поблизости от живых (на соседнем кладбище) благодетельного предка и удалить на тот свет потенциально вредоносного мертвеца. Автор учитывал эту традицию исследования при подготовке диссертации о погребальном культе языческой Скандинавии [см. Петрухин 1975]. Очевидно, что во «Второй песни о Хельги Убийце Хундинга» архаические представления подверглись некоторой рационализации – «режим» пребывания Хельги на том свете разделял его ночную жизнь в кургане и бодрствование в Вальхалле. Но в целом песни Эдды (и рассматриваемый сюжет в пряди о Норна-Гесте) отражали архаический ритуал: конь должен был сопровождать Хельги в его загробном жилище (как в камерных гробницах скандинавов эпохи викингов³), Брюнхильд была сожжена в повоз-

с. 704; сравнительный анализ сюжетов, связанных с валькириями и норнами – вплоть до сказочных фей, предложил еще Якоб Гримм – [Гримм 2019, с. 681–723]). Вокруг ее ложа воздвигнута огненная ограда или ограда их щитов, которая соотносится с оградой вокруг могилы или загробной усадьбы Хель: брачное испытание – вторжение Сигурда за ограду – здесь равнозначно проникновению на тот свет, как и всякое брачное испытание («обряд перехода»). См. об участии валькирии в воинских инициациях, в том числе встрече умершего кубком в Вальхалле – [Ганина 2005, с. 109]. Показательно, что в «Саге о Вельсунгах» (XXI) Брюнхильд подносит кубок Сигурду как победителю в добывании чудесной невесты, преодолевшему стену из щитов. Этот ритуал инвертирован несчастной, но «законной» вдовой Сигурда Гудрун: она подносит убийце своих братьев Атли блюдо, приготовленное из тел его сыновей, как «неистовая дика» (см. [Гвоздецкая 1999, с. 20]).

³ Иногда в погребении располагались два коня (см. обзор – [Pedersen 1997; Roesdahl 1983]): езда «одвуконь», как считается, повлияла на представление о восьминогом Слейпнире: попарно перечисляются кони, что носят асов на суд под сенью ясеня Иггдрасиль в Речах Гримнира (30) в «Старшей Эдде». Замечу, в связи с параллелизмом погребального жилища под курганом в сюжете «Второй песни о Хельги» и кремации Сигурда, что на погребальном костре умершие и кони в эпоху викингов размещались так же, как в камерной гробнице.

ке (притом, что доставка ее тела к погребальному костру уже приравнивалась к путешествию в Хель).

Что касается главного героя пряди – самого Норна-Геста, то он также оказывается маргинальным полудемоническим персонажем, выходящем из далекого эпического прошлого (с того света): об эпических событиях его принуждают вещать слушатели. Его судьбу определила норна – жизнь его будет длиться, пока не догорит данная ему норной свеча: то была младшая из трех норн, оказавшихся при рождении героя (она была обойдена почестями в толпе гостей); тогда вэльвы/норны сами разъезжали по стране, свидетельствует прядь (*Nornagests þátttr* – Исландские пряди, с. 103). Е.А. Гуревич указала в комментариях античные параллели этому сюжету (очажное полено, горение которого определяло срок жизни Мелеагра – см. Исландские пряди, с. 704). Олав Трюгвасон, опасавшийся увлекательных языческих рассказов Гостя, явно отвлекавших от спасения души, настоял на его полном крещении. Гест упокоился с миром, когда догорела его свеча. Последний сюжет интересен в связи с относительно недавними открытиями, имеющими прямое отношение к процессам христианизации в Скандинавии и на Руси: в камерных гробницах знаменитых королевских курганов в Йеллинге и Маммене (Дания) обнаружены восковые свечи. Обряд явно свидетельствует о проникновении христианских обычаев в языческий контекст королевских усыпальниц [Gräslund 1991], равно как и камерных гробниц (в том числе на Руси – [Пушкина 1997]). Христианизации подвергается и обычай парных погребений в камерных гробницах: на смену жертвам – рабыням (?), сопровождавшим на тот свет своих хозяев, приходят равноправные жены, захороненные в гробницы мужей в соответствии с христианским обрядом и христианскими символами [Петрухин 2017, с. 326–331].

Источники

- Исландские пряди – Исландские пряди / Изд. подготовила Е.А. Гуревич. М.: Наука, 2017.
- Сага о Вэльсунгах – Сага о Волсунгах / Пер., предисл. и примеч. Б.И. Ярхо. М.; Л.: Academia, 1934.
- Старшая Эдда – Старшая Эдда: древнеисландские песни о богах и героях / Пер. А.И. Корсуна. М.; Л.: Наука, 1963.

Литература

- Березовая 2002 – *Березовая Н.В.* Исландские поверья об «оживших покойниках» и их связь со скандинавским погребальным культом // Представления о смерти и локализации иного мира у древних кельтов и германцев / Отв. ред. Т.А. Михайлова. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 226–252.
- Ганина 2005 – *Ганина Н.А.* Валькирия: к генезису мифа и специфике германских ареальных традиций // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев / Отв. ред. Т.А. Михайлова. М.: Индрик, 2005. С. 104–117.
- Гвоздецкая 1999 – *Гвоздецкая Н.Ю.* Семантика имени Хель в «Старшей Эдде» // Атлантика: записки по исторической поэтике. Вып. IV. М., 1999. С. 3–32.
- Гвоздецкая 2005 – *Гвоздецкая Н.Ю.* Валькирический миф в женских образах «Старшей Эдды» // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев / Отв. ред. Т.А. Михайлова. М.: Индрик, 2005. С. 78–103.
- Грёнбек 2019 – *Грёнбек В.* Эпоха викингов: мир богов и мир людей в мифах северных германцев / Пер. с англ. Е.В. Ламановой. М.: Центрполиграф, 2019.
- Гримм 2019 – *Гримм Я.* Германская мифология. Т. I / Пер. Д.С. Колчигина. М.: Издательский дом ЯСК, 2019.
- Петрухин 1975 – *Петрухин В.Я.* К характеристике представлений о загробном мире у скандинавов эпохи викингов // Советская этнография. 1975. № 1. С. 44–54.
- Петрухин 2017 – *Петрухин В.Я.* Русь в IX–X веках: От призвания варягов до выбора веры. Изд. 3-е. испр. и дополненное. М.: Неолит/Форум, 2017.
- Пушкина 1997 – *Пушкина Т.А.* Воск и свечи в древнерусских погребениях // Археологический сборник / Труды государственного Исторического музея. Вып. 93 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: Государственный исторический музей, 1997. С. 123–133.
- Смирницкая 2005 – *Смирницкая О.А.* Имена великанш в «Эдде» и туле // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев / Отв. ред. Т.А. Михайлова. М.: Индрик, 2005. С. 62–77.
- Топорова 2002 – *Топорова Т.В.* Древнегерманские представления об ином мире // Представления о смерти и локализации иного мира у древних кельтов и германцев / Отв. ред. Т.А. Михайлова. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 340–434.
- Ellis 1968 – *Ellis H.R.* The Road to Hel. N. Y.: Greenwood press, publishers, 1968.
- Gräslund 1991 – *Gräslund A.-S.* Var Mammen-mannen Kristen? // Mammen: grav, kunst i vikingetid / Red. M. Iversen. Aarhus: Aarhus University Press, 1991. S. 205–210.
- Pedersen 1997 – *Pedersen A.* Similar Finds – Different Meanings? Some preliminary thoughts on the Viking-age burials with riding equipment in Scandinavia // Burial æ Society / The Chronological and Social Analysis of Archaeological Burial Data / Ed. by Claus Kjeld Jensen and Karen Høilund Nielsen. Aarhus: Aarhus University Press, 1997. P. 171–184.
- Roesdahl 1983 – *Roesdahl E.* Fra vikingegrav til Valhall // T. Kisbye og E. Roesdahl (red.) Beretning fra Andet tværfaglige vikingesymposium, Højbjerg, 1983. S. 39–49.
- Steinsland 2009 – *Steinsland G.* Fornordisk religion. Natur æ Kultur, Stockholm, 2009.

References

- Berezovaya, N.V. (2002), "Icelandic beliefs about the "living dead" and their connection with the Scandinavian burial cult", *Predstavleniya o smerti i lokalizatsii inogo mira u drevnikh kel'tov i germantsev* [Ideas about death and localization of the other world in the ancient Celts and Germans], T.A. Mihailova (ed.), *Yazyki slavyanskoi kul'tury*, Moscow, Russia, pp. 226–252.
- Ellis, H.R. (1968), *The Road to Hel*, Greenwood press, publishers, N. Y., USA.
- Ganina, N.A. (2005), "Valkyrie: the genesis of myth and the specifics of German areal traditions", *Mifologema zhenshchiny-sud'by u drevnikh kel'tov i germantsev* [The myth of the woman-the fate of the ancient Celts and Germans], T.A. Mikhailova (ed.), Indrik, Moscow, Russia, pp. 104–117.
- Gräslund, A.-S. (1991), "Var Mammen-mannen Kristen?", *Mammen: grav, kunst i vikingetid*. Red. M. Iversen, Aarhus University Press, Aarhus, pp. 205–210.
- Gvozdet'skaya, N.Yu. (1999), "Semantics of the name Hel in *Elder Edda*", *Atlantika: zapiski po istoricheskoi poetike* [Atlantic: notes on historical poetics], iss. IV. Moscow, Russia, pp. 3–32.
- Gvozdet'skaya, N.Yu. (2005), "Valkiric myth in women's images "Elder Edda", *Mifologema zhenshchiny-sud'by u drevnikh kel'tov i germantsev* [The myth of the woman-the fate of the ancient Celts and Germans], T.A. Mikhailova (ed.), Indrik, Moscow, Russia, pp. 78–103.
- Grimm, Ya. (2019), *Germanskaya mifologiya* [German mythology], vol. I., tr. by D.S. Kolchigin, Izdatel'skii dom YaSK, Moscow, Russia.
- Grönbech, V. (2019), *Epokha vikingov: mir bogov i mir lyudei v mifakh severnykh germantsev* [The culture of Teutons], tr. from English by E.V. Lamanova, Tsentrpoligraf, Moscow, Russia.
- Pedersen, A. (1997), "Similar Finds – Different Meanings? Some preliminary thoughts on the Viking-age burials with riding equipment in Scandinavia", *Burial & Society / The Chronological and Social Analysis of Archaeological Burial Data*, edited by Claus Kjeld Jensen & Karen Høilund Nielsen. Aarhus University Press, Aarhus, Denmark, pp. 171–184.
- Petrukhin, V.Ya. (1975), "On the characters of the ideas about the afterlife in the Scandinavian Viking age", *Sovetskaya etnografiya*, no 1. pp. 44–54.
- Petrukhin, V.Ya. (2017), *Rus' v IX–X vekakh: Ot prizvaniya varyagov do vybora very* [Rus' in the 9–10th centuries: from the calling-in of the Varangians to the search of faith], 3rd ed. Neolit/Forum, Moscow, Russia.
- Pushkina, T.A. (1997), "Wax and candles in the Old-Russian burials", *Arkheologicheskii sbornik / Trudy gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Archaeological collected articles. Works of the State Historical Museum], iss. 93, I.V. Belotserkovskaya (ed.), Gosudarstvennyi istoricheskii muzei, Moscow, Russia, pp. 123–133.
- Roesdahl, E. (1983), "Fra vikingegrav til Valhall", T. Kisbye og E. Roesdahl (red.) *Beretning fra Andet tværfaglige vikingesymposium*, Højbjerg, Aarhus, Denmark, pp. 39–49.
- Smirnit'skaya, O.A. (2005), "Giant names in "Edda" and Tula", *Mifologema zhenshchiny-sud'by u drevnikh kel'tov i germantsev* [The myth of the woman-the fate of

- the ancient Celts and Germans], T.A. Mikhailova (ed.), Indrik, Moscow, Russia, pp. 62–77.
- Steinsland, G. (2009), *Fornordisk religion*, Natur & Kultur, Stockholm, Sweden.
- Топорова Т.В. (2002) “Old-German believes in the Otherworld”, *Predstavleniya o smerti i lokalizatsii inogo mira u drevnikh kel'tov i germantsev* [Ideas about death and localization of the other world in the ancient Celts and Germans], T.A. Mihailova (ed.), Yazyki slavyanskoi kul'tury Moscow, Russia, pp. 340–434.

Информация об авторе

Владимир Я. Петрухин, доктор исторических наук, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия; 1119334, Россия, Москва, Ленинский пр., д. 32а; vladimir.petrukhin@gmail.com

Information about the author

Vladimir Ya. Petrukhin, Dr. of Sci. (History), Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 32a, Leninskii Av., Moscow, Russia, 125993; vladimir.petrukhin@gmail.com

УДК 82-131

DOI: 10.28995/2686-7249-2020-1-26-40

Мотив как форма репрезентации исторической памяти: Скандинавы в Восточной Европе в IX–X вв. в отражении древнеисландских викингских саг

Елена А. Мельникова

*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
melnikova_2002@mail.ru*

Аннотация. Исландские королевские и родовые, но прежде всего «викингские» саги, повествуя о скандинавах в Восточной Европе и на Руси, в большинстве случаев основываются на сюжетных мотивах – стереотипных рассказах о деяниях героя. Особенно ярко эта особенность проявляется в «викингских» сагах, герои многих из которых оказываются в «Гардарики», сражаясь с местным конунгом или поступая к нему на службу, женись на его дочери или вдове и становясь в итоге «конунгами Гардарики». Эти мотивы, при всей их распространенности (например, мотив героического сватовства), вероятно, не случайно связаны с Восточной Европой: само их возникновение и закрепление в повествовательной традиции отражает в обобщенно-типизированной форме деятельность скандинавов в Поволховье (скандинавском «ярлстве, которое принадлежит Ладоге») VIII–IX вв. – времени формирования и функционирования Ладожско-Ильменской политики, во главе которой стояли «конунги Гардарики».

Ключевые слова: викингские саги, репрезентация прошлого, сюжетный мотив, Гардарики

Для цитирования: Мельникова Е.А. Мотив как форма репрезентации исторической памяти: Скандинавы в Восточной Европе в IX–X вв. в отражении древнеисландских викингских саг // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 1. С. 26–40. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-1-26-40

Motif as a form of the representation of historical memory: Scandinavians in Eastern Europe in the 9th and 10th centuries as depicted in the Old Icelandic ‘Viking sagas’

Elena A. Melnikova

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
melnikova_2002@mail.ru*

Abstract. Old Icelandic Kings’ and Family, but primarily Viking sagas base many of their stories about Scandinavians in Eastern Europe and in Rus’ on narrative motifs, i.e. stereotyped tales about the deeds of the hero. This feature is especially characteristic of Viking sagas. Most of their heroes find themselves in Gardariki (in this case only the north-western part of Eastern Europe) where they fight local rulers or enter their service, marry the wife/widow or the daughter of the local ruler and eventually become ‘konungs of Gardariki’ themselves. Though these are common narrative motifs, their consistent localisation in Eastern Europe seems to suggest that their emergence and secure place in the Old Norse narrative tradition reflect the activities of Scandinavians in the Ladoga region (according to one of the sagas, the ‘jarldom that belongs to Ladoga’) in the 8th and 9th centuries, the time of the consolidation and functioning of the Ladoga-II’men’ polity under the rule of Scandinavian ‘konungs’. The past is thus represented in the form of narrative motifs based on recurrent events.

Keywords: Viking sagas, representation of the past, motif, Gardariki

For citation: Melnikova, E.A. (2020), “Motif as a form of the representation of historical memory: Scandinavians in Eastern Europe in the 9th and 10th centuries as depicted in the Old Icelandic ‘Viking sagas’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no 1, pp. 26-40, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-1-26-40

Несмотря на то что изучение социальной (по определению М. Хальбвакса [Hallbwachs 1950; Hallbwachs 1992]), или культурной (по определению Я. Ассмана [Assmann 1992; Ассман 2004]), в том числе исторической памяти, является в последние десятилетия одним из магистральных направлений в медиэвистике и в XXI в. получило широкое распространение также и в скандинавистике (см. специальный выпуск журнала [Scandinavian Studies 2013], а также: [Hermann, Mitchell and Agnes S. Arnórsdóttir 2014]), формам ее вербальной репрезентации уделяется не слишком много внимания. В одной из немногих работ, посвященных этому вопросу, крупнейший саговед Т. Андерссон предположил, что культурная память в исландской устной традиции, позднее воплотившейся в

сагах, сохранялась в биографической, генеалогической (иногда с политической подоплекой – «with political undercurrents») и географической (топографической) формах [Anderson 2008]. Причина малого интереса к формам репрезентации культурной памяти, вероятно, – очевидная «жанровая» обусловленность ее сохранения в Средневековье: как в дописьменных, так и в раннеписьменных обществах прошлое, как правило, запечатлевается в нарративах различного типа, от героического эпоса до хроники. Поэтому в подавляющем большинстве случаев исследователей интересуют повествовательные памятники, в той или иной степени и различными способами отражающие прошлое. Соответственно, предметом исследования становится специфика отображения культурной памяти в избранном тексте или комплексе текстов (см., например: [Yuock 2004; Nermann 2013] и др.). Второй, менее обсуждаемой, но также общепризнанной группой текстов, воплощающих память о прошлом, прежде всего в дописьменную эпоху, являются генеалогии: краткие перечни предков, но особенно – развернутые, включающие повествования о них, т. е. опять же нарративы [Spiegel 1983; Vansina 1985; Clunies Ross 1993; Древнейшие государства 2004; Мельникова 2016]. Тем интереснее и важнее, как мне представляется, возможность выделить особую, не собственно повествовательную, а структурно-повествовательную форму репрезентации прошлого, которая нашла воплощение в древнеисландских викингских сагах (возможно, и не только в них). Жанровая специфика этой подгруппы саг о древних временах¹, записанных в XIII, но в основном в XIV–XV вв., казалось бы, исключает – что признается их исследователями – отражение в них реального прошлого, соответственно, историческую достоверность рассказываемого в них и, следовательно, их использование в качестве исторического источника².

Отличительными жанровыми признаками викингских саг (в англоязычной литературе – «легендарные саги» «*Legendary sagas*» [Lassen 2012]) считаются: сюжет – повествование о подвигах викингов; локализация действия за пределами Скандинавских стран; хронология сюжетного действия – IX–X вв., а также их ори-

¹ О классификации саг о древних временах см.: [Глазырина 1996, с. 7–22; Глазырина 2013, с. 462–468; Torfi Tulinius 2005; Interrogating Genre 2006, pp. 275–296].

² Впрочем, в современном саговедении вновь звучат призывы отказаться от исследования исторической реальности на материале саг, ограничиваясь их изучением как памятников словесности (см., например: [Scandinavian Studies 2013, p. 263]).

ентированность на «развлекательность» [Mundal 2004]. Сходным образом, но без акцента на их «развлекательность» характеризует их Торфи Тулиниус, который считает их основными особенностями локализацию действия – вне собственно Скандинавских стран и хронологию – до объединения Норвегии [Torfi H. Tulinius 2005, pp. 447–461]. Впрочем, все эти признаки относительны. Часть действия викингских саг разворачивается в Скандинавии, нередко в Дании (например, в «Саге о Хрольве Пешеходе» – *Göngu-Hrólfs saga* 1959; *Сага о Хрольве Пешеходе* 2008), но никогда – в Исландии. Сюжетное время, например, в «Саге об Ингваре Путешественнике» [Глазырина 2002] датируется серединой XI в. «Развлекательность» же викингских саг – совершенно особого свойства, и, более того, их идейное содержание ею далеко не ограничивается. В отличие от действительно развлекательных «приключенческих» или «сказочных» саг (*æventýra sögur, Märchen sagas*)³, сюжеты которых, равно как и герои, вымышлены, в основе большинства викингских саг лежат реальные, хотя и малоизвестные нам (а подчас и вовсе не известные за крайней скудостью источников) события ранней эпохи викингов⁴. Герои этих саг нередко упоминаются в других, родовых или королевских сагах, иногда – в зарубежных (франкских, англо-саксонских) источниках. Так, в сагах неоднократно упоминается герой одноименной саги Рагнар Лодброк (*Ragnars saga Loðbrókar* 1997), который, возможно, осадил Париж в 845 г. (современные событиям франкские анналы называют предводителем викингского войска некоего Reginherus, т. е. Рагнара, но его прозвище «Лодброк» («Кожаные Штаны») приводит только Гильом Жюмьежский, ок. 1070 г.) [Mc Turk 1981]. Героем «Саги о Хрольве Пешеходе» (*Göngu-Hrólfs saga* 1959; *Сага о Хрольве Пешеходе* 2008) является хорошо известный франкским и более поздним нормандским источникам Роллон, предводитель викингского войска, осадившего Париж в 885–886 гг., и основатель Нормандского герцогства и династии его правителей (см. о нем: [Bouet 2016]). Важной особенностью героев викингских саг является подчеркиваемая авторами их реальная или предполагаемая генеалогическая связь с родами скандинавской знати XI–XIII вв.: к ним возводят свои родословия знатные исландцы, с ними находятся в родстве датские,

³ Ныне все эти ранее выделяемые виды саг объединяются общим обозначением *The Legendary sagas*.

⁴ Редчайший случай надежной верификации «исторического ядра» викингской саги представляет «Сага об Ингваре», в память об участниках похода которого установлено около 25 рунических камней, в основном в Средней Швеции [Larsson 1990; Мельникова 2002, с. 169–189].

шведские, норвежские конунги [Мельникова 2012, с. 122–137]. Особенно популярны были генеалогии, восходящие к Рагнару Лодброкку. Генеалогическая связь героев викингских саг с современными их авторам людьми актуализировала и в определенной степени верифицировала рассказываемое. Прошлое викингских саг тем самым должно было восприниматься как хотя бы отчасти действительно бывшее, но в очень далекие времена. «Развлекательность», таким образом, была не единственной, а может быть, и не главной задачей викингских саг. В них воплощалась историческая память (сколь ни скудная и искаженная огромной временной дистанцией) о ранней эпохе викингов, и они служили источником сведений о далеких предках. Одновременно в викингских сагах формировался особый героический этос, основанный на образе «идеального» викинга, бесстрашного, наделенного удачей, неизменного победителя в поединках, обретающего в конце пути «конунгство» в чужой земле [Тоорн 1963–64; Еременко 2009].

Развлекая аудиторию, викингские саги в то же время и отражают, и формируют представления исландского общества XIII в. о далеком, но славном деяниях предков-викингов прошлом. Однако в отличие от родовых и королевских саг они не имеют целью «правдивый» (в понимании их авторов) рассказ о прошлом. Для их авторов и слушателей, видимо, не столь важно, является ли герой саги реальным лицом, как Хрольв Пешеход, или вымышленным (?) персонажем, как Одд Стрела⁵. Важно его соответствие героизированному образу викинга. Реальность маркируется в сагах о викингах, как и в героическом эпосе, личными именами, топонимами, иногда – деталями сюжета, но достоверность и, соответственно, верификация рассказываемого не требуется условиями жанра: не случайно в викингских сагах так мало используется поэзия скальдов – источник информации и одновременно способ верификации рассказываемого в королевских и родовых сагах [Гуревич 1972; Peters 1978; Джаксон 1991, с. 79–108]. Авторы викингских саг иногда и сами сомневаются в вероятности рассказываемого («но хотя это и возможно, все же это не похоже на правду») или предлагают сво-

⁵ Об Одде не говорится ни в одной другой саге, хотя его предки, Кетиль Лосось и др. («люди из Хравнисты», хутора в северо-западной Норвегии), называются в нескольких родовых сагах в качестве предков исландцев. Единственный случай упоминания Одда – в легендарной части «Истории данов» Саксона Грамматика, пересказавшего известное по древнеисландским источникам предание о битве на о. Самсё (в проливе Каттерат), в которой на стороне свейского героя Хьяльмара участвовал Arvarodduð piratus (Saxo Grammaticus V, XIII, 4). По «Саге об Одде», он – побратим Хьяльмара.

им читателям или слушателям исправить и дополнить свое повествование: «А те, кто считают, что они знают [об этом] лучше, пусть исправят там, где чего-то недостает» [Глазырина 2002, с. 271]. Фабулы викингских саг – подвиги героя – могут быть смутным воспоминанием о делах давно минувших дней, но могут и заимствоваться из других повествований о викингах. Тем не менее сюжетика викингских саг обращена к прошлому – ранней эпохе викингов, которое они реконструируют своим, особым способом.

Таким образом, викингские саги ориентированы на решение сложного комплекса идеологических задач, помимо развлекательности: они повествуют о далеком прошлом, не нашедшем последовательного отражения в родовых и королевских сагах; в них создается героизированный образ дальних предков, прославившихся своими деяниями; в них воплощается «героический» этос ушедшей эпохи, каким он представлялся исландцам XIII–XIV вв.

Героизированность исторического прошлого викингских саг определяет его конструкцию, принципиально отличную от прошлого родовых и королевских саг. Ранняя эпоха викингов – своего рода героический век скандинавов, и ее репрезентация сближается с изображением прошлого в героическом эпосе. Викинги, отношение к которым в Скандинавии XII–XIII вв. было скорее отрицательным⁶, предстают здесь отважными, заслуженно принимающими почести витязями, завоевывающими своими подвигами славу, «королевство» и жену. Герой викингских саг – одиночка, имеющий в лучшем случае побратима или верного товарища, в отличие от родовых и королевских саг, где герой включен в сложную систему родственных и социальных связей. С героическим эпосом эти саги роднят и многие другие особенности: сюжет образован цепочкой относительно самостоятельных, зачастую не объединенных причинно-следственными связями эпизодов⁷, основанных на распространенных нарративных мотивах (поединок, битва с превосходящими силами врагом, волшебные предметы и помощники,

⁶ Многочисленны рассказы о попытках датских и норвежских конунгов очистить свою территорию от викингов в королевских сагах. Безусловно и резко негативно отношение к «квинтэссенции» викингства – берсеркам во всех сагах. Латиноязычные авторы употребляют для обозначения викингов слово *pirati* (Saxo Grammaticus 2005, *passim*). См. подробно: [Lind 2012].

⁷ Исключение некоторых эпизодов не влияет на общее содержание произведения. Особенно показательна в этом отношении «Сага об Одде Стреле», в которой лишь незначительная часть эпизодов формирует сюжет, как, например, предсказание провидицы и последующее избавление от коня Факси, получение Оддом волшебных стрел Гуси и некоторые другие (*Örvarr Odds saga* 1888).

героическое сватовство и др.). Мир викингских саг условен и биполярен, в нем нет места обыденности – это мир воинов, конунгов и их дружин. Главному герою противостоит викинг-злодей, берсерк или чудовище.

Жанровые особенности викингских саг обуславливают почти полное отсутствие в них «фактографической» информации, т. е. сообщений о реальных событиях. Свои подвиги викинги-герои совершают в условном (эпическом) пространстве, им противостоят условные викинги-злодеи или фантастические существа, они завоевывают условные земли, обозначенные, однако, как правило, реальными наименованиями. Но за этими «условностями» стоит обобщенная действительность. Сама возможность формирования типических мотивов и сюжетов была обусловлена многократностью, повторяемостью сходных ситуаций: поединок героя с викинг-берсерком – постоянной борьбой викингских отрядов между собой; нападение героя на соседние или дальние политии – грабительскими походами викингов; завоевание «королевства» – сбывшейся мечтой любого предводителя викингского отряда. За каждым нарративным мотивом стояла действительность, но в виде не одного конкретного «факта», а ряда однотипных событий. Лишь крайне редко какое-то событие ранней эпохи викингов запечатлевалось в памяти потомков и отображалось в развернутом сюжете, совершенно не обязательно связанном с именем исконного героя. Так, в какой-то, далеко не ясной степени нашли отражение уже упоминавшиеся деяния Хрольва-Роллона и Рагнара Лодброка. В сюжете о гибели части воинов Ингвара из-за их связи с женщинами где-то на востоке в «Саге об Ингваре Путешественнике», видимо, отразился известный по рассказу ибн Мискавейха (начало XI в.) плачевно закончившийся набег русов на Берда'а в 943 или 944 г. [Глазырина 2000, с. 155–165]. Другой сюжет, о смерти князя Олега, сложившийся на Руси и принесенный варягами обратно в Скандинавию, был положен в основу «Саги об Одде Стреле». С именем героя саги, Одда, связано множество рассказов о его поединках с берсерками, чудовищами, великаном Огмундом, но все они факультативны: любой из них может быть изъят без малейшего ущерба для содержания саги. Легенда же о смерти Олега служит главным сюжетообразующим мотивом, определяющим судьбу Одда: как и Олегу, Одду предсказана «смерть от коня»; как и Олег, Одд пытается избежать своей судьбы, избавившись от коня; как и Олег, Одд становится конунгом Гардарики; как и Олег, Одд возвращается туда, где лежат кости коня, и погибает от укуса змеи, выползшей из конского черепа [Melnikova 2000, pp. 152–168; Мельникова 2005, с. 95–108]. Князь Олег (др.-сканд. *Helgi*), таким образом, послужил

своего рода «историческим прототипом» Олда. Возможно, в «Саге о Стурлауге Трудолюбивом» сохранились отголоски преданий о князе Игоре – «конунге на востоке в Гардах» Ингваре. Действие этой саги соотносится со временем правления Харальда Прекрасноволосого (ум. ок. 930 г.), и в ней законсервировались изначальные формы наименований Руси (*Gardar* вместо более позднего и обычного для саг *Gardaríki*) и Ладogi (*Aldeigja* вместо *Aldeigjuborg*) [Глазырина 1996, с. 188–189; Глазырина 2013, с. 514–515].

Однако прямая связь сюжетов викингских саг с реальными событиями вообще и на Руси в частности – крайняя редкость. Восточная Европа и Русь-*Gardaríki* представлены в сагах о викингах как пространство, в котором постоянно (почти во всех сагах) оказываются герои-скандинавы, приходящие на помощь местным конунгам, также скандинавам (изредка упоминаются их родственные связи с правителями Скандинавских стран), или сражающиеся с ними за власть в «государстве» и в результате находящие здесь себе невесту и «королевство». Территория *Gardaríki* – это еще не Русь, а исключительно северо-запад Восточной Европы, прежде всего Ладога и ее округа. Именно здесь сосредоточена вся «русская» топонимия «викингских саг», как реальная – *Gandvik* (Белое море), *Aldeigjuborg* (Ладога), *Álaborg* (Олонец?) и др., так и предположительно вымышленная – *Krákunes* «Вороний мыс», *Hlynskógar* «Кленовые леса» и др. [Глазырина 1996, с. 34–43]. Впрочем, это могли быть и топонимы, использовавшиеся на раннем этапе проникновения скандинавов в Восточную Европу, а затем утратившие актуальность и потому вышедшие из употребления, как, вероятно, хороним *Bjalkaland*, образованный от др.-рус. *бѣлка*⁸ – «Земля белок», т. е. «Земля мехов», – и обозначавший некую область в «Восточных землях», куда скандинавы приходили для охоты на пушного зверя и покупки пушнины. Все «русские» конунги носят исключительно скандинавские имена. Однако правители Ладogi и члены их семей чаще всего имеют реальные, общеупотребительные имена: *Sigtryggr*, *Arngrímr*, *Hálfdan*, *Ingigerðr*, *Ísgerðr* и др., тогда как персонажи, не связанные с Ладогой, носят вымышленные имена: *Sigrlami*, *Arghyrna*, *Hrifling* [Глазырина 1997, с. 26–31; Глазырина 2001, с. 143–159 (здесь приведен полный список имен «конунгов Руси»); Глазырина 2013, с. 514]⁹.

⁸ Топоним встречается только один раз в «Саге об Олде Стреле». Об этимологии названия см.: [Vries 1977, p. 38].

⁹ Вымышленны имена «русских» конунгов в «Саге об Олде Стреле» (образованы от названий древнерусских городов: *Ráðstafr* < *Ráðstofa*, *Marró* < *Móramar* и др.) и в «Саге о Тидреке Бернском» (*Runi*, *Hirðer* и др.).

В викингских сагах, таким образом, отражена реальная действительность, причем именно VIII – первой половины X в., но в специфическом, обобщенном виде – в форме сюжетных мотивов. *Garðaríki* в них – еще не Русь королевских и родовых саг, а лишь северо-запад Восточной Европы, собственно Ладога и ее округа, хорошо знакомая, постоянно посещаемая территория со значительным количеством топографических ориентиров. Ладожско-Волховский регион видится авторам викингских саг органической частью балтийского мира – и это соответствует становлению трансконтинентального пути из Северного в Каспийское и Черное моря [Коновалова, Мельникова 2018, с. 51–75]. Мотив борьбы скандинавского героя-викинга с «конунгом Гардарики» или «конунгом Альдейгьюборга» отразил столкновения многочисленных скандинавских отрядов, предводители которых стремились установить свой контроль над выходом в восточноевропейскую систему коммуникаций – Ладожско-Волховским регионом, а позднее – стать во главе образовавшейся здесь политики. Вариант этого мотива – служба героя «конунгу Гардарики», также заканчивавшаяся его «обретением конунгства», – был воспоминанием о воинах-наемниках, «ходивших под рукой» русских князей. В мотиве героического сватовства воплотились многочисленные браки скандинавских воинов со славянками и дочерьми уже осевших в Восточной Европе скандинавов. Возможно, какие-то из этих сюжетов и восходят к реальному событию: например, брак некоего Радбарда с дочерью упсальского конунга Ивара Широкие Объятья (см. подробно: [Мельникова 2017, с. 413–414]), но это были бы редкие исключения.

Прошлое, таким образом, предстает в викингских сагах, как и в героическом эпосе, в обобщенных, «типизированных» формах – прежде всего в виде устойчивых сюжетных мотивов, возникновение которых коренилось в реальной действительности, но которые, как правило, не отражали конкретные, единичные эпизоды деятельности викингов на западе и востоке Европы.

Благодарности

Статья выполнена при поддержке РФФИ, грант № 18-09-00433-18 «Репрезентация прошлого в раннем историописании Древней Руси и Скандинавии: сравнительное исследование».

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 18-09-00433-18, “Representation of the Past in early history-writing in Ancient Rus’ and Scandinavia: A comparative study”.

Источники

- Saga о Хрольве Пешеходе 2008 – Saga о Хрольве Пешеходе / Пер. М.В. Панкратовой и др. // Пряди истории: Исландские саги о Древней Руси и Скандинавии / Науч. ред. Ю.К. Кузьменко. М.: Водолей, 2008. С. 13–128.
- Göngu-Hrólfs saga 1959 – Göngu-Hrólfs saga // Fornaldar sögur Norðurlanda / Ed. Guðni Jónsson. Reykjavík: Íslendingasagnaútgáfan. Vol. III. P. 161–280.
- Ragnars saga Loðbrókar 1997 – Ragnars saga Loðbrókar – Volsunga saga / Ed. U. Ebel. Steinfurt: DEV, 1997.
- Saxo Grammaticus 2005 – Saxo Grammaticus. Gesta Danorum. Danmarkshistorien / Latinsk tekst udg. af K. Friis-Jensen, dansk P. Zeeberg. Det Danske Sprog- og Litteraturselskab. København, 2005. B. 1–2.
- Örvarr Odds saga 1888 – Örvarr Odds saga / Ed. by R.C. Boer. Leiden: Brill, 1888.

Литература

- Ассман 2004 – *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Глазырина 1996 – *Глазырина Г.В.* Исландские викингские саги о Северной Руси. Тексты, перевод, комментарий (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). М.: Ладомир, 1996. 236 с.
- Глазырина 1997 – *Глазырина Г.В.* «Конунги Руси» в сагах о древних временах // Первые Скандинавские чтения: Этнографические и культурно-исторические аспекты / Отв. ред. Т.А. Шрадер. СПб.: МАЭ РАН, 1997. С. 26–31.
- Глазырина 2000 – *Глазырина Г.В.* Формирование устной традиции: Сюжет о походе русов на Берда'а в восточных памятниках и рассказ «Саги об Ингваре» о гибели скандинавов на Востоке // Восточная Европа в древности и средневековье: Историческая память и формы ее воплощения. XII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М.: ИВИ РАН, 2000. С. 155–165.
- Глазырина 2001 – *Глазырина Г.В.* Правители Руси (Обзор древнескандинавских источников // Древнейшие государства Восточной Европы, 1999 год. М.: Восточная литература, 2001. С. 143–159.
- Глазырина 2002 – *Глазырина Г.В.* Сага об Ингваре Путешественнике. Текст, перевод, комментарий. М.: Восточная литература, 2002. 464 с. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы)
- Глазырина 2013 – *Глазырина Г.В.* Саги о древних временах // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Отв. ред. Е.А. Мельникова. 2-е изд. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013. С. 514–515.
- Гуревич 1972 – *Гуревич А.Я.* История и сага. М.: Наука, 1972. 202 с.
- Джаксон 1991 – *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей: X–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР: 1988–1989 годы. М.: Наука, 1991. С. 5–169.
- Древнейшие государства 2004 – Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М.: Восточная литература, 2004. 374 с.

- Еременко 2009 – *Еременко А.Б.* Викинские саги как источник для изучения этических представлений в Исландии XIII–XV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИВИ РАН, 2009. 24 с.
- Коновалова, Мельникова 2018 – *Коновалова И.Г., Мельникова Е.А.* Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций (IX–X вв.). М.: Весь мир, 2018. 276 с.
- Мельникова 2002 – *Мельникова Е.А.* Шведские рунические надписи в честь участников похода Ингвара // *Глазырина Г.В.* Сага об Ингваре Путешественнике. Текст, перевод, комментарий. М.: Восточная литература, 2002. С. 169–189. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы)
- Мельникова 2005 – *Мельникова Е.А.* Сюжет смерти героя «от коня» в древнерусской и древнескандинавской традициях // От Древней Руси к новой России. Юбилейный сборник, посвященный члену-корреспонденту РАН Я.Н. Щапову. М.: Паломнический центр Московского Патриархата, 2005. С. 95–108.
- Мельникова 2012 – *Мельникова Е.А.* Германский героический эпос в средневековой Скандинавии: актуализация традиции // Самые забавные лживые саги: Сборник статей в честь Г.В. Глазыриной / Под ред. Т.Н. Джаксон, Е.А. Мельниковой. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. С. 122–137.
- Мельникова 2016 – *Мельникова Е.А.* Генеалогия и начала норвежско-исландского историописания // Древнейшие государства Восточной Европы. 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. С. 464–526.
- Мельникова 2017 – *Мельникова Е.А.* Эпоха Владимира в древнескандинавской литературе // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Назаренко. М.; Вологда: Древности Севера, 2017. С. 410–441.
- Anderson 2008 – *Anderson Th.M.* From Tradition to Literature in the Sagas // *Oral Art Forms and their Passage into Writing* / Ed. by E. Mundal, J. Wellendorf. Museum Tusulanum, Copenhagen, 2008. P. 7–17.
- Assmann 1992 – *Assmann J.* Das Kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und Politische Identität in frühen Hochkulturen. Munich: Verlag C.H. Beck, 1992.
- Bouet 2016 – *Bouet P.* Rollon: Le chef viking qui fonda la Normandie. Paris: Tallander, 2016.
- Byock 2004 – *Byock J.L.* Social Memory and the Sagas: The Case of *Egils saga* // *Scandinavian Studies*. 2004. Vol. 76, № 3. P. 299–315.
- Clunies Ross 1993 – *Clunies Ross M.* The development of Old Norse textual worlds: genealogical structure as a principle of literary organization in early Iceland // *The Journal of English and Germanic Philology*. 1993. Vol. 92. № 3. P. 372–385.
- Halbwachs 1950 – *Halbwachs M.* The Collective Memory / Transl. by F.J. Ditter, Jr. and V.Y. Ditter. New York: Harper & Row, 1980 (1st ed.: *La memoire collective*, Paris, 1950).
- Halbwachs 1992 – *Halbwachs M.* On Collective Memory / Transl. by L.A. Coser. Chicago: University of Chicago Press, 1992 (1st ed.: *Les cadres sociaux de la memoire*, Paris, 1925).
- Hermann 2013 – *Hermann P.* Saga Literature, Cultural Memory, and Storage // *Scandinavian Studies*. The journal of the Society for the advancement of Scandinavian studies. 2013. Vol. 85. № 3. P. 332–354.
- Interrogating Genre 2006 – Interrogating Genre in the *Fornaldarsögur*. Round Table Discussion // *Viking and Medieval Scandinavia*. 2006. Vol. 2. P. 275–296.

- Larsson 1990 – *Larsson M.G.* Runstenar och utlandsfärder. Aspekter på det senvikingatida samhället med utgångspunkt i de fasta fornlämningarna. Lund: Almqvist & Wiksell, 1990.
- Lassen 2012 – *Lassen A., Ney A. and Ármann Jakobsson.* The Legendary Sagas: Origins and Development. Reykjavík: University of Iceland Press, 2012.
- Lind 2012 – *Lind J.H.* “Vikings”, vikingetid og vikingeromantik // *Kuml*, 2012. P. 151–170.
- McTurk 1981 – *McTurk R.* Studies in Ragnars saga loðbrókar and its Major Scandinavian Analogues (Medium Ævum Monographs, New Series 15), Society for the Study of Mediæval Languages and Literature. Oxford, 1981.
- Melnikova 2000 – *Melnikova E.* The Death in the Horse's Skull: The Interaction of Old Russian and Old Norse Literary Traditions // *Gudar på jorden. Festschrift till Lars Lönnroth* / Ed. by S. Hansson and M. Malm. Eslöv: Brutus Östlings bokförlag, 2000. P. 152–168.
- Hermann, Mitchell and Agnes Arnórsdóttir 2014 – *Minni and Muninn: Memory in Medieval Nordic Culture* / Ed. by P. Hermann, St.A. Mitchell and Agnes S. Arnórsdóttir. Turnhout: Brepols, 2014.
- Mundal 2004 – *Mundal E.* Sagalitteraturen // *Handbok i norrøn filologi* / Ed. O.E. Haugen. Bergen: Fagbokforlaget, 2004 (repr. 2013).
- Peters 1978 – *Peters P.* Scaldic Verse as a Historical Source // *Parergon*. Vol. 2. P. 29–37.
- Scandinavian Studies 2013 – *The journal of the Society for the advancement of Scandinavian studies*. 2013. Vol. 85, no. 3.
- Spiegel 1983 – *Spiegel G.M.* Genealogy: Form and Function in Medieval Historical Narrative // *History and Theory: Studies in the Philosophy of History*. 1983. Vol. XXII. P. 43–53.
- Toorn 1963–64 – *Toorn M.C. van den.* Über die Ethic in den *Fornaldarsagas* // *Acta philologica Scandinavica*. 1963–1964. Vol. 26. P. 19–66.
- Torfi H. Tulinius 2005 – *Torfi H. Tulinius.* Sagas of Icelandic Prehistory (*Fornaldarsögur*) // *A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture* / Ed. R. McTurk. Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2005. P. 447–461.
- Vansina 1985 – *Vansina J.* Oral Tradition as History. Madison: University of Wisconsin Press, 1985.
- Vries 1977 – *Vries J. de.* Altnordisches Etymologisches Wörterbuch, Leiden: Brill, 1977.

References

- Anderson, Th.M. (2008), “From Tradition to Literature in the Sagas”, Mundal, E. and Wellendorf, J. (ed.), *Oral Art Forms and their Passage into Writing*, Museum Tusulanum, Copenhagen, Denmark, pp. 7–17.
- Assmann, J. (1992), *Das Kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und Politische Identität in frühen Hochkulturen*. Verlag C.H. Beck, München, Germany.
- Assmann, J. (2004), *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural memory: writing, memory about the past and political identity in high cultures of Antiquity], transl. M.M. Sokol'skaya, Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.

- Bouet, P. (2016), *Rollon: Le chef viking qui fonda la Normandie*. Tallander, Paris, France.
- Byock, J.L. (2004), "Social Memory and the Sagas: The Case of Egils saga", *Scandinavian Studies*, vol. 76, no. 3, pp. 299–315.
- Clunies Ross, M. (1993), "The development of Old Norse textual worlds: genealogical structure as a principle of literary organization in early Iceland", *The Journal of English and Germanic Philology*, vol. 92, no. 3, pp. 372–385.
- Eremenko, A.B. (2009), *Vikingskie sagi kak istochnik dlya izucheniya eticheskikh predstavlenij v Islandii XIII–XV vv.* [The Viking sagas as a source for the study of ethnic notions in Iceland, 13th–15th centuries], PhD Thesis, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Glazyrina, G.V. (1996), *Islandskie vikingskie sagi o Severnoi Rusi. Teksty, perevod, komentarii* [Icelandic 'Viking sagas' on Northern Rus'. Texts, translation, commentaries], *Ladomir, Moscow, Russia*.
- Glazyrina, G.V. (1997), The *konungs* of Rus' in *Fornaldarsögur*", *Shrader, T.A. (ed.), Pervye Skandinavskie chteniya: Etnograficheskie i kul'turno-istoricheskie aspekty*. Muzei antropologii i etnografii RAN, Saint Peterburg, Russia, pp. 26–31.
- Glazyrina, G.V. (2000), "Formirovanie ustnoi traditsii: Syuzhet o pokhode rusov na Berda'v v vostochnykh pamyatnikakh i rasskaz «Sagi ob Ingvare» o gibeli skandinavov na Vostoke" [The formation of oral tradition: the tale about the expedition of the Rus' on Berda'a in Oriental sources and the story of *Yngvar's Saga* about the death of Scandinavians in the Orient], *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e: Istoricheskaya pamyat' i formy ee voploshcheniya. XII Chteniya pamyati chl.-korr. AN SSSR V.T. Pashuto*, Institute of World History RAN, Moscow, Russia, pp. 155–165.
- Glazyrina, G.V. (2001), "The rulers of Rus' (The survey of Old Scandinavian sources)", *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy, 1999 god*, Vostochnaya literatura, Moscow, Russia, pp. 143–159.
- Glazyrina, G.V. (2002), *Saga ob Ingvare Puteshestvennike. Tekst, perevod, komentarii* [*Yngvars saga víðförla*. Text, translation, commentaries], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia.
- Glazyrina, G.V. (2013), *Sagi o drevnikh vremenakh* ["Sagas of ancient times"], Melnikova E.A. (ed.), *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov*, 2nd ed., Universitet Dmitriya Pozharskogo, Moscow, Russia, pp. 514–515.
- Gurevich, A.Ya. (1972), *Istoriya i saga* [History and saga], Nauka, Moscow, Russia.
- Halbwachs, M. (1950), *The Collective Memory*, Transl. by F.J. Ditter, Jr. and V.Y. Ditter, Harper & Row, New York, 1980 (1st ed.: *La memoire collective*, Paris, 1950).
- Halbwachs, M. (1992), *On Collective Memory*, Transl. by L.A. Coser, University of Chicago Press, Chicago (1st ed.: *Les cadres sociaux de la memoire*. Paris, 1925).
- Hermann, P. (2013), "Saga Literature, Cultural Memory, and Storage", *Scandinavian Studies. The journal of the Society for the advancement of Scandinavian studies*, vol. 85, no. 3, pp. 332–354.
- Hermann, P., Mitchell, St. A. and Agnes S. Arnórsdóttir (eds.) (2014), *Minni and Muninn: Memory in Medieval Nordic Culture*, Brepols, Turnhout, Belgium.
- Interrogating Genre in the *Fornaldarsögur*. Round Table Discussion (2006), *Viking and Medieval Scandinavia*, vol. 2. pp. 275–296.

- Jakson, T.N. (1991), "Icelandic Kings' Sagas as a source for the history of Ancient Rus' and its neighbours, 10-13 centuries", *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. 1988–1989 gody*, Nauka, Moscow, pp. 5–169.
- Konovalova, I.G. (ed.) (2004), *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2002*, Vostochnaya literatura, Moscow, Russia.
- Konovalova, I.G. and Melnikova, E.A. (2018), *Drevnyaya Rus' v sisteme evraziiskih kommunikatsii (IX–X vv.)* [Ancient Rus' in the system of Eurasian communications, 9-10 centuries], *Ves' mir*, Moscow, Russia.
- Larsson, M.G. (1990), *Runstenar och utlandsfärder. Aspekter på det senvikingatida samhället med utgångspunkt i de fasta fornlämningsarna*, Almqvist & Wiksell intern., Lund, Sweden.
- Lassen, A., Ney, A. and Ármann Jakobsson (eds.) (2012), *The Legendary Sagas: Origins and Development*, University of Iceland Press, Reykjavík, Iceland.
- Lind, J.H. (2012), "Vikings', vikingetid og vikingeromantik", *Kuml*, pp. 151–170.
- McTurk, R. (1981), *Studies in Ragnars saga loðbrókar and its Major Scandinavian Analogues* (Medium Ævum Monographs, New Series 15), Society for the Study of Mediaeval Languages and Literature, Oxford, UK.
- Melnikova, E. (2000), "The Death in the Horse's Skull: The Interaction of Old Russian and Old Norse Literary Traditions", Hansson S. and Malm M. (eds.), *Gudar på jorden. Festskrift till Lars Lönnroth*, Brutus Östlings bokförlag, Eslöv, pp. 152–168.
- Melnikova, E.A. (2002), "Шведские runicheskie nadpisi v chest' uchastnikov pokhoda Ingvara" [Swedish runic inscriptions in honour of the participants of Ingvar's expedition], Glazyrina G.V. *Saga ob Ingvare Puteshestvennike. Tekst, perevod, kommentarij*. Vostochnaya literatura, Moscow, pp. 169–189.
- Melnikova, E.A. (2005), "Motif of the hero's death 'from his horse' in Old Russian and Old Scandinavian traditions", *Ot Drevnei Rusi k novi Rossii. Yubileinyi sbornik, posvyashchennyi chlenu-korrespondentu RAN Ya.N. Shchapovu*, Palomnicheskii tsentr Moskovskogo Patriarkhata, Moscow, pp. 95–108.
- Melnikova, E.A. (2012), "Germanic heroic epics in Medieval Scandinavia: Actualization of the tradition", Jakson T.N. and Melnikova E.A. (eds.), *Samye zabavnye lzhivye sagi: Sbornik statei v chest' G.V. Glazyrinoi*, Universitet Dmitriya Pozharskogo, Moscow, Russia, pp. 122–137.
- Melnikova, E.A. (2016), "Genealogy and the beginnings of Norwegian-Icelandic history-writing", Guimon, T.V. (ed.), *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2013 god: Zarozhdenie istoriopisaniya v obshchestvakh Drevnosti i Srednevekov'ya*, Universitet Dmitriya Pozharskogo, MoscowRussia, pp. 464–526.
- Melnikova, E.A. (2017), "The age of Vladimir in Old Scandinavian literature", Markarov, N.A. and Nazarenko, A.V. (eds.), *Rus' epohi Vladimira Velikogo: gosudarstvo, tserkov', kul'tura*, Drevnosti Severa, Moscow and Vologda, pp. 410–441.
- Mundal, E. (2004), "Sagalitteraturen", Haugen O.E. (ed.), *Handbok i norrøn filologi*, Fagbokforlaget, Bergen (repr. 2013).
- Peters, P. (1978), "Scaldic Verse as a Historical Source", *Parergon*, vol. 2, pp. 29–37. *Scandinavian Studies. The journal of the Society for the advancement of Scandinavian studies* (2013), vol. 85, no. 3.
- Spiegel, G.M. (1983), "Genealogy: Form and Function in Medieval Historical Narrative", *History and Theory: Studies in the Philosophy of History*, vol. XXII, pp. 43–53.

- Toorn, M.C. van den (1963–64), “Über die Ethic in den *Fornaldarsagas*“, *Acta philologica Scandinavica*, vol. 26, pp. 19–66.
- Torfi H. Tulinius (2005), “Sagas of Icelandic Prehistory (*Fornaldarsögur*)”, McTurk, R. (ed.), *A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture*, Blackwell Publishing Ltd., Oxford, pp. 447–461.
- Vansina, J. (1985), *Oral Tradition as History*, University of Wisconsin Press, Madison, USA.
- Vries, J. de. (1977), *Altnordisches Etymologisches Wörterbuch*, Brill, Leiden, Netherland.

Информация об авторе

Елена А. Мельникова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр., д. 32а; melnikova_2002@mail.ru

Information about the author

Elena A. Melnikova, Dr. of Sci. (History), chief research fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 32a, Leninskii Av., Moscow, Russia, 119334; Melnikova_2002@mail.ru

“Le Pas Saladin”: от истории к легенде (XIII–XIV вв.)

Светлана И. Лучицкая

*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
odysseus1989@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена “Le Pas Saladin” – малоизвестной исторической поэме из времен Третьего крестового похода. Это литературное произведение, чрезвычайно популярное в течение всего Средневековья, было основано на реальных исторических фактах, касающихся битвы при Яффе (1192). Цель статьи – вписать сочинение в более широкий контекст с тем, чтобы проследить, как на протяжении всего текста история превращается в легенду и как реальные факты намеренно искажаются и перетолковываются неизвестным рассказчиком. Автор статьи допускает, что процесс переосмысления знаменитой битвы мог быть связан с поиском Европой своей политической и национальной идентичности.

Ключевые слова: Третий крестовый поход, рыцарство, Ричард Львиное Сердце, Филипп II Август, Саладин, “Le Pas Saladin”

Для цитирования: Лучицкая С.И. “Le Pas Saladin”: от истории к легенде (XIII–XIV вв.) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 1. С. 41–56. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-1-41-56

“Le Pas Saladin”: From history to legend (13th–14th centuries)

Svetlana I. Luchitskaya

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
odysseus1989@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to a little-known historical poem on the Third Crusade (‘Le Pas Saladin’). This literary work, which was very popular during the Middle Ages, is considered to be based on true facts concerning the history of the Battle of Jaffa (1192). The aim of the article is to place the poem in a broader context, in order to see how, within the text of the ‘Pas Saladin’, history devolves into legend and how actual events are deliberately distorted and reinterpreted by an unknown narrator. The author of the article admits

that the process of reconsidering the history of the famous battle could be related to the European search for political and national identity.

Keywords: The Third Crusade, chivalry, Richard The Lion Heart, Philip II Augustus, Saladin, “Le Pas Saladin”

For citation: Luchitskaya, S.I. (2020), “‘Le Pas Saladin’: From history to legend (13th–14th centuries)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no 1, pp. 41-56, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-1-41-56

Яркие события Третьего крестового похода, связанные с именами Ричарда Львиное Сердце, Филиппа II Августа и Саладина, долгое время волновали воображение средневековых христиан. Крестоносная эпопея была запечатлена в многочисленных западноевропейских хрониках и трудах историков латинского Востока, но также своеобразных памятниках смешанного жанра, возникших на стыке литературы и истории. Это, например, рифмованная хроника Амбруаза, повествующая о крестоносной экспедиции Ричарда Львиное Сердце, или историческая поэма “Le Pas Saladin”, написанная примерно через 100 лет после этих событий. К ней мы сейчас и обратимся. Поэма рассказывает о полулегендарном эпизоде крестового похода. Вот вкратце ее содержание. Английский и французский короли, приняв крестоносный обет, прибывают в завоеванную мусульманами Святую Землю. Иерусалим в результате козней предателей оказался в руках неверных, а Ги де Лузиньян – иерусалимский король – прозябает в плену у султана Саладина. С прибытием Ричарда Львиное Сердце, Филиппа II Августа крестоносцев вновь вдохновляет надежда. Они начинают готовиться к засаде против сарацин, которые собираются пересечь горный перевал. Французский монарх в союзе с 12-ю рыцарями заставляет врага обратиться в бегство, после чего крестоносцы отвоевывают священный город Иерусалим – это позволяет Ги де Лузиньяну вернуть утраченный престол (Le Pas Saladin 1897, pp. 42–48)¹. Рыцарская поэма стала очень популярной в средневековой Европе – ее пересказывали и пели, а описанный в ней военный эпизод воодушевлял художников и поэтов на создание новых произведений. Не вдаваясь в подробности, отметим, что, по единодушному мнению исследователей, поэма, написанная октосиллабическим стихом

¹ В основе существующих ныне изданий текста – рукопись из Национальной библиотеки Франции: BNF Ms. fr. 24432, fols. 29vb-33vb. В настоящей статье используется издание Ф.А. Лодемана 1897 г. По этому же изданию цитируется текст поэмы.

(618 стихов), была создана на рубеже XIII–XIV вв., а ее автором мог быть герольд – ведь в ней есть подробный рассказ о гербах христианских рыцарей.

Произведение не случайно называется “Le Pas Saladin”. Здесь имеется в виду особый вид боя, в средневековье именовавшийся *pas d’armes*. По существу, речь идет о турнире, подразумевающим защиту с оружием в руках определенного места – например, моста или брода, прохода через ущелье – в схватке со всеми, кто желает участвовать в военном состязании. *Pas d’armes* – это бой на право к проходу к этому важному пункту: он воспроизводит особую ситуацию, в которой тот, кто занимает стратегическую позицию (*tenant*), защищает ее от всякого пришельца (*venant*). Известно, что в XIV–XV вв. подобные эпизоды, нередко заимствованные из рыцарских романов, стали инсценировать на рыцарских праздниках, как это было во Франции, Бургундии и других государствах [Lindner 1991]. Как видим, уже само название поэмы заставляет вспомнить об этом особом виде боя, в котором участники стилизовали свое поведение в духе литературной традиции.

Разумеется, такой интересный памятник средневековой литературы не мог не привлечь внимание медиевистов. Начиная с издания поэмы Г.-С. Требютьеном (*Le pas Salhadin* 1836) в середине XIX в. появилось немало исследований, принадлежащих перу как филологов и искусствоведов, так и историков. Первые стремились изучать литературный текст и связанную с ним иконографию и геральдику [Loomis 1915; Prinnet 1922], вторые – пытались выяснить, в какой степени поэма отражает исторические реалии [Le Clerc 1856; Paris 1893]. Продолжая изыскания историков, я попытаюсь переформулировать задачу исследования. Как и мои предшественники, я также буду сравнивать поэму с историческими сочинениями, но не на предмет верификации сообщаемых в ней заведомо полуполюгендарных сведений, а с целью восстановить определенный исторический контекст, в котором возникло это произведение. Меня больше интересует, как именно отраженные в исторических источниках факты подвергаются литературной обработке и все большему искажению и какие ценности и представления скрываются за этим процессом – в чьих интересах и с какой целью переосмысляются в поэме известные события.

На самом деле, вопрос о том, существует ли некое «историческое ядро» поэмы, не вполне однозначен. Кто-то считал, что «Le Pas Saladin» всего лишь плод народной фантазии, творчества труверов [Le Clerc 1856, p. 485]. Другие полагали, что в основе поэмы – реальные события, о которых рассказывали в своих хрониках англо-нормандские авторы [Lodeman 1897]. Речь идет в основном о

двух из них. Это Амбруаз – поэт и летописец из окружения Ричарда Львиное Сердце, который создал «Историю священной войны» буквально по горячим следам (Ambroise 1897), и это также хронист Ричард, каноник церкви св. Троицы из Лондона, написавший свой «Путеводитель паломников, или Деяния короля Ричарда» (*Itinerarium peregrinorum* 2001) несколько позже и многое заимствовавший у Амбруаза. Оба историка пересказывают военный эпизод, который, как считается, воспроизведен в “Le Pas Saladin”. Речь идет о десанте короля Ричарда с небольшой группой рыцарей в порту Яффы в конце июля 1192 г. [Runciman 1951, p. 71]. Действия короля были внезапны и стремительны: почти без вооружения он со своим войском прибыл на галерах из Акры в осажденную Саладином Яффу, едва нашел трех коней для себя и своих рыцарей и с небольшими силами побил мусульман (Ambroise 1897, vv. 11411–1435, cols. 305–306; *Itinerarium peregrinorum* 2001, p. 357–358). Таковы факты. Конечно, не стоит искать в “Le Pas Saladin” непосредственный отклик этих событий, сходство с литературным памятником поверхностное – речь, возможно, не идет о каком-то конкретном бое, пусть даже битва при Яффе вписала самую яркую страницу в историю Третьего крестового похода. Но все же очевидно, что как в упомянутых исторических сочинениях, так и в “Le Pas Saladin” отражены события, связанные с одной из крупных военных побед английского короля.

В чем же расходятся хроники и литературный памятник в описании этих событий Третьего крестового похода? Стоит прежде всего отметить две бросающиеся в глаза черты повествования хронистов: во-первых, главным героем легендарного эпизода они считают Ричарда Львиное Сердце. Во-вторых, в их сочинениях, как, впрочем, почти во всех исторических трудах того времени, достаточно откровенно показано противостояние Филиппа II Августа и короля Ричарда. Так, например, Амбруаз в своем труде описывает ссору государей в Мессине, порицает французского монарха за то, что тот стремился возвести на престол Иерусалимского королевства Конрада Монферратского в противовес Ги де Лузиньяну, обвиняет Филиппа II Августа в том, что тот покинул крестonosную армию в Акре и пр. (Ambroise 1897, vv. 511ff; 5041ff; 5245 etc.).

Однако в “Le Pas Saladin” события описываются совершенно иначе. Там инициатором боя с Саладином оказывается уже не Ричард Львиное Сердце, а «мудрый и доблестный король Филипп» (*li roys preus et sages*), который вместе с Ги де Лузиньяном (в исторической реальности союзником Ричарда), только что освобожденным Саладином, ведет войну против мусульман. Узнав о том, что Саладин собирается пересечь опасный горный перевал, Филипп II Август призывает рыцарей преградить сарацинам путь, а сам от-

правляется в Иерусалим отвоевывать Гроб Господень (Le Pas Saladin 1897, v. 150–174). Крестоносцы единодушно поддерживают своего короля, обещая ему преданно служить и биться насмерть (Le Pas Saladin 1897, v. 183–185). Вместе с ними предстоит сражаться и Ричарду Львиное Сердце, который, однако, в поэме изображен не как самостоятельный государь во главе независимой армии, но прежде всего как подданный Филиппа II Августа. В качестве «добротого вассала» (bon vassal) английский государь прибывает на встречу с французским монархом (Le Pas Saladin 1897, v. 189–190)², и фламандский рыцарь из свиты Филиппа Гуго де Флорен представляет его королю³. Между французским королем и Ричардом происходит куртуазный диалог (v. 193–212), во время которого Филипп II Август просит Ричарда Львиное Сердце служить примером всем воинам и показать, как надо защищаться, дабы не подавать «вероломным злодеям» сарацинам повод для насмешек над христианами (Le Pas Saladin 1897, v. 205–208)⁴. Послушный королю Ричард Львиное Сердце соглашается выполнить службу (v. 210–212), после чего в армии служат мессу (v. 264), а король благословляет воинов на сражение (Le Pas Saladin 1897, v. 267–268)⁵.

Как видим, известные по хроникам события переосмысляются в “Le Pas Saladin”, и первенствующая роль в победоносном военном эпизоде приписывается уже не английскому королю, как в «Истории священной войны» или «Путеводителе паломников», а Филиппу II Августу, в то время как Ричард Львиное Сердце оказывается всего лишь исполнителем его замыслов. Интересно, что именно такую повествовательную стратегию выбирает французский хронист Гильом Бретонский в своей написанной между 1214 и 1217 гг. латинской поэме «Филиппиде», где французский монарх изображен на манер античного героя. В этом сочинении оба короля выписаны как идеальные крестоносцы, сражающиеся в Святой Земле за интересы христианского мира, причем Ричард оказывается верным вассалом Филиппа и под его руководством совершает военные подвиги. Перед французским монархом, как признает сам Ричард Львиное Сердце, трепещет Египет и Палестина, его помощи ожидает Гроб Господень, а само упоминание его имени заставит побледнеть Саладина (Guillaume le Breton 1885, p. 102);

² “Ensemble lui maint bon vassal, / Parler venoit au roi de France”.

³ Le Pas Saladin 1897, v. 193–194: “Sires, vees ci li roy Richart”. / “Ce me plaist bien, ce dist li roys”.

⁴ “Pour Dieu! Nos mostres bon exemple, / Pour que si bien nos defendons, / Que ne s’en gabent li glouton, / Li sarrasin, fel deputaire”.

⁵ “Li rois de France les sengira; / A Dieu les a tos commandeis”.

Саладин готов отдать ему осажденную Акру, но Филипп дожидается прихода Ричарда Львиное Сердце, чтобы разделить с ним славу подвигов; после ухода французского короля армию постигает одна неудача за другой.

В “Le Pas Saladin” не только английский король изображен прежде всего вассалом французского монарха, но и в подготовке знаменитого сражения ему отведена весьма подчиненная роль. В поэме честь созвать крестоносное войско – 12 рыцарей, которые должны будут защищать горный перевал и преградить путь султану (Le Pas Saladin 1897, v. 219–221), – предоставлена все тому же фламандскому рыцарю Гуго де Флорен. Он обращается к рыцарю из свиты Филиппа II Августа – французцу Гийому де Барр с призывом участвовать в военном походе. Далее каждый из них выбирает своих воинов, попутно восхваляя их бойцовские качества – силу, храбрость, доблесть и пр. (Le Pas Saladin 1897, v. 218–254) Примечательно, что Ричарда Львиное Сердце вводит в крестоносное войско Гийом де Барр, и причем не в первых рядах – английский король назван в списке рыцарей только шестым! (Le Pas Saladin 1897, v. 237)⁶. К тому же если в хронике Амбруаза среди 10 рыцарей, участвовавших в битве при Яффе, указаны сражавшиеся с ним бок о бок граф Роберт Лестерский, Гийом из Эстембура и Андре де Шовиньи – его ближайший сподвижник (Ambroise 1897, v. 1411–1434), то в “Le Pas Saladin” они заменяются совершенно другими лицами, впрочем, тоже реальными историческими персонажами. Хотя некоторые из этих новых имен рыцарей (теперь их уже 12!) и названы в хронике Амбруаза⁷, но ни один из них не фигурирует в списке участников, приведенном в англо-нормандских хрониках. Многие из упоминаемых в “Le Pas Saladin” рыцарей действительно участвовали в Третьем крестовом походе и осаждали Акру (Готье де Шатийон, Жоффруа де Лузиньян и др.). Но только о некоторых – Гийоме де Барр, Филиппе Фландрском и Гуго де Флорен – известно, что они сражались вместе с английским королем. Другие же (Валеран из Лимбурга) пришли в Святую Землю уже после Ричарда Львиное Сердце или вообще не видели Палестину – как, например, Симон де Монфор или Ренар Булонский.

Происхождение участников битвы, названных в поэме, самое разное. И это понятно: средневековые заказчики литературных произведений и воспринимавшая их публика желали видеть в легендар-

⁶ “g'i'enlis li bonroy d'Engleterre, / Dist Guillaume, 'par saint Bavon!'”

⁷ Это, например, Филипп, граф Фландрии (Ambroise 1897, v. 295, 4531 etc.) или брат иерусалимского короля Жоффруа де Лузиньян (Ambroise 1897, v. 2694, 4567).

ной битве своих участников – представителей местной аристократии, рыцарей из своего рода или своей земли. Состав сражавшегося у горного перевала войска и вправду довольно пестрый: Гуго де Флорен, Филипп Фландрский и Рено Булонский – фламандцы, Тьерри Клевский, Валеран из Лимбурга и Бернар из Хорстмара – немцы, Симон де Монфор и Гийом Длинный Меч (эрл Солсбери) – из Англии, а Гийом де Барр и Готье де Шатийон – из Франции. Как показал в своем просопографическом исследовании Р. Лумис, земли большинства этих рыцарей располагались между проливом Дувра и нижним Рейном [Loomis 1954, p. 83–91]. По его мнению, состав описанной в поэме крестоносной армии свидетельствует о том, что в поэме отражены немецкие и фламандские интересы. Такой вывод может показаться слишком категоричным, но стоит отметить, что у всех перечисленных рыцарей не было слепой приверженности ни к Франции, ни к Англии. Интересно, что пятеро из этих воинов сражались в битве при Бувине в 1214 г., причем по разные стороны баррикад: Готье де Шатийон и Гийом де Барр – на стороне Франции, Ренар Булонский, Симон де Монфор и Бернард из Хорстмара – на стороне англичан. Однако, как мне представляется, важнее подчеркнуть другое – этим сборным войском, состоящим из представителей разных наций и земель, в поэме издалека руководит именно Филипп II Август, который под знаменем Франции объединяет славных рыцарей, пришедших из самых разных уголков Европы. Новый список рыцарей в “Le Pas Saladin” возглавляет Гуго де Флорен – союзник Филиппа, фламандский рыцарь, чьи земли находились в провинции Намюр. Другой самый знаменитый герой *pas d’armes* – французский рыцарь Гийом де Барр, о котором известно, что он в битве при Бувине спас жизнь французскому королю. В нашей поэме Гуго де Флорен и Гийом де Барр изображаются как два близких друга, два самых известных из 12 участников битвы рыцаря. Имплицитно они сопоставляются с персонажами «Песни о Роланде» – Роландом и Оливье. Именно Гуго и Гийом направляют действия героев *Pas Saladin*, руководят постановкой грандиозного спектакля, каким была для средневековой аудитории битва с Саладином. Учитывая все эти подробности, не стоит, как мне кажется, сбрасывать со счета давно высказанное мнение Г. Париса о преобладании в поэме француско-фламандского элемента. Примечательно, что с новым списком участников сражения фигуры Ричарда Львиное Сердце и его соратников постепенно вытесняются из описания легендарного эпизода⁸.

⁸ “...on remarquera... la prédominance tout-à-fait contraire à la vérité, donnée à l’élément français et flamand... le rôle de Richard et de ses véritables compagnons s’y était de plus en plus effacé” [Paris 1893, p. 44].

Подчеркнем, что речь в поэме идет о совершенно конкретных исторических событиях – последних днях существования Иерусалимского королевства. В это время в отсутствие сильной центральной власти страна была раздираема противоречиями. В государстве крестоносцев боролись две дворцовые группировки. Одну возглавляли Сивилла – законная дочь короля Амори от первого брака (в поэме она ошибочно названа его сестрой) – и ее супруг Ги де Лузиньян, которого некоторые представители знати желали видеть королем. Другой группировкой руководил Раймунд Триполитанский, могущественный вельможа, которому довелось в качестве регента Иерусалимского королевства вкүсуть власти, – его сторонники стремились возвести на престол дочь Амори от второго брака Изабеллу и ее мужа Онфруа ле Торон. Вторжение Саладина в государство крестоносцев на время сплотило оба лагеря. Однако Ги де Лузиньян принял поспешное решение атаковать сарацин и тем самым подвел Раймунда Триполитанского, заключившего в 1185 г. перемирие с Саладином и проявлявшего осторожность. Знаменитая битва произошла 4 июля 1187 г. около Хаттина, и в ней, как известно, христиане потерпели сокрушительное поражение. Король Ги де Лузиньян и весь цвет рыцарства были взяты в плен, а Раймунду Триполитанскому вместе с несколькими сторонниками удалось вырваться из окружения. Пока бывший иерусалимский король пребывал в плену, у него появился новый соперник – прибывший в 1187 г. в Святую Землю Конрад Монферратский, который отстоял Тир для христиан и, желая стать королем, развел Изабеллу с Онфруа ле Торон и сам женился на ней.

Все эти хорошо известные факты из истории Третьего крестового похода в “*Le Pas Saladin*” обрастают фантастическими деталями, вследствие чего рождается популярная именно во Франции легенда о «предательстве короля Ги». Утрата вследствие битвы при Хаттине (она прямо не называется в поэме) Святой Земли, плен Ги де Лузиньяна объявляется делом рук «вероломных предателей». Их, по мнению автора, пять, и вот их имена:

Li quens de Tribles fu premiers,
 Et li marcis de Ponferans,
 Et d'Ascalone Pieres Liban,
 Apres li sires de Baru,
 Et de Saete, quens Poru (vv. 22–26)

Как всегда в нашей поэме, вымысел очень тесно переплетен с реальностью, и мы можем связать эти пусть искаженные имена с вполне конкретными историческими персонажами. Первый из них

совершенно очевидно сам могущественный граф Триполи Раймунд, второй – Конрад, маркиз Монферратский, третий – граф Аскалона из Яффы (им был до битвы при Хаттине брат Конрада Гийом Монферратский). Под сеньором Бейрута, скорее всего, имеется в виду все же не известный владетель этого фьефа Жан Ибелин, а его дядя Балиан, который и вправду был противником Ги де Лузиньяна; и, наконец, последний «предатель» – Рено Сидонский, о котором известно, что он поддерживал Конрада Монферратского в противовес Ги де Лузиньяну. Именно они, по мнению автора поэмы, предали короля Ги султану Саладину, за что получили денежное вознаграждение, и именно из-за них были утрачены Святая Земля и Гроб Господень.

Вопреки исторической действительности в “Le Pas Saladin” Ги де Лузиньян (как мы знаем, в реальной жизни креатура Ричарда Львиное Сердце), вернувшись из плена, описывает историю предательства именно Филиппу II Августу, который поддерживал его противника Конрада Монферратского. Удивительно, что до сих пор почему-то никто не обратил внимание на следующее обстоятельство: предлагаемая в “Le Pas Saladin” легенда о предательстве есть не что иное, как изложенный в стихах рассказ об этих событиях из распространенного в северо-восточной Франции произведения «Рассказы менестреля из Реймса» (“*Récits d’un ménestrel de Reims*”). Это сочинение, в котором прославляются прежде всего деяния капетингских монархов, можно назвать своего рода панегириком Филиппу II Августу. Заметим, что у «реймского менестреля» действуют все те же пять предателей: наряду с “*li cuens de Triple*” это “*le marchis de Montferrat, le seigneur de Baru, le seigneur de Saiete, le bau d’Escaloigne*” (Ménestrel de Reims 1876, p. 38). Все они, как сообщает поэт, желали жениться на наследнице Иерусалимского королевства Сивилле с тем, чтобы захватить трон. В этом им помогал патриарх, который убеждал Сивиллу развестись с якобы неспособным править Ги де Лузиньяном, дабы государство крестоносцев не попало в руки сарацин (*es mains des Sarrezins*). Тем не менее Сивилла не уступила настоятельным уговорам патриарха и неожиданно для баронов предпочла Ги де Лузиньяна, которому она как своему супругу передала иерусалимскую корону. Как следствие, бароны решили избавиться от Ги де Лузиньяна и замыслили *morteil traïson* (Ménestrel de Reims 1876, p. 15–17). В “Le Pas Saladin” рассказ Лузиньяна о своих злоключениях почти буквально повторяет рассказ менестреля, с той лишь разницей, что главную роль среди баронов в поэме играет именно Раймунд Триполитанский, который использует в своих интригах патриарха (vv. 67–68). Но, как и у «менестреля из Реймса», супруга Ги отвергает притязания

графа Триполи и передает корону Ги де Лузиньяну (vv. 70–74), чем вызывает ненависть злодеев, вознамерившихся погубить короля (v. 77). Далее автор “Le Pas Saladin” и менестрель повествуют, как предатели заключили договор с Саладином с целью выдать Ги и получить за это вознаграждение и как они скрепили договор клятвой (Le Pas Saladin 1897, v. 80–85; Méneſtreſel de Reims 1876, p. 17–18). Согласно менестрелю, они даже подкрепляют свой союз клятвой на крови. По договору, как рассказано в обоих текстах (Le Pas Saladin 1897, v. 75–88, Méneſtreſel de Reims 1876, p. 17–18), предатели должны были спровоцировать вооруженный конфликт короля с Саладином (так в фантастическом виде рассказано о сражении при Хаттине) и во время битвы покинуть поле боя и сделать уступку врагу. Так все и происходит: в нашей поэме предатели опускают знамена и обращаются в бегство (Le Pas Saladin 1897, v. 92–93)⁹, и то же самое проделывают они в рассказе менестреля, где, совершив предательство, они удаляются в свои земли и получают деньги от Саладина (Méneſtreſel de Reims 1876, p. 23)¹⁰. Как в поэме, так и в тексте «менестреля из Реймса» только в плену Ги де Лузиньян узнает от самого Саладина, как готовилось предательство – именно мусульманский правитель открывает ему глаза на происходящее (Le Pas Saladin 1897, v. 86–88; Méneſtreſel de Reims 1876, p. 24). У обоих авторов Саладин проявляет великодушие и отпускает короля (Le Pas Saladin 1897, v. 100–102)¹¹. У менестреля он даже разрешает ему взять с собой 20 лучших пленных рыцарей, снабжает их оружием и провизией (Méneſtreſel de Reims 1876, p. 25).

Итак, согласно легенде, которая в «Le Pas Saladin», по существу, воспроизводит нарратив «менестреля из Реймса», утрата Святой Земли – вина «предателей», врагов Ги де Лузиньяна, которому в поэме горячо сочувствует Филипп. По этой версии французский король выглядит защитником Святой Земли, конфидентом законного правителя государства крестоносцев. А Ричард Львиное Сердце, который всячески поддерживал иерусалимского короля, в этом контексте вообще не упоминается. Стоит отметить, что в сочинении менестреля король уже обвиняется наряду с Конрадом и другими «вероломными баронами» в неудачах Третьего крестового похода.

Помимо «предательства» другая едва ли не самая важная для автора тема поэмы связана с прославлением рыцарства и рыцар-

⁹ “Lor banieres laisont chaïr, / Et se tornerent a fuir”.

¹⁰ “li traiteur s’e alerent en leurs terres, / et Salehadin leur envioia or et argent”.

¹¹ “De tant me fist il grant bonte, / De prison me laisast alier, / Car je n’avoü or ne argent”.

ских подвигов. Поэт в высокопарном стиле описывает бой 12 воинов с сарацинами, награждает христианских паладинов хвалебными эпитетами, в своих стихах воспеваает их доблесть и храбрость. Рассказу о самой битве, собственно, и посвящена большая часть поэмы (Le Pas Saladin 1897, v. 325–560). В начале сражения мусульманские войска во главе с «королями» Малакен и Эскорфар прибывают к горному перевалу, где их встречают 12 благородных рыцарей – 12 «леопардов» (Le Pas Saladin 1897, v. 345–346). Уже одним своим видом «французы» (Franchois) – так называет поэт христианских рыцарей – внушают страх сарацинам (v. 351–352)¹². Бой затевает рыцарь Гийом де Барр, который без страха бросается в сражение. Он разит сарацин и сшибает с седла короля Малакена, который от нанесенного ему удара падает замертво (v. 353–374). Честь сразить наповал второго короля – Эскорфара – в поэме предоставляется Ричарду Львиное Сердце (v. 375–385). Описанные подвиги поэт помещает в контекст героической эпопеи французского Средневековья, уподобляя рыцарей поэмы героям «Песни о Роланде»: по его словам, если бы кто-нибудь увидел начало сражения, то мог бы без сомнения сравнить этих бойцов только с 12-ю пэрами Франции, погибшими в Ронсевальском ущелье (v. 386–390):

Qui dont veïst les chevaliers
Commencer un estor planier
Bien poïst dire sans doutance,
Que puis les. XII. pairs de France,
Qui furent mors en Ronceval,
Ne trouvaist on les parigal,
Qui furent cil dont je vous conte.

На протяжении всего повествования автор поэмы восхваляет ратные подвиги рыцарей, имена которых тщательно перечисляет. Рассказывая о беспримерном поведении воинов в бою (v. 393–405), он отмечает всех и каждого в отдельности. Согласно поэту, все они безусловно выполняли свой долг и своими поступками являли пример для всех, кто желает им подражать и заботиться о своей чести (v. 407–410)¹³. В его глазах это самые лучшие воины во всем мире – поэт называет их «цветом рыцарства», а рыцарство для него значит то же, что благородство (v. 411–416)¹⁴.

¹² “Chascun d’eaus de paor tressue, / Car il vinrent sir les Franchois”.

¹³ “Chascun i fist bien son devoir. / On ne les set de quot reprendre, / Maint bon essemple i puet en prendre / Qui a bien beë et a honnor”.

¹⁴ “C’erent del monde li meilleur, / Et la flor de chevalerie, / Qui grant noblece senefie”.

Примечательно, что в поэме рыцарями восхищаются даже их враги – сарадины. Пребывая в неизвестности об исходе сражения, Саладин посылает к горному перевалу своего шпиона Торневана, который, по словам поэта, очень много знал о христианском рыцарстве и к тому же разбирался в геральдике (v. 423–428). Шпион со скалы разглядывает рыцарей (v. 440–460) и рассказывает Саладину об увиденном. По его словам, противники мусульман – храбрые доблестные рыцари из войска Франции (*ost de France*), лучшие из лучших: как роза и лилия превосходят по красоте все цветы, так и эти 12 рыцарей по доблести и чести превосходят всех прочих (v. 473–477)¹⁵. Знаток геральдики, Торневан по гермам идентифицирует каждого из 12 рыцарей (v. 480–490), называя первым Ричарда Львиное Сердце, а 12-м – Гуго де Флорена. И опознав всех участников происходящей на его глазах битвы, сарадин приходит к выводу: «Это цвет христианства» (*C'est la flor de crestientet*).

Еще более поразительно отношение к рыцарству самого Саладина. Узнав о больших потерях мусульманского войска, включая гибель двух королей (v. 505–508), он хотя и сожалеет об утратах, но не может удержаться от восхищения французскими рыцарями, которых «ценит и восхваляет весь мир» (v. 511). Саладин, который в литературе этого времени изображается как великодушный и куртуазный враг крестоносцев [Paris 1893; Tolan 1996], видит в участниках *pas d'armes* достойных по оружию братьев – ведь сам он, как вспоминает поэт, также член рыцарской корпорации, так как был посвящен в рыцари своим христианским пленником – паладином Гуго Тивериадским (*Le Pas Saladin* 1897, v. 520–525). И потому султан ни за какие сокровища не желает стать причиной смерти столь славных воинов (v. 515–517)¹⁶. Саладин не пасует перед превосходящим его врагом, но считает бесполезным сопротивление им. Своим подданным он заявляет, что участники сражения – 12 французских пэров – могут навредить сарацинам больше, чем вся христианская армия (v. 532–534)¹⁷. И мусульманские иерархи на общем совете решают покинуть горный перевал и направиться в надежную крепость – Дамьетту (v. 540–545).

В этом гимне рыцарям-участникам легендарного сражения бросается в глаза то, что так или иначе все военные подвиги все же

¹⁵ “Ensi com rose et flor de lis / Seurmonte de biaute les flors. / Habonde et proece et honnors / Es chevaiers dont je vous conte”.

¹⁶ “Que ce seroit trop grant pite / De mettre telle gent a mort; / Ce ne feroit il pour nul”.

¹⁷ “Cil. XII. dont je l'os parler / Pourroient plus nos gens grever, / Que tout li ost des crestiens”.

приписываются Франции. Французское рыцарство восхваляется даже устами сарацин – Саладина и Торневана. В самом деле, весьма примечательно, что хотя состав войска пестрый (12 рыцарей, как мы помним, происходят из разных земель), но в рассказе о битве они называются *Franchois*, парами Франции (*pairs de France*), их причисляют к «французскому войску» (*ost de France*), их постоянно сравнивают с героями самой знаменитой поэмы французского средневековья «Песни о Роланде» – а значит, сама битва вписывается в военную историю прежде всего королевства Франции.

В поэме плоды блистательной победы пожал опять-таки французский король. По окончании военной авантюры рыцари возвращаются во «французское войско», их со слезами радости на глазах приветствует и ласково принимает Филипп (v. 564–570). «Куртуазный король Франции» берет за руку Ричарда Львиное Сердце, ведет его и всех баронов в свою палатку и устраивает обед в честь героев (v. 575–579)¹⁸. Далее описывается обильная трапеза, где их угощают изысканными блюдами (vv. 580–585), а в заключение автор поэмы еще раз произносит настоящий панегирик бойцам. 12 воинов, защитивших горный перевал от сарацин, прославляются как «зерцало рыцарства» для тех, кто стремится к чести и поддерживает рыцарство (v. 598–600)¹⁹. Благодаря своему подвигу эти воины удостоились небесной награды, и поэт призывает молиться Богу и Деве Марии, чтобы 12 рыцарей попали в рай (v. 601–604)²⁰. В результате их подвига, продолжает поэт, были взяты Акра и Тир, Ги вновь стал королем государства крестоносцев (v. 608–611) – и в этом им помог Господь (*Ainsi secourt Dieu ses amis*). Таким образом, описанный *pas d'armes*, предпринятый по велению Филиппа II Августа, благословившего воинов на ратные подвиги, рассматривается как богоугодное дело, крестоносная эпопея и христианское рыцарство прославляется и возвеличивается, а французский король изображается как главный вдохновитель и устроитель военной авантюры...

Итак, читая поэму, мы можем наблюдать, как военный эпизод, возможно, связанный с реальной битвой у Яффы летом 1192 г., постепенно обрастает фантастическими деталями; в рассказе о нем искажаются известные факты истории крестовых походов и Иеру-

¹⁸ “Par la main prist Richart l’Anglois, / En son tref maine les barons, / De tous leur oste les blasons, / Et les aida a desarmer. / Le souper firent appareillier”.

¹⁹ “C’est. I. tres nobles mireors, / A ceulz qui tendent a honnors, / Et maintiennent chevalerie”.

²⁰ “Prions a Die le filz Marie, / Qu’en paradis etet a soulas / Les. XII. Qui gardont le pas, / Et la noble chevalerie”.

салимского королевства: приведенные в хрониках имена участников событий заменяются другими именами, изобретается «легенда о предателях», в которой в ложном свете освещается роль исторических персонажей, а роль Ричарда Львиное Сердце в делах Иерусалимского королевства умаляется. В результате известный военный эпизод перетолковывается и переосмысливается в духе *matière de France* – история памятного сражения превращается в выгодную для французской короны легенду.

Внимание Франции, и не только этой страны, к поэме, вероятно, было связано с поисками идентичности средневекового общества. Аристократические семьи, земли и целые страны претендовали на то, чтобы сделать историю *pas d'armes* «своей» и использовать ее ради собственных интересов. Этой цели служили и произведения искусства, посвященные “Le Pas Saladin”. Не случайно с ростом интереса к крестовому походу, по мере осознания ценности исторического прошлого этот сюжет все больше привлекал внимание поэтов и художников. Об этом свидетельствуют даже первые строки нашей поэмы, в которых автор «с удовольствием вспоминает» о 12 славных палладинах, которые охраняли горный перевал от Саладина и чьи изображения можно видеть в залах замков и дворцов (vv. 1–5):

Del recorder est grans solas,
De cheaus qui gardent le pas
Contre le roy Salehadin;
Des douze princes palasins
Qui tant furent de grant renom
En mainte sale les point on.

Среди этих предметов искусства, по большей части утраченных, немалая доля французских. Это и изделия декоративно-прикладного искусства, и произведения ювелирного искусства [Loomis 1915, p. 523–528; Prinnet 1922, p. 274–287], а также литературные сочинения, в которые авторы вставляют знаменитый военный эпизод²¹. “Le Pas Saladin”, несомненно, занимал важное место в исторической памяти Франции, и он, как мы видели на примере нашей поэмы, был также значим для утверждения первенствующего статуса Франции как величайшей крестоносной нации, а французского короля – как главы рыцарской корпорации. По мере того как крестовый поход становится важной составной частью политики и идеологии французских королей, они в полной мере осознают по-

²¹ Даже в «Романе о Розе» (стр. LXV–LXVII) описан турнир около Сен-Трона, в котором участвуют рыцари из “Le Pas Saladin”.

лезность для своей власти как всей крестоносной традиции, так и связанного с “Le Pas Saladin” сюжета.

И в заключение приведем всего лишь один пример из хроники Фруассара, свидетельствующий о том, как французские монархи использовали “Le Pas Saladin” для репрезентации своей власти.

В 1389 г., в разгар Столетней войны, легендарный эпизод был инсценирован в Париже по случаю въезда королевы Изабеллы Баварской. События 200-летней давности разыграли прямо на улице Сен-Дени, где были воздвигнуты театральные подмости. На сцене присутствовали все «участники сражения» – христиане и сарацины, а французский король находился несколько в стороне. В тот момент, когда Изабелла Баварская прибыла на представление, «король Ричард» отделился от своих товарищей и подошел к стоявшему на возвышении «королю Франции» и попросил у него разрешения атаковать сарацин. Получив одобрение государя, “roi Richart” вернулся к своим товарищам, и они напали на стоявших на сцене «сарацин». Как пишет Фруассар, представление, на котором была показана великая битва, длилось довольно долго, но все смотрели спектакль с удовольствием (Froissart 1867, p. 9).

Источники

- Ambroise 1897 – *Ambroise*. L'Estoire de la guerre sainte. Histoire en vers de la 3-ième croisade par Ambroise / Éd. G. Paris. Paris: Imprimerie Nationale, 1897.
- Froissart 1867 – *Froissart, Jean*. Chroniques / Ed. J.M.B. Kervyn de Lettenhove. Bruxelles: V. Devaus, 1867. T. 2.
- Guillaume le Breton 1885 – *Guillaume le Breton*. Philippide // Œuvres de Rigord et de Guillaume le Breton, historiens de Philippe-Auguste / Éd. H.-F. Délaborde, Paris: Librairie Renouard, 1885. T. 2.
- Itinerarium peregrinorum 2001 – The Chronicle of the Third crusade: the Itinerarium peregrinorum et Gesta Ricardi / Ed. H.J. Nicholson. London: Routledge, 2001.
- Ménestrel de Reims 1876 – Récits d'un ménestrel de Reims au 13 siècle / Éd. N. de Wailly. Paris: Librairie Renouard, 1876.
- Le pas Salhadin 1836 – Le pas Salhadin, pièce historique en vers relatives aux croisades / Éd. G.-S. Trébutien. Paris: Silvestre, London: Pickering, 1836.
- Le Pas Saladin 1897 – “Le Pas Saladin” / Ed. R.S. Lodeman // Modern Language Notes. Vol. 12. No 2 (Jan., 1897). P. 42–48.

Литература

- Le Clerc 1856 – *Le Clerc V*. Poésies historiques // Histoire littéraire de la France. Paris: Firmin Didot et Treuttel et Wurtz, 1856. T. 23. P. 336–511.
- Lindner 1991 – *Lindner A*. L'influence du roman chevaleresque français sur le pas d'armes // Publications du Centre Européen d'Études Bourguignonnes. 1991. № 31. P. 67–78.

- Lodeman 1897 – *Lodeman F.E.* Le Pas Saladin. Introductory // *Modern Language Notes*. Vol. 12. No 1 (Jan., 1897). P. 11–17.
- Loomis 1915 – *Loomis R.S.* Richard Cœur de Lion and the *Pas Saladin* in Medieval Art // *Publications of the Modern Language Association*. 1915. № 30. P. 509–528.
- Loomis 1954 – *Loomis R.S.* The *Pas Saladin* in art and heraldry // *Studies in Art and Literature for Belle da Costa Greene*. Princeton: UP, 1954. P. 83–91.
- Paris 1893 – *Paris G.* La légende de Saladin. Paris: Imprimerie Nationale, 1893 (extraits du *Journal des Savants* (mai à août 1893)).
- Prinet 1922 – *Prinet M.* Le Pas Saladin représenté sur un coffre du musée de Cluny // *Bulletin de la Société des Antiquaires de France*. Paris: C. Klincksieck, 1922. P. 274–287.
- Runciman 1951 – *Runciman S.* A History of the Crusades. Cambridge: Cambridge University Press, 1951. Vol. 3.
- Tolan 1996 – *Tolan J.* Mirror of Chivalry: Salah al-Din in the Medieval European Imagination // *Cairo Papers in Social Science*. Cairo: The American University in Cairo Press, 1996. Vol. 19. P. 7–38.

References

- Le Clerc, V. (1856), “Poésies historiques”, *Histoire littéraire de la France*, Firmin Didot et Treuttel et Wurtz, Paris, t. 23, pp. 336–51.
- Lindner, A. (1991), “L'influence du roman chevaleresque français sur le pas d'armes”, *Publications du Centre Européen d'Études Bourguignonnes*, no 31, pp. 67–78.
- Lodeman, F.E. (1897), “Le Pas Saladin. Introduction”, *Modern Language Notes*, vol. 12, no 1 (Jan., 1897), pp. 11–17.
- Loomis, R.S. (1915), “Richard Coeur de Lion and the *Pas Saladin* in Medieval Art”, *Publications of the Modern Language Association*, no 30, pp. 509–528.
- Loomis, R.S. (1954), “The *Pas Saladin* in art and heraldry”, *Studies in Art and Literature for Belle da Costa Greene*, Miner, D. (ed.), Princeton University Press, Princeton, pp. 83–91.
- Paris, G. (1893), *La légende de Saladin*, Imprimerie Nationale, Paris, France.
- Prinet, M. (1922), “Le Pas Saladin représenté sur un coffre du musée de Cluny”, *Bulletin de la Société des Antiquaires de France*. C. Klincksieck, Paris, pp. 274–287.
- Runciman, S. (1951), “The Kingdom of Acre and the Later Crusades”, *A History of the Crusades*, vol. 3, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Tolan, J. (1996), “Mirror of Chivalry: Salah al-Din in the Medieval European Imagination”, *Cairo Papers in Social Science*, vol. 19, The American University in Cairo Press, Cairo, pp. 7–38.

Информация об авторе

Светлана И. Лучицкая, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 1119334, Россия, Москва, Ленинский пр., д. 32а; odysseus1989@mail.ru

Information about the author

Svetlana I. Luchitskaya, Dr. of Sci. (History), leading researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 32a, Leninskii Av., Moscow, Russia, 125993; odysseus1989@mail.ru

Литература

УДК 82-131

DOI: 10.28995/2686-7249-2020-1-57-75

Имена великанов в древних и поздних исландских тулах

Елена О. Ершова

Университет Исландии, Рейкьявик, Исландия, sesselja@hi.is

Аннотация. В работе рассмотрены основные перечни имен людей и человекоподобных существ в новоисландских тулах (*pulur síðari alda*), которые отчасти возводятся к древнеисландским перечням имен (*heiti*) великанов в тулах *Младшей Эдды*. Показано также, что одни новоисландские тулы продолжают традицию наименования, просматривающуюся в *Туле о Риге* и *Туле всех троллей*, в то время как другие скорее наследуют традиции *Песни о Хюндле*; первая опирается на использование названий бытовых предметов и отрицательных черт внешности и поведения великанов, вторая же связана с именами, стоящими ближе к людским личным именам. Таким образом, традиция наименования великанов и других человекообразных существ не гомогенна ни в древних, ни в поздних исландских тулах; линии расслоения наследуются из древних текстов тул в поздние.

Ключевые слова: исландские тулы, имена великанов, *Тула о Риге*, *Тула всех троллей*, *Песнь о Хюндле*

Для цитирования: Ершова Е.О. Имена великанов в древних и поздних исландских тулах // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 1. С. 57–75. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-1-57-75

Giants' Names in old and post-medieval Icelandic *pulur*

Yelena O. Yershova (Yelena Sesselja Helgadóttir)

University of Iceland, Reykjavík, Iceland, sesselja@hi.is

Abstract. The article presents an analysis of major lists of the names of people and anthropomorphic beings in *pulur síðari alda* (post-medieval Icelandic *pulur*). At least some names from each list can be traced back to Old Icelandic lists of giants' names (*heiti*) in the *Prose Edda*. It is further demonstrated that

some post-medieval *pulur* continue the naming tradition discernible in *Rígsþula* and *Allra flagða þula*, relying on the names of household items and features of the people/trolls' appearance and behaviour as sources for their names, while other post-medieval *pulur* instead continue the naming tradition of *Hyndlujóð*, where names (including those of berserks) are closer to normal human names. The naming of anthropomorphic beings – whether giants or humans – is thus not a homogeneous tradition either in Old Icelandic *pulur* or in post-medieval *pulur*, and the borderlines between the *RP+AFÞ*-branch of naming tradition and the *HdL*-branch continue into the naming practices in different name lists in post-medieval *pulur*.

Keywords: Icelandic *pulur*, giants' names, *Rígsþula*, *Allra flagða þula*, *Hyndlujóð*

For citation: Yershova, Ye.O. (Yelena Sesselja Helgadóttir) (2020), "Giants' Names in old and post-medieval Icelandic *pulur*", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no 1, pp. 57-75, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-1-57-75

Новоисландские тулы, или поздние тулы (*pulur síðari alda*; приблизительно с XV в. до нашего времени), – народно-поэтические произведения, в определенной степени наследующие древнеисландским тулам и сформировавшиеся под влиянием скандинавской фольклорной поэзии Нового времени. Они представляют собой перечни имен и мотивов, а иногда и сформированных из них небольших эпизодов в крайне свободной метрической форме¹, которая, в частности, отличается поздние тулы от древних тул, созданных в большинстве своем устойчивыми размерами. Другим отличием является значительная доля перечней мотивов и эпизодов в поздних тулах; в древних тулах присутствуют, помимо перечней имен, лишь относительно немногочисленные перечни мотивов. В данной работе, впрочем, речь пойдет как раз о перечнях имен в поздних тулах, а именно об основных перечнях имен людей и человекоподобных существ: (1) детей великанши Грилы, (2) танцующих, (3) сопровождающих, (4) родственников (подробнее см. ниже)². В работе

¹ О поздних тулах и их происхождении см.: [Jón Samsonarson 1979; Ершова 2001; YSH 2014] и указанные там источники. О форме поздних тул см.: [YSH 2016], а также [Ершова 2016]. О древнеисландских тулах см. [Гуревич 2012; Gurevich 2017] и другие работы того же автора.

² Среди перечней имен, не попавших в круг внимания настоящей работы, следует прежде всего отметить перечни в так называемой *Туле Турнальда* (*Þórnaldarþula*), требующие отдельного рассмотрения, а также так называемый перечень детей в утесе, часто предшествующий перечню родственников в текстах поздних тул.

предпринята попытка проследить происхождение и корни данных имен и на этом основании проанализировать степень гомогенности традиции древних и в особенности поздних исландских тул.

Тулы, связанные с Грилой, широко представлены в исландских рукописях XIX–XX вв. Одна из них восходит непосредственно к известной строфе, которую Loptr Pálsson произносит в *Саге о Стурлунгах*³: “Hér ferr Grýla / í garð ofan / ok hefr á sér / hala fimtán” «Вот идет Грила / вниз, во двор, / у нее / пятнадцать хвостов» (Skj. 1912–1915, B II, bls. 60; A II, bls. 51). Текст с аналогичным началом, “Grýla reið í garð ofan” «Грила въезжала/(въ)ехала верхом во двор / в дом»⁴, встречается уже около середины XVII в. в рукописи (Holm. Papp. 25 8vo, 126v). В этом тексте нет перечисления имен, однако он тесно связан сразу с двумя перечнями имен детей Грилы. Один из этих перечней был рассмотрен автором настоящей работы в [Ершова 2001]; здесь приводится его часть по рукописи, где он соседствует с одним из вариантов “Grýla reið í garð ofan”⁵ (общепризнанные исландские личные имена в переводе подчеркнуты):

(1) Grýla er að sönnu gömul herkerling, bæði á hún bóndann, og börn tuttugu; eitt heitir Skreppur, annað Skjóða, þriðji Þröstur, Þrándur hinn fjórði, Botni, Brynki, Böðvar, Höttur, Stútur, Stefna, Stikill, Flaska, Hnútur, Hniðja Hnífill, Bikkia, Askur, Ausa, Koppur, Kippa... (JS 289 8vo, 12v)	Грила, конечно, старая баба, у нее есть и муж, и двадцать детей; одного звать Грубиян, другого Кожаный мешок, третьего Трёстюр [Дрозд], и Траундюр четвертого, Доньшко, Бринки ⁶ , Бёдвар, Шляпа, Горлышко Бутылки, Встреча(?), Рожок, Бутылка, Узел, Колода, Ножичек(?), Кляча, Черпак, Миска, Горшок, Связка... ⁷
--	--

³ Подробнее об этом родстве см.: [YSH 2010; YSH 2014].

⁴ В силу существенных различий в орфографии исландских рукописей Нового времени орфография в цитатах из них нормализована в соответствии с правилами современного исландского языка.

⁵ А именно с “Grýla reið fyrir ofan garð” «Грила ехала верхом поверх двора» (JS 289 8vo, 12v).

⁶ Уменьшительное от *Brynjólfur*.

⁷ Таким образом в рукописях Нового времени могло записываться также *Курра* «Чаша».

Второй перечень, более короткий, также соседствует в рукописи с одним из вариантов текста “Grýla reid í garð ofan”⁸:

(2) Grýla kallar á börnin sín, þegar hún fer að sjóða, komið þið hingað öll til mín ég vil ykkur bjóða; Nútur Knútur, Næja Tæja, Leppur Skreppur Langleggur og Leiðindaskjóða – (DFS 67, 240v)	Грила зовет своих детей, когда она собирается варить [еду]: Идите все сюда ко мне я вас приглашаю; Узел(?), Кнутюр [Узел/Гордец] ⁹ , Найя, Растрёпа, Лоскут, Грубиян, Длинноногий и Зануда –
--	---

Еще один подобный перечень значительно более редок в исландских источниках и меньше связан с двумя первыми:

(3) Tífill Tútur Baggi Lútur Rauður Redda Steingrímur og Sledda Lækjaræsir Bjálminn sjálfur Bjálmans barnið Litli pungur Örvadrumbur – (Lbs 424 8vo, 81r)	Тивидль ¹⁰ , Опухший, Сверток (/Толстяк?), Сутулый, Рыжий, Тупой Нож(?), Стейнгримур и Большой Нож, Осушающий Ручьи (/Король Ручьев?) ¹¹ , сам Дурак ¹² , Дитя Дурака, Маленький Мешочек (/Маленькая Мошонка?), Бревно Стрел(?) ¹³ –
---	---

⁸ А именно с “Grýla reid í garðshorn” «Грила въезжала/(въ)ехала верхом в хижину (/в угол двора)». Примеры всех трех текстов о Гриле в одном источнике (см. в DFS 67, 260r или Lbs 421 8vo, 22r–22v).

⁹ Само имя *Nútur* ничего не означает, однако можно рассматривать как орфографический вариант к *Hnútur*, который, в свою очередь, является фонетическим вариантом к *Knútur*; о толкованиях «гордый» и «узел» см. (Guðrún Kvaran, Sigurður Jónsson, s.v. “Knútur”).

¹⁰ В аналогичном фарерском тексте первое имя – “Fívil” [Jón Samsonarson 1979, bls. 154], ср. исл. мужское имя *Fífill* «Одуванчик». В исландском источнике XX в. (PÐ 6569, 1) имя написано “Týfill” и, возможно, связано с *týfa* «лисица».

¹¹ Ср. *ræsa* «отводить воду, осушать» и *ræsir*: хейти конунга – Þulur 2017, p. 690 (3²).

¹² Перевод этого и следующего имени основан на предположении, что “Bjálmi” является искаженным “Bjálfi”, ср. написание имен на следующей странице рукописи (81v), а также [Jón Samsonarson 1979, bls. 162].

¹³ Возможно, по некоторого рода аналогии с *örvadrífa*: «град (буря) стрел» (кеннинг битвы).

Йоун Самсонарсон указывает на родство этого перечня со шведскими, норвежскими и фарерскими текстами, преимущественно игровыми [Jón Samsonarson 1979]. В исландских источниках тем не менее указывается, что текст представляет собой “nöfn jólasveina”, т. е. имена так называемых рождественских дедов (Lbs 424 8vo, 81r, ср. [Jón Samsonarson 1979, bls. 163] и ÞÞ 6569, bls. 1); а их часто считают именно детьми Грилы¹⁴.

Как уже было отмечено относительно текста (1) [Ершова 2001], лишь меньшинство имен является общепризнанными личными именами; это справедливо и для остальных текстов. Большинство имен представляют собой наименования простых бытовых предметов (шляпа, бутылка, миска и т. д.), часто стилистически сниженные (как горшок или чурбан). Несколько реже встречаются характеризующие имена: “Skreppur” из текста (1), “Langleggur” из текста (2), “Baggi”, “Lútur” и др. из текста (3). Оба этих типа имен присутствуют уже в *Туле всех троллей* (*Allra flagða þula*, далее АФР; цит. по [Гуревич 2012, с. 191–193]), ср., с одной стороны, “Drumba. og Klumba” «Колода и Дубина» (4⁵), “Hnydia. og Brydia” «Колода и Кубышка» (6³), “Flaska” (6⁵) («Фляга» в переводе Е.А. Гуревич), с другой стороны, “Vurra. Blætanna. og Belgeygla” «Заносчивая, Чернозубая и Пучеглазая» (2⁷⁻⁸), “Drauttur. og Hausuer” «Лентяй и Серый» (3⁸) («Серый Волк» в переводе Е.А. Гуревич), “Slammi” «Неуклюжий» (7¹) и т. д. В АФР в начале второй части перечня также присутствует схожая вводная формула: “Slauttur er hinn fyrsti. / Slangi annar” «Грубиян – первый, Змей – второй» (5¹⁻²), ср. строки 5–6 в примере (1). Она отсылает, в частности, к аналогичной формуле в перечне карликов в *Прорицании вельвы* (10¹⁻⁴): “Þar var Mótsognir / mæztr um orðinn / dverga allra, / enn Durinn annarr” «Мотсогнир старшим / из племени карликов / назван тогда был, / а Дурин – вторым» (Edda 1962, S. 3) (отдельные имена и фрагменты из *Старшей Эдды* цит. в переводе А. Корсуна). Эти же и аналогичные имена присутствуют также в *Туле о Пузе* (*Rigspula*,

¹⁴ Упоминание об этом есть, в частности, в «Поэме о Гриле» (*Gryllukvæði*), написанной, вероятно, Стефауном Оулавссоном из Вадланеса (приблизительно 1619–1688); насколько известно, это первый письменный источник, упоминающий слово *jólasveinn* [Árni Björnsson 1961, bls. 115]. Впрочем, есть и источники, никак не связывающие рождественских дедов с Грилой, см. [Jón Samsonarson 1979, bls. 163]. Число и имена рождественских дедов в источниках сильно разнятся. Так, имена в перечнях детей Грилы существенно отличаются от имен тех рождественских дедов, которые, по повериям, спускаются с гор перед Рождеством; имена последних обычно являются составными и связаны преимущественно с их обжорством, проделками и т. п. (ср. [Árni Björnsson 2003]).

далее *RP*; цит. по: Edda 1962, S. 280–287)¹⁵, в особенности среди имен детей Раба: “Drumba oc Kumba” «Колода и Толстуха» (13¹), “Drumbr, Digraldi, / Drøttr oc Høsvir, / Lútr oc Leggjaldi” «Бревно, Толстяк, Лентяй и Серый, Сутулый и Длинноногий(?)»¹⁶ (12^{7–9}) и др.

О взаимосвязи имен троллей в *AFD* с именами в *RP*, а также с именами великанов и великанш в тулах поэтических синонимов в *Младшей Эдде* подробно писала Е.А. Гуревич [Гуревич 2012, с. 193–196]. В частности, она подтверждает мнение Отто Л. Йиричека, что *AFD* создана в той же традиции перечней имен, что и тулы поэтических синонимов в *Младшей Эдде* (и, вероятно, перечни имен в *RP*, с которыми у *AFD* имеется непосредственная связь), хотя и независимо от перечней хейти великанов и великанш, с которыми автор *AFD*, по-видимому, знаком не был. Сравнение с именами в перечнях детей Грилы показывает, что они наследуют той же традиции: определенное количество имен непосредственно связано с более старыми именами великанов, наблюдается создание имен по аналогичным моделям (подробнее см. [Ершова 2001]) и т. д. Это вполне логично, поскольку дети великанши Грилы также воспринимались как тролли или чудовища [Árni Björnsson 1961, bls. 113, 119–125].

С учетом последнего неудивительно, что имена из тул, связанных с Грилой, мало пересекаются с именами из других рассматриваемых в данной работе перечней – в частности, из перечней имен танцующих и сопровождающих (перечни получили свои названия от вводных строк *þar var í dansinum...* «в танце участвовал[и]...» и *henni/honum fylgja...* «за ней/ним следуют...»). В этих двух перечнях, к примеру, гораздо больше доля общепризнанных личных имен, ср. текст (4):

(4) Dans var á Stara í gær;

það var fullgóður dans,
þar var í gleðinni Gunnar prestur,
Gróinn strákur,
Magnús maðkur,
Sigurður sultur,
Sveinn drangalykkja;

Танцы были вчера на <хуторе>

Стапи [Скала];

это были отличные танцы,
там был священник Гюннар,
мальчик Выздоровевший,
Магнус Червяк,
Сигурдюр Голод,
Свейдн Скальная Петля(?);

¹⁵ Часто переводится как *Песнь о Руге*; возможен и перевод *Тула Руга*, также соответствующий внутренней форме слова *Rígsþula*, ср. [Гуревич 2012, с. 184]. Подробнее о парадигматике и переводе *nomina dicendi* в названии эддических песней см. [Смирницкая 2003] (о переводе *Тула о Руге*: с. 194).

¹⁶ *Leggjaldi*: см. [von See et al. 2000, S. 561]; ср. “Langleggur” «Длинноногий» в поздних тулах, текст (2).

Vigdís á valinn, (þannig)	Вигдис владеет падшими, (так)
Magnús langkalinn,	сильно помороженный Магнус,
Olaf <u><u>r</u> bredda,	Олав <u><ю>р</u> Широкий Нож,
Ingigerð <u><u>r</u> sledda – [...]	Ингигерд <u><ю>р</u> Большой Нож – [...]
syngur Svanhildur,	поет Сванхильдур,
dansar Dómhildur;	танцует Доумхильдур,
Teitur og Guðfinna	Тейтур [Веселый] и Гвюдфинна
þau teygja Loðinskinna –	тянут Мохнатого –
Lambanna Þóra,	Ягнячья Тоура,
Þorbjörgin stóra,	Большая Торбьёрг,
Líkaböng, háastöng,	Похоронный Колокол, Высокая Жердь,
Bollagægja, Tóutöng [...]	Заглядывающая в Чашки, Лисьи
(DFS 67, 360r–v)	Щипцы(?) [...]

Большинство личных имен в этом перечне можно назвать вполне распространенными на протяжении практически всей истории Исландии¹⁷. Возможно, именно в силу этого акцент периодически переходит с порождения имен на порождение необычных прозвищ – особенно к вполне обыкновенным именам вроде *Magnús* или *Sigurður*, которые практически не встречаются в этом перечне без прозвищ. Как и имена детей Грилы, эти прозвища являются лексически сниженными, а иногда и уничижительными (как «Магнус Червяк»). Однако в отличие от имен детей Грилы, среди них немного названий предметов быта; впрочем, можно отметить прозвища “bredda” «Широкий Нож» и “sledda” «Большой Нож», родственные именам детей Грилы из текста (3). Часть прозвищ и имен либо абсурдна, либо искажена до невозможности расшифровать – например, прозвище “drangalykkja” «Скальная Петля(?)», а также большинство составных имен (прозвищ?) в конце перечня. Статус некоторых слов не вполне ясен: в частности, “prestur” «священник» может быть как чином Гюннара, так и прозвищем (или же тем и другим), “langkalinn” «сильно помороженный» может быть как описанием, так и прозвищем Магнуса и т. д.¹⁸

¹⁷ За исключением *Dómhildur*, которое известно лишь с XVII в. и встречается нечасто (Guðrún Kvaran, Sigurður Jónsson, s.v. “Dómhildur”).

¹⁸ В случае “Gróinn strákur” неясен статус обоих слов, что отражается в большом количестве вариантов в рукописных источниках. “Gróinn” не является общепризнанным мужским именем (незвизая на признанное женское имя *Gró(a)*). В отношении людей *gróinn* употребляется в основном в значении «выздоровевший» (от *gróa* «расти, зарастать»; маловероятно: «Выросший»). *Strákur* может быть как вполне нейтральным обозначением («мальчик Выздоровевший»), так и частью имени («Выздоровевший Мальчик») – или же прозвищем, ср. “Gróa strákur” «Гроуа-мальчишка» или «Гроуа Сорванец» (Lbs 414 Svo, 120v).

Набор имен в перечнях танцующих относительно стабилен и, в свою очередь, лишь в незначительной степени пересекается с набором имен сопровождающих, который также относительно стабилен, хотя перечни сопровождающих существуют в нескольких вариантах. Здесь приводится основная часть наиболее полного варианта: сопровождающие дочь короля (*kóngsdóttir*) или, реже, мужчину (*karlmaður*), см. текст (5):

(5) ...henni fylgir Úlfur og Álfur	...ее сопровождают Ульвюр [Волк] и Аульвюр [Эльф?] ¹⁹ ,
Erlindur gjálfur,	Эрлиндюр Болтун,
Jón bóndi sjálfur,	сам хозяин Йоун,
Sigurborgaragna,	Сигурборгарагна,
senn er mál að þagna,	скоро надо будет замолчать,
Vilmundur, Vigga,	<u>Вильмюндюр</u> , <u>Вигга</u> ,
Sæmundur, Sigga,	<u>Саймюндюр</u> , <u>Сигга</u> ,
Ásgrímur, Loki	<u>Аусгримюр</u> , <u>Локи</u>
og hann Björn poki,	и <u>Бьёрдн</u> [Медведь] Мешок,
Þórarinn á Nesi	<u>Тоураринн</u> с Мьса
kollóttur Blesi,	лысый Оборванец,
Þórarinn og hann Skeggur,	<u>Тоураринн</u> и Бородач,
það eru vaskir seggir.	это смелые люди.
(Lbs 418 8vo, 33r–33v)	

Большинство имен в этом списке являются общепризнанными исландскими личными именами²⁰, полными или уменьшительными (как *Vigga*, *Sigga*). Лишь немногим из них следуют прозвища, что несколько отличает их от имен танцующих (впрочем, все же имеющиеся в списках прозвища столь же негативны, как и прозвища танцующих). Различия есть также в структуре составных имен танцующих и сопровождающих. Имена с первой основой *Guð-* «Бог» (*Guðfinna*, *Guðbrandur* и др.) довольно часто встречаются в перечнях танцующих (несмотря на то, что танцы не считались богоугодным занятием) и реже в перечнях сопровождающих, где, в свою очередь, более часты имена на *Þor-* (на-

¹⁹ О возможном происхождении имени *Álfur* от основ *Aðal-* и *Úlfur* и толковании «эльф» см. (Guðrún Kvaran, Sigurður Jónsson, s.v. “Álfur”).

²⁰ Имя “Erlindur”, возможно, явилось результатом смешения двух общепризнанных личных имен: Эрлендюр (*Erlendur*, т. е. «иностранный») и Эрлингюр (*Erlingur*, т. е. «потомок ярла»), а “Sigurborgaragna” – результатом слияния двух других, *Sigurborg* и *Ragna* (или *Ragnar*, ср.: Lbs 587 4to IV, 29v).

пример, *Dórarinn*, *Dorlákur* и др.). Маловероятно, впрочем, что это различие имеет под собой какие-либо религиозные основания; в перечнях танцующих есть, к примеру, также имена с первой основой *Ingi-* (*Ingigerður*, *Ingiríður* и др.), а в перечне сопровождающих имена *Pétur* и *Páll* (т. е. Петр и Павел) могут стоять после имен *Dorgrímur*, *Ásgrímur* и *Loki* (Lbs 421 8vo, 34v). Вышеупомянутое различие скорее говорит о том, что перечни танцующих и сопровождающих представляют самостоятельные традиции (хотя и не независимые друг от друга).

Имена сопровождающих на первый взгляд столь же мало связаны с именами великанов – как они представлены в туле о детях Грилы, – сколь и имена и прозвища танцующих. В частности, среди имен сопровождающих редки названия предметов быта (одно из исключений составляет Бьёрдн Мешок), зато встречаются имена, связанные с распространенными названиями животных, ср. *Úlfur* «Волк», *Björn* «Медведь», а также *Kálfur* «Теленок» – тоже общепризнанное мужское имя, иногда заменяющее в перечнях имя *Úlfur*²¹. С другой стороны, некоторые из имен и прозвищ сопровождающих образованы от отличительных черт, связанных с их внешностью – например, «Бородач»; подобные наименования встречаются и в туле детей Грилы. Наконец, в перечнях имен тех, кто сопровождает мужчину по имени *Jón* (с различными прозвищами в разных текстах или же с патронимом *Jónsson*) или старуху (*kerling*), распространены также абсурдные имена и прозвища. Среди них “*sigur bondi og ragnar*” «Победа-хозяин(?) и Рагнар»²², “*krétó í ási*” «Кретоу с Кряжа» (возможно, от лат. *credo*), “*þorlákur þauti og þórarin stjarna*” «Торлаукюр Шумный и Тоураринн Звезда» (Lbs 587 4to II, bls. 102), а также “*Ival Túti*” «Иваль Опухший(?)» и “*Marteinn lúti*” «Мартейдн Сутулый(?)» (Lbs 936 4to, bls. 790) [возможно, искаженные “*Tífill Tútur*” из текста (3), с одной стороны, и Мартин Лютер, с другой; ср., однако, имя *Lútur* «Сутулый» из текста (3) и *Lútr* из *RP*]. Таким образом, некоторые связи перечня сопровождающих с именами детей Грилы, а также с более древними тулами, от которых те, в свою очередь, берут начало, все же прослеживаются.

Можно проследить и другого рода связи так называемых перечней сопровождающих с текстами древних тул. Для большинства

²¹ Например: “*Henni fylgja: Álf<u>r og Kálf<u>r...*” «Ее сопровождают: Аульвюр [Эльф?] и Каульвюр [Теленок]...» (Lbs 421 8vo, 34v).

²² Редкое исландское мужское имя *Sigur*, по всей вероятности, моложе данного текста, записанного в XIX в. Строка “*sigur bondi og ragnar*”, по-видимому, образование, аналогичное “*Sigurborgaragna*” (см. выше).

вариантов таких перечней – вне зависимости от того, сопровождаются ли королеву, ее мужа/возлюбленного, Йюна или старуху, – характерна пара имен, обычно открывающая перечень: “Úlfur og Álfur” (с некоторыми вариантами). Имена в ней подобраны с учетом фонетических и семантических параллелей, подобно парам имен “Bívurr, Blávurr” «Сотрясающий, Сверкающий» в туле карликов в *Младшей Эдде* – Pulur 2017, p. 693 (1⁷) или “Ísólfr oc Ásólfr” «Волк Льда и Волк Асов» (21¹) в *Песни о Хюндле*²³ (*Hyndluljóð*, далее *HdL*; цит. по (Edda 1962, S. 288–296). Такая структура весьма характерна как для поздних, так и для древних тул. И действительно, пара *Úlfur* og *Álfur* также присутствует в *HdL* (12^{4–6}):

(6) Þú ert, Óttarr,	Ты, юный <u>Оттар</u> ,
borinn Innsteini,	Иннстейна сын,
enn Innsteinn var	Иннстейн был сыном
Álfi inom gamla,	старого <u>Альва</u> ,
Álfr var Úlfi...	<u>Альв</u> – сыном <u>Ульва</u> ...

Больше в паре эти имена не встречаются, однако по отдельности они повторно используются в *HdL* (“Alfr inn gamli” «Альв Старый» 18⁸, 19^{7–8}; “Úlfr gínandi” «Ульв Жадный Зев» 22⁴); такое повторное употребление весьма характерно для тул. Впрочем, эта пара имен, являющаяся практически необходимой в перечне сопровождающих, а также схема «распространенное имя + необычное прозвище», широко используемая в *HdL* (например, “Gunnarr bálcr” «Гуннар Стена», “Úlfr gínandi” «Ульв Жадный Зев» 22^{4,4}), еще не является надежным показателем непосредственного родства *HdL* и перечней сопровождающих, рассматриваемых в этой статье.

Оставшийся перечень имен – так называемый перечень родственников (по вводной строке *telja máttu föðurfrændur þína* – «ты должен перечислить своих родственников по линии отца») – представляет собой родословную по мужской линии, в большинстве текстов восходящую к Одину. Это перечисление имен, без прозвищ, приводится по рукописи; пунктирной линией подчеркнуты имена, ставшие общепризнанными недавно и вряд ли являвшиеся таковыми во время формирования или записи текста:

²³ Ср. [Смирницкая 2003, с. 192]; возможен и перевод *Песнь Хюндлы*, также соответствующий и внутренней форме слова *Hyndluljóð*, и содержанию песни.

(7) ...telja máttu föðurfrændur	...ты должен перечислить своих
þína:	родственников по линии отца:
Kambur Skæringsson,	<u>Камбюр [Гребень] Скайрингссон,</u>
Skæringur Brandsson,	<u>Скайрингюр Брандссон,</u>
Brandur Björgólfsson,	<u>Брандюр [Меч/Головня] Бьёрг-</u>
	<u>оульвссон,</u>
Björgólfur Hringsson,	<u>Бьёргоульвюр Хрингссон,</u>
Hringur Hreiðólfsson,	<u>Хрингюр [Кольцо] Хрейдоульвссон,</u>
Hreiðólfur Garðsson,	<u>Хрейдоульвюр Гардссон,</u>
Garður Gunnvarðsson,	<u>Гардюр [Двор] Гюннвардссон,</u>
Gunnvarður Refsson,	<u>Гюннвардюр²⁴ Ревссон,</u>
Refur Ráðsvinnsson,	<u>Ревюр [Лис] Раудсвиннссон,</u>
Ráðsvinnur Kolsson,	<u>Раудсвиннюр Кольссон,</u>
Kolur Kjörvarðsson,	<u>Колюр [Темный] Кьёрвардссон,</u>
Kjörvarður Bjórsson,	<u>Кьёрвардюр Бьоурссон,</u>
Bjór Brettingsson,	<u>Бьоур [Бобр] Бреттингссон,</u>
Brettingur Hakason,	<u>Бреттингюр Хакассон,</u>
Haki Óðinsson,	<u>Хаки [Крюк] Оудинссон,</u>
Óðinn illi, allra trölla faðirinn...	<u>Оудинн Злой, отец всех троллей...</u>
(AM 247 8vo, 7r)	

Прежде всего следует отметить необычно строгую формальную организацию этого перечня. Само его построение, т. е. перечисление исключительно имен и патронимов и подбор аллитерирующих пар «имя + патроним» (“Brandur Björgólfsson”, “Hringur Hreiðólfsson”), дает этой тэле устойчивую аллитерацию и внутреннюю рифму (хоть и тавтологическую), которых мало в других тулах. Аллитерирующие пары в большинстве своем имеют структуру «имя: 2 слога + патроним: 3 слога» с последующей инверсией (“Brandur Björgólfsson, / Björgólfur Hringsson” и т. д.). Под эту схему, однако, не подпадает строка “Bjór Brettingsson”, так как первое из имен односложное; тем не менее это имя встречается в большинстве текстов, содержащих данный перечень. Из разряда исключений данную строку выводит предположение, что период формирования тулы мог в значительной мере прийти на время, когда в языке в какой-то степени еще действовали древнеисландские правила долготы и краткости слогов. В этом случае структура аллитерирующих пар будет следующей: «имя: 1 долгий слог + патроним: 3 слога (первые два долгие)» с последующей инверсией: «имя: 2 слога (как правило, оба долгие) + патроним: 2 слога»: “Kambr Skæringsson, /

²⁴ Ср.: Guðrún Kvaran, Sigurður Jónsson, s.v. “-varður”. См. также: *ibid.*, s.v. “Garður”, “Refur”.

Skæringr Brandsson”, “Refr Ráðsvinnsson / Ráðsvinnr Kolsson”, “Bjórr Brettingsson, / Brettingr Hakason, / Haki Óðinsson”. К имени *Haki*, в свою очередь, применимо правило Зиверса, в соответствии с которым два кратких слога могут быть метрически эквивалентны одному долготу. Таким образом, метрическая структура указывает на то, что данная тула восходит к XVI в., а возможно, подобно тулам о детях Грилы, и к более раннему времени.

Перечень родственников выделяется среди других тул также структурой имен. Большая их часть является общепризнанными мужскими именами – многие из которых, впрочем, имеют свое значение. Двусложные (простые) имена обозначают обычно предметы быта: гребень, меч, кольцо, крюк и т. д. Таким образом, имена также связывают данную тулу с перечнем имен детей Грилы. Впрочем, сходство это неполно, так как в последней большинство слов, обозначающих предметы быта, не являются общепризнанными именами. Большинство же трехсложных имен в перечне родственников являются составными (кроме однотипных “Skæringur” «Воинственный» и “Brettingur” «Бодрый»). При этом общепризнанными являются далеко не все эти составные имена и даже не все основы, от которых они образованы, что, в свою очередь, отличает имена родственников от составных имен танцующих и сопровождающих. Так, общепризнанными и распространенными являются вторые основы *-ólfur* (*-úlfur*; ср. *úlfur* «волк») и *-(v)arður* (ср. *vörður* «страж»), наиболее часто используемые в перечнях родственников (а также *-valdur* «правящий, причиняющий»). Общепризнанным является имя *Björgólfur*, однако “Hreiðólfur” таковым не представляется, несмотря на существование личного имени *Hreiðar* и даже составных личных имен вроде *Hreiðmar*. Не является таковым и “Hreiðvarður” или “Hreiðarður”, ни тем более варианты вроде “Hreifvarður”. Еще большее количество вариантов у имени, переданного как “Kjörgvarður” в тексте (7); среди них есть “Kjörvaldur”, “Kjarvarður”, “Kjarvaldur”, “Kjarvalur”, “Kervarður”, “Kervaldur” и даже “Kjalvarður”. Однако общепризнанным из всех них (вкл. “Kjörgvarður”) можно назвать только *Kjarval(ur)*. Таким образом, даже признанные основы составных имен часто подбираются таким образом, чтобы их сочетание не признавалось в качестве личного имени. Это является одним из отличительных признаков той традиции образования имен троллей, которая просматривается в перечне родственников (ср. обозначение Одина в тексте (7): «отец всех троллей»). Еще одним отличием перечня родственников является использование несколько иных основ, чем в перечнях танцующих и сопровождающих, где более обычны основы типа *Guð-*, *Ing(i)-* и *Þor-/Þór-* (а также *-mundur*). Поскольку многие основы

используются в именах обоих полов, большое количество женских имен среди составных имен в перечнях танцующих и сопровождающих лишь частично объясняет это различие.

Итак, перечень родственников является вполне самостоятельным относительно других перечней, рассмотренных выше, хотя определенное сходство имеется с каждым из них: существенный процент общепризнанных имен (а также составных имен) сближает его с тулами танцующих и сопровождающих, а использование предметов быта в качестве имен – с перечнями детей Грилы. Несмотря на длительное совместное бытование в устной традиции, все четыре вида перечней, рассмотренные выше, остаются относительно автономными.

Среди несколько более редких имен в перечне родственников есть пара *Tindur Tyrfingsson* (ср., например, Lbs 587 4to III, 42v, 57v)²⁵. Она обращает на себя внимание тем, что также встречается в *HdL* (“Tindr ok Tyrfingr” 23⁵) среди имен сыновей Арнгрима и Эйфуры, а также – в аналогичном контексте – в строфе Хьяльмара в *Sage ob Oddde Стреле* “Tindr ok Tyrfingr” (Qrvar-Odds saga 2017, p. 816, 5⁵). Эта же пара имен есть в прозаическом тексте *Sazi o Хервёр и Хейдрек* в редакции Н – Hauksbók (Hervarar saga ok Heiðreks 1873, s. 206), а также в книге V *Деяний Данов* Саксона Грамматика (“Tander, Tirvingar”, цит. по [von See et al. 2000, S. 751])²⁶. Подробный сравнительный анализ имен сыновей Арнгрима и Эйфуры (так называемого перечня имен берсерков) в этих источниках был проделан в работе [von See et al. 2000, S. 750–761]. В контексте поздних тул важно, что перечень родственников – уже второй перечень, содержащий пары имен из *HdL*. Помимо этого, упомянутая строфа Хьяльмара в *Sage ob Oddde Стреле*, содержащая имена “Tindr ok Tyrfingr”, начинается с имен “Hervarðr, Hjörvarðr” – Qrvar-Odds saga 2017, p. 816 (5¹), также присутствующих в *Sage o Хервёр и Хейдрек*, в частности, в строфах Хервёр – Hervarar saga ok Heiðreks 2017, pp. 387, 389 (26¹⁻² & 28¹⁻²), а также в *Деяниях Данов*. Представляется вполне вероятным, что эта распространенная пара имен

²⁵ Большинство источников с этими именами объединяет то, что они начинаются либо непосредственно с перечня родственников с несколько другим, чем обычно, введением, либо с перечня предметов и существ, которые старик нес через реку; т. е. речь идет о подгруппе текстов в рамках тулы родственников.

²⁶ Интересно, что с первым именем в том же перечне Саксона Грамматика, “Brander”, коррелирует *Brandur* во многих текстах перечня родственников, ср. текст (7). Более того, в Lbs 587 4to III, 42v, 57v *Brandur* тоже открывает перечень. Впрочем, это может быть совпадением, поскольку имя *Brandur* не является редким.

повлияла на образование столь значительного количества вариантов вроде “Hreiðvarður”, “Hreifvarður”, “Kervarður”, “Kjörvarður”, “Kjarvarður” и т. д. в поздних тулах. Таким образом, в перечне родственников в поздних исландских тулах присутствует значительная часть имен, содержащихся в основных текстах перечня берсерков.

У перечня имен родственников и *HdL* есть и другие общие черты. Как уже было упомянуто, перечень родственников – это родословная троллей. Родословная Оттара, конечно, не является перечнем троллей; однако здесь рассматривается перечень берсерков, а в соответствии с *Saгой о Хервёре и Хейдреке* в редакции Н берсерки являются потомками великанов²⁷. Помимо этого, родословную Оттара произносит Хюндла – великанша. Наконец, как родословная Оттара, так и перечень родственников имеют определенное обрамление: Хюндла беседует с Фрейей и периодически обращается непосредственно к Оттару (“alt er þat ætt þín, / Óttarr heimsci” «все это – твой род, / неразумный Оттар!» 16⁹⁻¹⁰), а перечень родственников часто вводится прямым обращением с просьбой перечислить родственников своего отца, как в тексте (7). Можно заключить, что поздние тулы, содержащие перечень родственников, а также перечень сопровождающих, связаны скорее с *HdL* и ее методами подбора имен в перечень (подбор общепризнанных личных имен и порождение новых имен по их моделям), чем с *RP* и *AFB* и их методами.

Остается выяснить, насколько взаимосвязанными были эти две традиции наименования великанов: *HdL* с одной стороны и *RP* и *AFB* – с другой. Сопоставление имен показывает, что имена из *HdL* и *RP* практически не пересекаются. Единственное имя в составе перечня берсерков, которое также имеется в *RP* (как имя одного из сыновей Карла), это *Búi* «Буи [Житель]» (*HdL* 23³, *RP* 24⁷). Помимо этого, имя *Burr* «Бурр [Сын]», столь же общего характера, есть как в той части *HdL*, которая посвящена богам и великанам (30²), так и в *RP* (как имя одного из сыновей Ярла, 41¹). В работе [von See et al. 2000, S. 727] также проводится параллель между словами *hólðborit* «рожденные землевладельцами», *hersborit* «рожденные херсирами» в *HdL* 11⁹⁻¹⁰ и именами “Hólðr”, “Hersir” в *RP* 24⁴, 39⁴. Несколько больше параллелей у *HdL* с *AFB*, поскольку, подбирая имена для родословной Оттара, *HdL* (особенно в ее мифологической части) порой использует те же – или очень похожие – имена,

²⁷ О родоначальнике 12 берсерков там говорится: “hann var risi ok bergbvi” «он был великаном и горным троллем» (*Hervarar saga ok Heidreks* 1873, s. 204).

что и *AFP*. Среди таких имен “Gerðr” «Герд» (*HdL* 30², *AFP* 8²), “Gíalpr” «Гьяльп [Волна]» (*HdL* 37¹, *AFP* 4²) и “Haki” «Хаки [Крюк]»²⁸ (*HdL* 32¹, *AFP* 3¹). Все они представлены также в тулах *Младшей Эдды*: “Gerðr” как имя одной из богинь (и хейти женщины), “Gjalpr” как имя великанши, “Haki” как имя вождя викингов (Pulur 2017, pp. 763, 1⁵; 960, 1⁸; 725, 2¹; 680, 2⁷; 988, 1⁸ и т. д.). Среди схожих имен в *HdL* и *AFP* – “Hraudungr” «Очищающий/Разрушающий» (*HdL* 26⁴) и “Hraudner” в том же значении (*AFP* 7⁶); в *Младшей Эдде* оба эти варианта встречаются в тулах как великанов, так и вождей викингов (Pulur 2017, pp. 707, 1⁶; 722, 3³; 680–681, 2⁸, 3¹). Схожи и “Greip” «Хватка» (*HdL* 37²) и “Gripandi” «Хватунья» (*AFP* 4²) (в обоих случаях в паре с “Gíalpr”), ср. хейти великана “Gripnir” в тулах *Младшей Эдды* – Pulur 2017, p. 721 (2⁵) и т. д. Тем не менее таких параллелей между *HdL* и *AFP* значительно меньше, чем между *HdL* и тулами *Младшей Эдды* – в особенности перечнями имен великанов и великанш, а также богов, карликов, вождей викингов и других человекоподобных существ. Однако немало параллелей и между *HdL* и другими перечнями в тулах *Младшей Эдды*, перечнями названий животных, оружия и т. д. – ведь *HdL* создает не только и не столько перечень имен великанов (как *AFP*), сколько имена для нескольких поколений королевской династии во всем ее разнообразии.

Подведем итоги. Во-первых, большинство перечней имен людей (и человекоподобных существ) в поздних тулах так или иначе связаны с именами великанов, или берсерков (которые в некоторых текстах являются их потомками). Это согласуется с определенным карнавальным уклоном поздних тул, показывающих мир если не «наизнанку», то зачастую под своеобразным углом. Во-вторых, представляется, что в традиции порождения имен, в той или иной степени связанных с великанами, уже в средневековой исландской литературе можно выделить два подхода. Один из них связан с именами, основывающимися на названиях бытовых предметов и на (отрицательных) чертах внешности и поведения великанов, причем имена не обязательно будут похожи на людские, зато с большой вероятностью будут значительно сниженными (*RP* – имена детей Раба – и *AFP*). Второй подход связан с именами, которые стоят ближе к людским личным именам и с большей вероятностью используются или будут использоваться как таковые (*HdL*, перечень имен берсерков). Оба подхода применяются в тулах *Младшей Эдды* и в *AFP*, однако имеют определен-

²⁸ Возможно, впрочем, что имя восходит к тому же корню, что и *hagi* «пастбище» (Guðrún Kvaran, Sigurður Jónsson, s.v. “Haki”).

ную степень автономности, так что произведения, не направленные преимущественно на перечисление имен великанов и созданные каждое своим методом, как *RP* и *HdL*, практически не будут пересекаться.

В-третьих, различные перечни имен в поздних исландских тулах в различной степени наследуют этим двум основным подходам. Перечни имен детей Грилы, очевидно, наследуют *RP* и *AFP*; об этом говорит как связь отдельных имен в разных текстах, так и общий метод: образование имен от названий бытовых предметов – тексты (1), (3) – и негативных черт внешности и поведения их носителей – тексты (2), (3). Перечни имен сопровождающих и родственников демонстрируют как связь отдельных пар имен с именами в *HdL*, так и аналогичный метод их подбора: использование по большей части общепризнанных имен или основ составных имен. При этом перечень родственников использует также некоторое количество простых имен, связанных с названиями бытовых предметов, а перечень сопровождающих – некоторое количество прозвищ, связанных с такими предметами или чертами внешности/поведения. Перечень танцующих балансирует между описанными подходами, используя как общепризнанные личные имена, так и – в сочетании с ними – прозвища, связанные с бытовыми предметами и чертами внешности/поведения, а также и имена, основанные на подобных чертах. Перечни эти сохраняют определенную степень автономности, в особенности перечни детей Грилы (часто стоящие особняком в рукописях), а также перечень родственников (возможно, в силу большего возраста и/или большей метрико-семантической организованности). Имена и прозвища нечасто переходят из одного перечня в другие, несмотря на то, что перечни время от времени соседствуют в текстах поздних тул. Таким образом, традицию поздних тул тоже нельзя назвать гомогенной – и линии, по которым идет расслоение, очевидно, наследуются ими из значительно более старых текстов.

Рукописные источники

AM 247 8vo (Институт исландской филологии им. Аурдни Магнуссона, Рейкьявик)

DFS 67 (Королевская библиотека, Копенгаген)

Holm. Papr. 25 8vo (Королевская библиотека, Стокгольм)

JS 289 8vo (Национальная библиотека Исландии, Рейкьявик)

Lbs 587 4to, Lbs 936 4to; Lbs 414 8vo, Lbs 418 8vo, Lbs 421 8vo, Lbs 424 8vo (ibid.)

RF 6569 (Национальный музей Исландии, Рейкьявик)

Источники и словари

- Edda 1962 – Edda. Die Lieder des Codex Regius, nebst verwandten Denkmälern. I. Text / Hrsg. Gustav Neckel. 3. umgearb. Aufl. von Hans Kuhn. Heidelberg: Winter, 1962. 339 p. (+ xii).
- Guðrún Kvaran, Sigurður Jónsson – Guðrún Kvaran og Sigurður Jónsson frá Arnarvatni, *Nöfn Íslendinga*, vefbók, URL: <https://snara.is/> (online edition based on the original ed. 1991, Heimskringla, Reykjavík, Iceland).
- Hervarar saga ok Heiðreks 1873 – Norrøne skrifter af sagnhistorisk indhold. Tredje hefte / Utg. S. Bugge. (Det norske oldskriftselskabs samlinger. XVII). Christiania, Brøgger, 1873. P. 203–370.
- Hervarar saga ok Heiðreks 2017 – Hervarar saga ok Heiðreks / Ed. H. Burrows // Poetry in fornaldarsögur / Ed. M. Clunies Ross (Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages. Vol. VIII). Turnhout: Brepols, 2017. P. 367–487.
- Skj. 1912–1915 – Den norsk-islandske skjaldedigtning / Útg. Finnur Jónsson. Bd. A I–II, B I–II. København: Gyldendal; Kristiania: Nordisk Forlag, 1912–1915.
- Þulur 2017 – Þulur / Ed. E. Gurevich²⁹ // Poetry from Treatises on Poetics / Ed. K.E. Gade and E. Marold (Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages. Vol. III). Turnhout: Brepols, 2017. P. 649–998.
- Qrvar-Odds saga 2017 – Qrvar-Odds saga / Ed. M. Clunies Ross // Poetry in fornaldarsögur / Ed. M. Clunies Ross (Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages. Vol. VIII). Turnhout: Brepols, 2017. P. 805–947.

Литература

- Гуревич 2012 – Гуревич Е.А. К вопросу о значении наименования «тула» в древнеисландском // Атлантика. 2012. № 10. С. 183–199.
- Ершова 2001 – Ершова Е.О. Исландские поздние тулы: Эволюция жанра // Атлантика. 2001. № 5. С. 158–178.
- Ершова 2016 – Ершова Е. (*Yelena Sesselja Helgadóttir*)³⁰. «Это заставляет детей думать»: О мнемоническом и дидактическом началах в исландских тулах // Leo philologiae. Фестшрифт в честь 70-летия Льва Иосифовича Соболева / Сост. А. Бонч-Осмоловская и др. М.: [s.n.], 2016. С. 89–105.
- Смирницкая 2003 – Смирницкая О.А. Nomina dicendi в названиях эдических песеней // Philologica Scandinavica: Сборник статей к 100-летию со дня рождения М.И. Стеблин-Каменского / Отв. ред. Б.С. Жаров. СПб: СПбГУ, 2003. С. 183–197.
- Árni Björnsson 1961 – Árni Björnsson. Hjátrú á jólum // Skírnis. 1961. 135. árg. Bls. 110–128.
- Árni Björnsson 2003 – Árni Björnsson. Nöfn Jólaveina // NEFNIR – Vefrit Nafnfræðifélagsins. 2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://hdl.handle.net/10802/606>. 7 bls. (дата обращения 06.06.2020).

²⁹ За исключением *Kálfsvísa*, с. 663–669 (изд. К.Е. Gade).

³⁰ Так в оригинале.

- Gurevich 2017 – *Gurevich E.* Þulur. Introduction // Poetry from Treatises on Poetics / Ed. K.E. Gade and E. Marold (Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages. Vol. III). Turnhout: Brepols, 2017. P. 649–663.
- Jón Samsonarson 1979 – *Jón Samsonarson.* Jólasveinar komnir í leikinn // Íslenskt mál. 1979. 1. árg. Bls. 150–174.
- von See et al. 2000 – *See K. von, La Farge B., Picard E., Schulz K.* Götterlieder (*Völundarkviða, Alvíssmál, Baldrs draumar, Rígsþula, Hyndluljóð, Grottasöngur*). (Kommentar zu den Liedern der Edda. Bd. 3). Heidelberg: Winter, 2000. 964 p.
- YSH 2010 – Yelena Sesselja Helgadóttir. Meira veit ég ekki um ættina... *hans* Grýlu? // Guðrúnarstikki kveðinn Guðrúnu Nordal fimmtugri 27. september 2010 / Umsj. Gísli Sigurðsson, Halldóra Jónsdóttir og Torfi Tulinius. Reykjavík: Menningar- og minningarsjóður Mette Magnussen, 2010. Bls. 80–83.
- YSH 2014 – Yelena Sesselja Helgadóttir. Retrospective Methods in Dating Post-Medieval Rigmorle-Verses from the North Atlantic // *New Focus on Retrospective Methods: Resuming Methodological Discussions. Case Studies from Northern Europe* / Ed. E. Heide and K. Bek-Pedersen. (FFC 307). Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2014. P. 98–119.
- YSH 2016 – Yelena Sesselja Helgadóttir. Formulaic Language in Minimal Metrical Requirements: The Case of Post-Medieval Icelandic þulur // *The Ecology of Metre.* A special issue of *RMN Newsletter* [vol. 11] / Ed. I. Sverdllov and Frog. Helsinki: University of Helsinki, 2016. P. 49–61.

References

- Árni Björnsson (1961), “Hjátrú á jólum”, *Skírnir*, vol. 135, pp. 110–128.
- Árni Björnsson (2003), “Nöfn Jólasveina”, *NEFNIR – Vefrit Nafnfræðifélagsins*, URL: <http://hdl.handle.net/10802/606>.
- Gurevich, E.A. (2012), “Towards the meaning of the denomination “þula” in Old Norse”, *Atlantica*, vol. 10, pp. 183–199.
- Gurevich, E. (2017), “Þulur. Introduction”, Gade, K.E. and Marold, E. (ed.), *Poetry from Treatises on Poetics* (Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages 3), Brepols, Turnhout, Belgium, pp. 649–663.
- Jón Samsonarson (1979), “Jólasveinar komnir í leikinn”, *Íslenskt mál*, vol. 1, pp. 150–174.
- von See, K., La Farge, B., Picard, E. and Schulz, K. (2000), *Götterlieder (Völundarkviða, Alvíssmál, Baldrs draumar, Rígsþula, Hyndluljóð, Grottasöngur)*. (Kommentar zu den Liedern der Edda 3), Winter, Heidelberg, Germany.
- Smirnitskaya, O.A. (2003), “Nomina dicendi in Eddic lays’ names”, Zharov B.S. (ed.), *Philologica Scandinavica: Sbornik statey k 100-letiyu so dnya rozhdeniya M.I. Steblin-Kamenskogo* [Philologica Scandinavica: Papers collected to commemorate centenary of the birth of Steblin-Kamenskii], SPbGU, Russia, pp. 183–197.
- Yelena Sesselja Helgadóttir (2010), “Meira veit ég ekki um ættina... *hans* Grýlu?” Gísli Sigurðsson, Halldóra Jónsdóttir and Torfi Tulinius (ed.), *Guðrúnarstikki kveðinn Guðrúnu Nordal fimmtugri 27. september 2010*, Menningar- og minningarsjóður Mette Magnussen, Reykjavík, Iceland, pp. 80–83.
- Yelena Sesselja Helgadóttir (2014), “Retrospective Methods in Dating Post-Medieval Rigmorle-Verses from the North Atlantic”, Heide, E. and Bek-Pedersen, K., *New*

Focus on Retrospective Methods: Resuming Methodological Discussions. Case Studies from Northern Europe (FFC 307). Academia Scientiarum Fennica, Helsinki, Finland, pp. 98–119.

Yelena Sesselja Helgadóttir (2016), “Formulaic Language in Minimal Metrical Requirements: The Case of Post-Medieval Icelandic *pulur*”, Sverdlov, I. and Frog (ed.), *The Ecology of Metre. A special issue of RMN Newsletter [vol. 11]*, University of Helsinki, Helsinki, Finland, pp. 49–61.

Yershova, Ye.O. (2001), “Icelandic postmedieval *pulur*: Evolution of the genre”, *Atlantica*, vol. 5, pp. 158–178.

Yershova, Ye. (Yelena Sesselja Helgadóttir) [sic] (2016), “‘This makes the children think’: On the mnemonic and the didactic in Icelandic *pulur*”, Bonch-Osmolovskaya, A. et al. (ed.), *Leo philologiae. Festschrift v chest’ 70-letiya Lva Iosifovicha Soboleva [Leo philologiae. Festschrift for Lev I. Sobolev on his 70th birthday]*, Moscow, Russia, pp. 89–105.

Информация об авторе

Елена О. Ершова, докторант (исландская литература), Университет Исландии, Институт исландской филологии им. Аурдни Магнуссона, Рейкьявик, Исландия; Аурднагардюр (Сюдюргата), IS-102, Рейкьявик, Исландия; sesselja@hi.is

Information about the author

Yelena Sesselja Helgadóttir (Yelena O. Yershova), PhD-candidate (Icelandic Literature), University of Iceland, The Árni Magnússon Institute for Icelandic Studies, Reykjavík, Iceland; Árnagarði við Suðurgötu, IS-102 Reykjavík, Iceland; sesselja@hi.is

УДК 82-131

DOI: 10.28995/2686-7249-2020-1-76-101

Судьбы варягов на Руси XI–XII вв. (Якун Слепой, Шимон / Симон и его сын Георгий)

Анна Ф. Литвина

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия
annalivina@gmail.com*

Федор Б. Успенский

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия
fjodor.uspenskiy@gmail.com*

Аннотация. Исследователь, да и просто заинтересованный читатель, обращающийся к истории культуры Древней Руси X–XIII вв., неизбежно сталкивается со своеобразным парадоксом – с одной стороны, роль выходцев из Скандинавии в русской политической и церковной жизни домонгольской поры трудно переоценить; с другой стороны, известия собственно русских письменных источников об этих переселенцах не слишком обильны и весьма фрагментарны. На таком фоне тем более ценны любые отрезки связности и сочленения элементов, обнаруживаемые непосредственно в самих древнерусских источниках. На всем пространстве повествования о X–XII вв., если не считать рода Рюриковичей, здесь можно обнаружить, как ни странно, одну-единственную семью, для которой эксплицитно указывается ее варяжское происхождение, отмечается тесная близость со Скандинавией, и при этом сообщаются сведения о трех поколениях ее представителей. Речь идет о варяге Якуне, его племяннике, Шимоне, и сыне Шимона по имени Георгий. Понадобилось весьма причудливое сплетение обстоятельств для того, чтобы на страницах древнерусских памятников появились представители по меньшей мере трех поколений скандинавского рода, да еще и с недвусмысленным

© Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б., 2020

В данной научной работе использованы результаты проекта «Культурные модели европейского Средневековья», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г.

указанием на их варяжское происхождение. Этот исчезающий пункт варяжского родословия, как кажется, укрепляет предположение о том, что часть нетривиальных рассказов летописи – это не что иное, как отголоски родовых преданий знатных семей, чьи потомки так или иначе лично соприкасались с книжниками, причастными к созданию письменной истории Древней Руси.

Ключевые слова: домонгольская Русь, средневековая Норвегия, варяги, королевские саги, культ святых, Киево-Печерский монастырь, «Повесть временных лет», Киево-Печерский патерик

Для цитирования: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Судьбы варягов на Руси XI–XII вв. (Якун Слепой, Шимон / Симон и его сын Георгий) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 1. С. 76–101. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-1-76-101

The Destinies of Varangians in 11th – to 12th - century Rus' (Yakun the 'Blind', S(h)imon and his son George)

Anna F. Litvina

*National Research University "Higher School of Economics" (HSE)
Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
annalivina@gmail.com*

Fedor B. Uspenskii

*V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
National Research University "Higher School of Economics" (HSE), Moscow, Russia
fjodor.uspenskiij@gmail.com*

Abstract. Any scholar, or indeed any interested reader, concerned with the cultural history of Rus' in the 10th to 13th centuries has inevitably to face a kind of paradox: while the role of Scandinavians in the political and ecclesiastical life of pre-Mongol Rus' was far from insignificant, the evidence from native Russian sources concerning this group of immigrants is scarce and quite fragmented. Against this background, any coherent sequence of elements on Russian–Scandinavian relations in extant Old Russian written sources acquires particular importance. Extraordinarily, across the entirety of the narrative space of the 10th to 12th centuries, Rurikids aside, there is just a single family whose Varangian origins are identified explicitly, whose close affinities with Scandinavia are noted, and for whom biographical details of three men representing three generations are given. These three men are Yakun the Varangian, his nephew Shimon and one of Shimon's sons, named George. A very curious series of coincidences was therefore needed to leave records of at least three generations of a Scandinavian family in Old Russian manuscripts – and records containing unambiguous indications of their Varangian origin. This ongoing investigation into Varangian genealogy seems to support the suggestion that some of the chronicle's more complex and enigmatic stories may echo oral histories of aris-

ocratic families whose descendants, in one way or another, had personal ties to writers involved in creating the history of Rus’.

Keywords: pre-Mongol Rus’, Medieval Norway, Varangians, Cult of Saints, Kievan Crypt Monastery, Kings’ sagas, The Tale of Bygone Years, Kievan Crypt Patericon

For citation: Litvina, A.F. and Uspenskii, F.B. (2020), “The Destinies of Varangians in 11th – to 12th-century Rus’ (Yakun the ‘Blind’, S(h)imon and his son George)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philology. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no 1, pp. 76-101, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-1-76-101

Исследователь, да и просто заинтересованный читатель, обращающийся к истории культуры Древней Руси X–XIII вв., неизбежно сталкивается со своеобразным парадоксом – с одной стороны, роль выходцев из Скандинавии в русской политической и церковной жизни домонгольской поры трудно переоценить; с другой стороны, известия собственно русских письменных источников об этих переселенцах не слишком обильны и весьма фрагментарны.

Примеров такой обрывочности можно привести множество. В самом деле, «Повесть временных лет» достаточно радикально сообщает о варяжском происхождении новгородцев («суть людье Нооугородьци ѿ рода Варажьска» – ПСРЛ, I: 20), однако в дальнейшем ни здесь, ни в Новгородской первой летописи мы не найдем ни одного непосредственного указания на скандинавскую родословную какого бы то ни было из живущих в Новгороде семейств¹. Еще более недвусмысленно древнейшие летописи говорят о варяжском происхождении Рюрика, основателя династии, которой предстояло править Русью на протяжении шести ближайших столетий. При этом никаких сведений о родителях, не говоря уж о более отдаленных скандинавских предках Рюрика и его братьев, Синеуса и Трувора, летописец не сообщает, что в высшей степени странно на фоне того внимания к генеалогии, которое проявляет скандинавский нарратив, повествующий о событиях этого времени.

Если говорить об XI столетии, то мы знаем, например, что Ярослав Мудрый, праправнук Рюрика, был женат на дочери шведского конунга Ингигерд (Ирине), а их дочь была отдана в Норвегию, за конунга Харальда Сурового. Однако все эти сведения почерпнуты отнюдь не из русских источников, здесь какие бы то ни было данные о семейных связях Ярослава со скандинавским миром по-

¹ О некоторых косвенных и внелетописных данных, позволяющих восстановить генеалогию таких семей, см. далее.

просту отсутствуют. Ничуть не больше интересовали летописцев и скандинавские браки его праправнучек, приходящиеся уже на XII столетие.

Россыпь скандинавских имен, прямые и очевидные лексические заимствования, отдельные упоминания об участии варяжских дружин в военных предприятиях русских князей, некоторые общие для двух культурных традиций повествовательные мотивы и сюжеты, которые мы обнаруживаем в текстах, созданных на Руси, дают достаточно обильную почву для соотнесения с показаниями иностранных источников, но сами по себе сколько-нибудь последовательной и связной картины скандинаво-русского взаимодействия X–XII вв. не формируют. Эта картина успешно достраивается усилиями множества исследователей, но ни на каком этапе не может быть избавлена от весьма заметной доли гипотетичности².

Такое положение дел окажется не столь удивительным, если вспомнить, что IX–XII вв. – времена, на которые пришлось интересующие нас контакты, – отчасти непосредственно предшествовали, а в значительной степени попросту совпадали с эпохой грандиозных сдвигов и перемен в истории Руси и Скандинавии. Распространение христианства, крещение отдельных правителей и их окружения, а затем и целых народов, становление единовластных династий и формирование собственного круга почитаемых святых шли бок о бок с возникновением письменной культуры нового типа, которая была порождением и частью этих инновационных процессов. Неудивительно поэтому, что в ее недрах большее отчасти погребло под собой меньшее – некогда судьбоносное взаимодействие с близкими соседями интересовало книжников лишь постольку, поскольку оно соответствовало этим новым перспективам.

Дело усугубляется еще и тем, что русские хронографические сочинения, из которых мы черпаем наши знания о скандинавском присутствии, будь то «Повесть временных лет» или Новгородская первая летопись, были впервые занесены на пергамент отнюдь не в тот период, когда взаимодействие с варягами было особенно интенсивным, но лишь в ту пору, когда оно начало заметно ослабевать.

² Исследования такого рода велись по крайней мере с XVIII столетия. Если говорить не о Юриковичах, а о других русских знатных семействах, то можно упомянуть, в частности, реконструкцию варяжского происхождения новгородских бояр Роговичей-Гюрятиничей, предпринятую А.А. Молчановым [Молчанов 1997] и А.А. Гиппиусом [Гиппиус 2006]. Весьма существенно при этом, что в русских летописных и нелетописных источниках мы не находим ни единого упоминания о том, что предки или родичи кого-либо из Роговичей и Гюрятиничей пришли на Русь из Скандинавии.

До нас же эти тексты дошли в списках еще более поздних, когда такие контакты окончательно отходили в область минувшего и различные их приметы – некогда понятные без объяснений – стали загадочными или неважными.

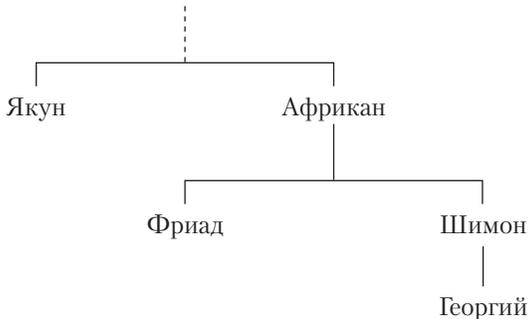
Иначе говоря, письменная традиция, парадоксальным образом, оказывается одновременно и зеркалом, в котором можно разглядеть контуры интересующей нас близости, и барьером, нуждающимся в преодолении.

На таком фоне тем более ценны любые отрезки связности и сочленения элементов, обнаруживаемые непосредственно в самих древнерусских источниках. На всем пространстве повествования о X–XII вв., если не считать рода Рюриковичей, здесь можно обнаружить, как ни странно, одну-единственную семью, для которой эксплицитно указывается ее варяжское происхождение, отмечается тесная близость со Скандинавией, и при этом сообщаются сведения о трех поколениях ее представителей.

Речь идет о варяге Якуне, его племяннике, Шимоне, и сыне Шимона по имени *Георгий*. Упоминание всех троих мы находим в Киево-Печерском патерике, здесь же названо имя родного брата Шимона и имя его отца, приходившегося, соответственно, братом Якуну:

Бысть въ земли Варяжской князь Аѳриканъ, брат Якуна слепаго, иже отбеже отъ златы руды, біася пльком по Ярославѣ с лютымъ Мстиславомъ. И сему Аѳрикану бяху два сына: Фриадъ и Шимонъ. По смерти же отцю ею изъгна Якунъ обою брату отъ области ею. Приде же Шимонъ къ благовѣрному князю нашему Ярославу. <...> И сий убо Симонъ (= Шимон) пръвый положень бысть въ тои церкви. Оттоле сынъ его Георгій велику любовь имѣаше ко святому тому мѣсту (Абрамович 1911, с. 3, 5).

Представим информацию из этого источника в виде генеалогической схемы:

Содержащийся в патерике рассказ посвящен Шимону и отчасти его сыну Георгию. В том же, что касается Якуна, повествователь явным образом ориентируется на рассказ о Лиственской битве, помещенный в «Повести временных лет» под 1024 г.

...и възвративъсѧ Ирѡславъ приде Новуногороду . и посла за море по Варягы . и приде Икунъ с Варягы . и бѣ Икунъ слѣпъ . [и] луда бѣ оу него золотомъ истъкана . и приде къ Ирѡславу . [и] иде Ирѡславъ съ Икуномъ на Мъстислава. <...> ...видѣвъ же Ирѡславъ ꙗко побѣжаемъ есть . побѣже съ Икуномъ княземъ Варяжъскимъ . и Икунъ ту ѡбѣже луды златоѡ . Ирѡславъ же приде Новугороду . а Икунъ иде за море (ПСРЛ, I: 148).

Тот факт, что составитель патерика опирался на летописный текст, сомнений не вызывает, однако это обстоятельство не делает фигуру слепого предводителя варягов менее загадочной. Разумеется, этот образ, по крайней мере с середины XIX в., неоднократно привлекал внимание исследователей, а в последние 20 лет его популярность заметно возросла.

На сегодняшний день подавляющее большинство ученых приняло поправку, предложенную Н.П. Ламбиным [Ламбин 1858, с. 65–76], согласно которой вместо *слѣпъ* следует читать *съ слѣпъ*, а Якуна, соответственно, по удачному выражению С.М. Михеева [Михеев 2008, с. 27], считать не слепцом, но красавцем. Самое имя *Якун* (*Акун*) весьма надежно отождествляется с распространенным скандинавским антропонимом *Hákonr* [Kunik 1844, с. 139–140; Kunik 1845, с. 171–172].

Весьма любопытно и обозначение того предмета, от которого Якун отбежал в ходе Лиственской битвы – в некоторых редакциях патерика мы находим здесь слово *руда*; в других же списках и, что еще более существенно, в летописном тексте, который в данном фрагменте, несомненно, первичен по отношению к патерику, на месте *руды* присутствует *луда*. Уже в XIX в. стало очевидно, что лексема *луда* связана со скандинавским *lōdi* ‘плотный плащ, верхняя одежда’ (ср.: [Ламбин 1858, с. 53–65]; Фасмер, II: 529). В древнерусских текстах слово это появляется хотя и редко, но не единожды: характерным образом, одежда, обозначаемая термином *луда*, является атрибутом иностранца, причем фигурирует оно в описаниях событий, случившихся в течение XI в. (ПСРЛ, I: 190). Скорее всего, для составителей некоторых редакций патерика оно сделалось решительно непонятным, а потому заменялось на более привычное *руда*, которое лишь прибавляло тексту загадочности, но по крайней мере избавляло от столкновения с неизвестным термином.

В текстах еще более поздних, ориентированных на соответствующие редакции патерика, конструкция, повествующая о поступке Якуна, претерпевала дальнейшие трансформации, избавляющие ее за счет утраты глагола от противоречивости, но делающие еще более таинственной роль этой руды в судьбе варяга. Характерно, помимо всего прочего, что для летописного текста вполне достаточно упоминания о том, что Якун был варяжским князем, автору же позднерусского текста для придания большей значимости своим протагонистам может понадобиться приписать их роду происхождение от римских кесарей³.

Подобные признаки размывания в веках характеристики нашего Якуна заставляют лишний раз задуматься над тем, что в «Повести временных лет» этот скандинав описан весьма нетривиально. В самом деле, как уже отмечалось, он единственный из варягов, если не считать род Рюрика, кто обладает титулом *князь* в летописи. Летописец – в целом крайне скупой на описания одеяний и внешнего облика своих персонажей – в данном случае специально оговаривает, что Якун был хорош собой и дважды упоминает о его золотом плаще: в самом деле, мы не знаем решительно ничего о том, как именно были одеты (ни в этот день, ни когда бы то ни было) остальные участники событий, например, русские князья Ярослав Мудрый и Мстислав Тмутараканский, тогда как для Якуна определенная деталь костюма почему-то оказалась заслуживающей повышенного внимания.

Загадочной, разумеется, является и вся глагольная конструкция, связанная с плащом Якуна – *ѡбъже луды златоѡ*. Хотя глагол *отбъжати / отбъгнути* в сочетании с существительным в родительном падеже еще несколько раз употребляется в летописях в значении ‘бросить, бежав с поля боя’ [Гиппиус 2007, с. 56]⁴, однако

³ Ср. в Житии Евфросинии Суздальской (XVI в.): «род же его (князя Мины Ивановича Суздальского) влечяшеся от варягъ, от Шимона князя Африкановичя, Африкан же бѣ братъ Якуна слѣпаго, иже от златыа руды; род же их от Клавдия кесаря Римскаго; от того убо корене род Суждальскихъ князеи» [Клосс 2001, с. 381]. Вероятно, помимо всего прочего, агиограф пытается тем или иным образом соотнести слова *род* и *руда*; при этом *руда* для него уже, возможно, ассоциируется с кровью. Для памятников XI–XIV вв. такое значение слова руда не зафиксировано, но в текстах XVII в. оно уже присутствует (Срезневский, III: 187; СДРЯ, X: 471; ср. СЛРЯ XI–XVII вв., XXII: 233–234).

⁴ В материалах к словарю И.И. Срезневского значение глагола *отбъгнути* в соответствующих контекстах определяется как ‘лишиться, потерять’, а в «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» и в «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» как ‘потерять’.

в других случаях речь идет об утрате столь символически значимого предмета, как з н а м я (ПСРЛ, I: 282; II: 725–726), или столь необходимого в ситуации бегства, как л о д к и (ПСРЛ, III: 27 – Синоподальный список; 213 – Комиссионный список). Остается неясным, почему в подобной функции на исходе Ливенской битвы выступает п л а щ варяга.

Как кажется, набор уникальных черт в описании этого персонажа позволяет заподозрить, что первым составителям летописного рассказа и его аудитории о Якуне было известно больше, чем современному читателю открывается с первого взгляда. Иными словами, сами по себе эти черты дают возможность историку попытаться определить, кто из скандинавов той эпохи скрывается за летописным Якуном, а филологу – проследить, каким образом в русском летописном и нелетописном нарративе могли закрепляться варяжские микросюжеты.

Относительно личности Якуна / Хакона усилиями ряда исследователей было сформировано весьма убедительное предположение, согласно которому в Ливенской битве участвовал не кто иной, как хладирский ярл Хакон Эйрикссон ([Brate 1925, p. 16; Pritsak 1981, p. 412–416; Прицак 1997, с. 440–454]; ср. также: [Stender-Petersen 1953, p. 137–138]). Было продемонстрировано, что на эту версию отождествления работает очень многое.

К р а с о т а многократно отмечается в скандинавских источниках как своеобразная родовая метка хладирских ярлов [Михеев 2008, с. 28]. К н я ж е с к и й титул вполне приличествует человеку, чей дед был единоличным правителем Норвегии, а сам он на протяжении жизни то с б о л ь ш и м, то с меньшим успехом претендовал на эти властные права. В русской перспективе еще более существенно, что род хладирских ярлов был связан с Рюриковичами узами свойства⁵: дядя Хакон Эйрикссона, Свейн Хаконарсон, был

⁵ Строго говоря, не исключено, что жена Ярослава Мудрого, Ингигерд, а следовательно, и дети этой супружеской четы, были связаны с Хаконом / Якуном не только свойством, но и родством по крови. Правда, речь идет о весьма туманной и запутанной генеалогии по женской линии. Согласно сагам, матерью нашего Хаконна была Гюда, дочь Свейна Вилобородого, конунга Дании и правителя Англии, одного из самых могущественных государей своего времени (КЗ: 153). Свейн же был женат на вдове Эйрика Победоносного, отца Олава Шведского и деда Ингигерд. Возможно, таким образом, что Гюда и Олав Шведский были детьми одной и той же женщины, единоутробными братом и сестрой; их же дети, Ингигерд и Хакон, в таком случае оказываются братом и сестрой двоюродными. Однако проблематичность подобного генеалогического сценария заключается в том, что вдова Эйрика Победоносного была не единственной женой Свейна Вилобородого, и кто

своёком Ярослава Мудрого – они были женаты на сестрах, дочерях конунга Олава Шведского (Ярослав, как уже упоминалось, вступил в брак с Ингигерд (Ириной), а Свейн – с Хольмфрид)⁶. Таким образом, перед нами разворачивается картина, с которой мы еще не раз столкнемся в династической политике Рюриковичей – затеяв конфликт с кем-либо из близких кровных родственников (в данном случае – со своим братом), князь охотно прибегает к помощи кого-либо из своих свойственников. Подчеркнуть знатность этих свойственников в такой ситуации – более чем естественно. То обстоятельство, что отец и дядя Хакона не раз бывали и сражались на Руси, разумеется, лишь добавляет ценности той помощи, которая ожидалась от их отпрыска, на чьей бы стороне его родичи ни выступали прежде.

Иными словами, если гипотеза о тождестве Якуна и Хакона Эйрикссона верна, то две нетривиальные детали из летописи – княжеский титул варяга и его красота – оказываются отнюдь не случайными. Мы попытались продемонстрировать, что неслучайной является и третья нетривиальная деталь из рассказа о Якуне, та самая золотая луда, которая доставила более всего хлопот позднейшим средневековым авторам, так или иначе опиравшихся на этот текст [Литвина & Успенский 2019, с. 151–175]. Неожиданное пристрастие летописца к этой верхней одежде могло быть обусловлено его осведомленностью в родовой истории своего героя.

Для того чтобы увидеть, что значил плащ для хладирских ярлов, следует обратиться к фигуре самого прославленного из них – Хакона Сигурдарсона Могучего, последнего языческого правителя

из его отпрысков от какого брака появился на свет, зачастую решительно непонятно – здесь данные саг порой вступают в прямое противоречие с показаниями латиноязычных континентальных источников (о женах Свейна Вилбородого см., в частности: [Успенский 2002, с. 25–29], с указанием литературы). Если же мы принимаем другие иные генеалогические варианты, связанные с браками Эйрика Победоносного и Свейна Вилбородого, то в любом случае, даже не будучи кровными родственниками, жена Ярослава Мудрого и наш Хакон / Якун оказываются, так сказать, кузенами сводными, детьми тех, кто приходились друг другу сводным братом и сестрой – такая связь в родовом мире также едва ли могла остаться незамеченной.

⁶ Помимо всего прочего, тетка Хакона / Якуна (сестра его матери) – Эстрид, дочь датского конунга Свейна Вилбородого – в свое время побывала замужем за неким «сыном короля Руси» – Adam: 114, Lib. II. Schol. 39 (40). В других источниках это сообщение отсутствует, а у исследователей нет единого мнения о том, кем был русский муж Эстрид. В числе прочих высказывались предположения, что под сыном короля Руси подразумевается один из братьев Ярослава Мудрого или же один из его сыновей (см. подробнее: [Назаренко 2001, с. 476–484]).

Норвегии. Он боролся за власть с Олавом Трюггвасоном, когда тот возвратился из Руси, в какой-то момент был вынужден спастись от преследователей, некоторое время укрывался от них и окончил свои дни в яме под свиным хлебом, служившей ему убежищем.

Описание этих событий представлено в нескольких саговых источниках, которые в целом согласны друг с другом, но различаются в расстановке акцентов и степени внимания к разным эпизодам бегства норвежского ярла, закончившегося его убийством. Прочитируем самый древний из сохранившихся образчиков повествования о бегстве Хакона Могучего, так называемую «Сагу об Олаве, сыне Трюггви» монаха Одда Сноррасона⁷, где не только описываются, но и интерпретируются устами его преследователей совершенно определенные манипуляции ярла с плащом. Для начала повествователь сообщает, что Хакон Могучий в сопровождении раба Карка «верхом подъехал к большой реке и пересек ее; на нем был шелковый плащ (*silki mottul*), он снял его с плеч и бросил в реку; затем они отправились в Гаулардаль в поисках убежища» (ÓTODdr: 78, k. Xxi).

Позже читатель оказывается на реке Гауль уже с преследователями ярла, конунгом Олавом Трюггвасоном и его людьми:

Олав, сын Трюггви, продолжил преследование и подъехал с большой свитой людей к той реке, о которой говорилось прежде. И вот они видят прибывший к островку плащ (*Ос nu sia þeir möttulinn rekinn i eugi eina*). И когда его достали и поняли, что это плащ, который принадлежал ярлу, многие стали говорить, что ярл утонул здесь, и нет нужды продолжать его поиски. Тогда один старик сказал: «Нет, вам неизвестна хитрость ярла, если вы полагаете, что он сгинул в этой реке. Это его искусная уловка – сбросить с себя плащ (*at casta af ser motlinum*), дабы вы решили, что он здесь и погиб» – ÓTODdr (A): 79–80, k. xxi⁸.

⁷ Сага монаха Одда является самым старшим из сохранившихся жизнеописаний Олава Трюггвасона. Она была написана на латыни в конце XII в. и вскоре переведена на древнеисландский. Этот-то перевод, выполненный в самом конце столетия, и дошел до нас в трех различных редакциях, от латинского оригинала сохранились лишь краткие отрывки.

⁸ Ср. также вариант этого же рассказа в другой редакции саги монаха Одда: «И когда они прибыли к реке, где вынесло плащ, многие узнали, кому он принадлежал, а увидев выброшенный плащ и мертвого коня, большинство людей решили, что ярл утонул и нет нужды продолжать его поиски (*Ok er þeir О. komo at anni er möttulinn rak tok þeir hann. ok kendv margir hverr att hafde ok ætlvðv flester at iarlinn mvnde drvknað hafa er þeir sa hestinn dafan ok möttvlinn rekinn ok þotti eigi þvrfa at leita hans*). Тогда один старик сказал: «Вам не знакома ни сноровка, ни мудрость Хакона ярла, если вы уверены, что он утонул в этой реке, и вы не понимаете, что это сделано <с умыслом> для того, чтобы обмануть вас» (ÓTODdr (S): 79–80, k. Xv).

Люди поверили речам старика, продолжили поиски и, в конце концов, оказались в Гаулардале, на хуторе Римуль.

Итак, совершенно очевидно, что традиция приписывает Хакону Могучему ловкий трюк с плащом, когда обладатель драгоценной и, что более существенно, легко опознаваемой вещи бросает ее, чтобы избавиться от преследования. Такого рода тактические хитрости, весьма универсальные сами по себе и фигурирующие в самых разных нарративах – от образчиков фольклора до литературных текстов античности, – охотно сопрягаются в средневековой хронографии, а особенно в сагах, с тем или иным конкретным лицом. Они становятся его запоминающимся маркером и атрибутом, упоминаются то развернуто (как у монаха Одда), то кратко (как у Снорри Стурлусона в «Круге Земном» – Нкр., I: 350; КЗ: 129–130, или в «Обзоре саг о норвежских конунгах» – Агр.: 25), порой превращаются в нечто вроде устойчивой характеристики⁹.

Безусловно, и в реальной жизни, и в мировой литературе можно подыскать множество случаев, когда беглец бросает свою приметную верхнюю одежду, отличающую его от прочих людей, ради спасения собственной жизни. Однако в саговой традиции главным носителем этого трюка, если так можно выразиться, является именно ярл Хакон Могучий. Для родовой картины мира нет ничего более естественного, чем проекция облика, характера и поступков предка, тем более предка столь прославленного, как этот последний языческий правитель, владевший всей Норвегией, на его потомков. Наш же Хакон Эйрикссон, который, как мы полагаем, фигурирует в русской летописи как предводитель варягов Якун, приходился Хакону Могучему родным внуком и был в честь него наречен; в определенном смысле, выбиравший имя надеялся именно в нем увидеть новое воплощение великого деда. Славиться своей знатностью, подобно деду (вспомним титул *князь* в летописи), быть красивым, как дед, и применять в случае неудачи его военные уловки – это, в сущности, и означало быть его полноценным тезкой, достойным подобием.

Человек, живущий внутри саговой традиции, безусловно, легко мог выбрать для рассказа о Хаконе / Якуне все эти детали, потому

⁹ Упоминание о плаще, сброшенном в процессе бегства, присутствует в целом ряде дошедших до нас письменных текстов о последних днях Хакона Могучего. Из древнейших памятников нет его в «Красивой коже», своде саг, записанном приблизительно в 20-е годы XIII в. (Fsk.: 106), и в «Саге о йомсвикингах» (Jmsv.: 101), кроме того, интересующий нас рассказ отсутствует в латиноязычных сочинениях, в анонимной «Истории Норвегии» и в так называемой «Истории о древних норвежских королях» монаха Теодрика.

что именно они маркировали его родовую и династическую принадлежность и для его характеристики были, быть может, важнее и нагляднее, чем указание каких-то сугубо индивидуальных черт. То обстоятельство, что русский составитель рассказа о Лиственской битве приводит именно эти детали, в целом для летописного повествования несвойственные, говорит о том, что он был знаком, так сказать, со скандинавской точкой зрения.

Собственно говоря, для человека первой половины XI столетия ничего удивительного в этой погруженности в варяжский контекст нет. Владимир Святой, отец двух русских князей-братьев, Ярослава и Мстислава, в молодости прожил некоторое время в Скандинавии. Виновник гибели Хакона Могучего, конунг Олав Трюггвасон, прежде чем вступить с ним в борьбу, провел значительную часть молодости на Руси. Сам Ярослав княжил в Новгороде и к услугам варяжской дружины на разных этапах своей политической карьеры прибегал не раз.

Наконец, существовал тот туго заплетенный клубок свойств, в который были включены и Ярослав Мудрый, и гонитель молодого Хакона Эйрикссона, конунг Олав Святой, и родной дядя Хакона, ярл Свейн Хаконарсон – все трое были женаты на дочерях Олава Шведского. Согласно сагам, Олав Святой сперва соперничал с Ярославом за Ингигерд (Ирину), но потом, женившись на ее сестре и сделавшись его свояком, по-видимому, поддерживал с Ярославом вполне дружественные отношения – в ту пору, когда Лиственская битва была уже позади, Олав нашел пристанище при дворе Ярослава и Ингигерд и оставил им на воспитание своего сына, будущего конунга Норвегии Магнуса Доброго.

Если взглянуть в этой родовой перспективе на действия нашего Хакона / Якуна, то получается, что он, будучи выдворен из Норвегии одним свояком своего родного дяди (Олавом Святым), попросту отправляется к другому – Ярославу Мудрому.

Разумеется, и все эти правители, и их окружение, взаимодействовавшие столь тесно, должны были знать весьма многое друг о друге, а для той эпохи подобные знания подразумевали осведомленность в ближайшей родовой истории, которая была одним из главных аргументов для легитимизации властных претензий. Судьба и обстоятельства смерти Хакона Могучего играли в этой истории отнюдь не последнюю роль.

Однако, как уже упоминалось, к последней трети XI столетия, ко времени сложения «Повести временных лет», все эти знания в значительной степени успели утратить свою актуальность, и потому-то нам приходится отыскивать их точечные следы в летописном нарративе. Почему же так посчастливилось именно Якуну, участни-

ку Лиственской битвы? Почему некоторые уникальные детали его родового облика не только попали в летопись, но и перешли оттуда – пусть и в трансформированном, подчас искаженном, виде – в более поздние источники? Как кажется, произошло это благодаря счастливому стечению двух обстоятельств совершенно разного порядка.

Дальнейшие перипетии многотрудной и разнообразной судьбы самого Якуна / Хакона Эйрикссона, по всей видимости, с Русью связаны уже не были, однако здесь появляется и навсегда остается представитель следующего поколения его семьи. Согласно Киево-Печерскому патерику, приблизительно в середине XI столетия на Русь попадает его родной племянник. Он успевает застать здесь князя Ярослава Владимировича, а тот приставляет его к одному из своих младших сыновей, Всеволоду. Что еще более существенно, прожив здесь значительную часть жизни в качестве привилегированного члена княжеской дружины, варяг становится ктитормом одной из главных церквей Печерского монастыря, где его со временем и погребают.

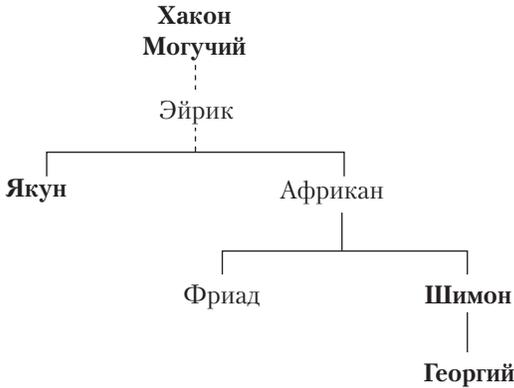
По-видимому, уже на Руси рождается его сын, еще один потомок хладирских ярлов, приходившийся, соответственно, внучатым племянником Якуну. Характерным образом, мальчик получает имя *Георгий*, которое связывает его не с родиной предков, но с Русью и с русским княжеским родом – едва ли случайно, что он становится тезкой отцовского покровителя и свойственника, Ярослава-Георгия Мудрого. Получить его княжеское имя, *Ярослав*, мальчик не мог никак, поскольку княжеские имена представляли собой нечто вроде неотчуждаемого династического имущества. Христианские же имена князей находились вне этих династических ограничений. «Подарил» ли Ярослав свое крестильное имя сыну знатного варяга, находившегося у него на службе, или тот решил таким образом подчеркнуть свою связь со знаменитым князем уже после его смерти, сказать наверняка невозможно, хотя последняя версия представляется более предпочтительной по соображениям хронологии¹⁰.

¹⁰ Не исключено, что со временем между Рюриковичами, потомками Юрия Долгорукого, и родом Георгия Шимоновича возникает еще одна родственная связь, хотя надежно доказать такую гипотезу едва ли возможно. Дело в том, что у сына Юрия, Всеволода Большое Гнездо, имеется загадочный родич, в летописи он именуется *сестричицем* князя, т. е. сыном его сестры, некой дочки Юрия Долгорукого. По летописному свидетельству (ПСРЛ, II: 658), этот княжеский племянник носил имя *Яков*, и при этом самый характер сообщения о нем практически не оставляет сомнений в том, что по отцу этот Яков к роду Рюриковичей не принадлежал, хотя играл в семейной жизни этой ветви княжеского рода заметную роль (именно он возглавляет свадебное посольство своей кузины). За кого выдали замуж

Так или иначе, этому Георгию суждено было сделаться воспитателем своего тезки, князя Юрия Долгорукого (внука Всеволода Ярославича и правнука Ярослава-Георгия Мудрого). Юрий Долгорукий, как известно, был в совсем юном возрасте отправлен на самостоятельное княжение в Суздальскую землю, и Георгий находился при нем. Впоследствии же, согласно рассказу патерика, он благодаря своему воспитаннику сделался тысяцким в этих краях. Подобно своему отцу, Георгий был щедрым вкладчиком, а также, по-видимому, и деятельным участником жизни Печерской обители – во всяком случае и в летописи, и в патерике содержатся указания на то, что именно он оковал гробницу св. Феодосия (ПСРЛ, II: 293; Абрамович 1911: 61–64); патерик же, кроме того, сообщает о чуде, связанном с его дарением, присланным уже из суздальских краев, и об особой его приверженности монастырю, которую он заещал своим потомкам.

Столь тесная связь трех поколений этой семьи с династией Рюриковичей, разумеется, увеличивала шансы потомков хладирских ярлов на то, чтобы войти в местную историю. Однако мы знаем, что и более значимые контакты князей с представителями варяжского мира могли пройти незамеченными для русских книжников. Бóльшую роль в сохранности исторической памяти о представите-

ту княжну Юрьевну, которая стала матерью Якова, остается загадкой. Известно при этом, что одни и те же имена повторялись и передавались по наследству не только у Рюриковичей, но и в других знатных родах из их окружения. При этом на Руси имя *Якун* (< *Nakonr*) с определенного времени начинает сливаться с христианским именем *Яков*, различия между ними все более сглаживаются благодаря существованию тождественных уменьшительных форм (ср., например, *Якша*), и с какого-то момента *Якун*, по-видимому, воспринимается как своего рода производное от *Яков*. Иными словами, ребенка могли наречь *Иаковом* в крещении, давая ему тем самым имя в честь предка, звавшегося *Якуном* (о подобных антропонимических процессах см. подробнее: [Унбегаун 1989, с. 80; Гиппиус, Успенский 2000; Гиппиус 2006, с. 97]). Не был ли интересующий нас сестричич Всеволода Большое Гнездо отдаленным потомком хладирских ярлов, у которых имя *Хакон*, передававшееся на Руси как *Якун*, было родовым? Как кажется, Юрий Долгорукий вполне мог бы отдать одну из дочерей замуж за сына или внука своего воспитателя Георгия Шимоновича, чья знатность не уступала, в сущности, его собственной. Мы знаем, во всяком случае, что один из сыновей Юрия Долгорукого по распоряжению отца вступил в брак в Новгороде с представительницей боярского рода Михалковичей, причем род этот, возможно, тоже имел скандинавские корни (см. о нем подробнее: [Гиппиус 2006, с. 102]). Подчеркнем, однако, что несмотря на все указания патерика на то, что князь Юрий чтит Георгия Шимоновича, никаких более определенных данных о браке между членами их семей в нашем распоряжении нет.

лях этого рода могла сыграть вовлеченность Якунова племянника в жизнь Киево-Печерского монастыря именно в ту пору, когда выходцы из этого важнейшего центра русской книжности имели прямое и непосредственное отношение к составлению русской летописи. Попросту говоря, Якуновы родичи (племянник и внучатый племянник) могли быть лично знакомы и соприкасаться с теми, кто так или иначе приложил руку к летописному тексту, и именно этим мы обязаны столь нетривиальным подробностям в рассказе о Лиственской битве 1024 г. «Повести временных лет».

Выразительной параллелью здесь может служить история знаменитого Яна Вышатича, который прожил чрезвычайно долгую жизнь, был знаком с составителем летописи и успел сообщить ему целый ряд деталей, связанных не только со своей собственной биографией, но и с биографией своего отца, жившего и действовавшего, как и варяг Якун, в первой половине XI в.:

...в се же лѣто престависѧ **И**нь старецъ добрыи . живѣъ . лѣтъ . **ч** .
 въ старостѣ маститѣ . живѣъ по закону **Б**жию . не хужии первыхъ праведникѣ . оу него же азѣ слышахъ многа словеса . **а**же вписахъ в лѣтописиць . бѣ бо мужь блѣгъ и кротокѣ . и смѣренъ . **в**гребасѧ ѿ всакоѧ вещи . егоже и гробъ есть в Печерьскомѣ монастырѣ оу притворѣ . идѣже лежить тѣло его положено . мѣца . иуна . въ . **к**д (ПСРЛ, I: 281; II: 257)¹¹.

¹¹ Ср. также знаменитый рассказ о походе старшего сына Ярослава Мудрого, Владимира, на Царьград, открывающийся словами: «Посла **Я**рославъ Володимира . сѧа своего на **Г**рѣкы . и да ему воѧ многы . а воєводство поручи Вышатѣ ѿцо **И**неву» (ПСРЛ, I: 154; II: 142). Здесь мы обнаруживаем описание пленения Вышаты и его освобождения из плена, а также передачу его прямой речи. Такого рода обстоятельность в изображении человека,

Весьма характерно, что Янь Вышатич, точно так же, как и Якунов племянник, был погребен в Киево-Печерском монастыре. По-видимому, для составителя летописи возможность созерцать могилу того или иного лица непосредственно в пределах собственной обители являлась весьма немаловажным стимулом для того, чтобы рассказать о связанных с ним событиях чуть более подробно. Не исключено, к примеру, что именно этому обстоятельству мы обязаны некоторыми сведениями о судьбах княжеских жен и дочерей, сведениями, которые в противном случае легко могли бы не появиться на страницах летописи¹².

Роль Яня Вышатича как информанта была более существенной, однако и Якунов племянник, по всей вероятности, успел сообщить не только князьям, которым служил, но и насельникам Печерского монастыря ряд деталей о том из своих старших родичей, кто еще до него побывал на русской службе. Разумеется, для этого варяга и к концу XI столетия была в высшей степени актуальна собственная родовая история, и он знал множество деталей как о своем дяде (каковы бы ни были их отношения), так и о самом прославленном из своих предков – собственном прадеде, ярле Хаконе Могучем, в честь которого дядя в свое время и был назван. В летопись же попало именно то, что в скандинавской перспективе связывало Якуна / Хакона с Хаконем Могучим и в то же время имело непосредственное отношение к Руси, к династической истории Рюриковичей.

Существенно, впрочем, что не всем погребенным в монастыре ктитора и вкладчикам повезло настолько, что память об их гене-

который князем не был, явление довольно редкое для летописного повествования об XI в. Более того, в еще одном летописном рассказе, который есть как в Ипатьевской, так и в Новгородской первой летописях, приводится имя Вышатиного отца, приходившегося, соответственно, дедом Яню Вышатичу: «...Вышата снъ Устромирь . воеводы Новгородского» (ПСРЛ, II: 152; III: 184 – Комиссионный список).

¹² В этом отношении весьма любопытен случай Евпраксии Всеволодовны, побывавшей, как мы знаем из латиноязычных источников, замужем за саксонским маркграфом Генрихом, а затем и за его тезкой – императором Генрихом IV. После скандального расставания со вторым мужем Евпраксия вернулась на Русь. Характерным образом, все то, что происходило с ней за границей, летописец не зафиксировал вовсе, как остался незафиксированным и самый факт ее появления на свет. Однако поздний и посмертный этапы ее биографии в летописи отражены более подробно, чем это обычно делалось для женщин из дома Рюриковичей: «...в то же лѣто пострижеса Еоупракси . Всеволожа дщи . мѣца . декабра . въ . s . днѣ» (ПСРЛ, I: 281; II: 257); «пристависа Евъпраксии Всеволожа дщи . мѣца июла . въ .

алогии сохранилась еще и за пределами летописного текста. Так, пресловутый Янь и его жена фигурируют в Киево-Печерском патерике (Абрамович 1911: 61, 243), этот же рассказ о прозорливости Феодосия, предсказавшего смерть Яневой жены и точное место ее погребения, мы находим и в летописи (ПСРЛ, I: 212; II: 203–204), однако ни отец Яня, Вышата, ни тем более Янев дед, Остромир, ни в патерик, ни в этот фрагмент летописного повествования уже не попадают.

Почему Якуну посчастливилось в этом отношении больше? Каким образом столь необычная атрибутика, связанная с этим варягом, побывавшим на Руси в 20-е годы XI столетия, не только закрепились в летописи, но и пошла, так сказать, дальше – проникла в патерик и в позднейшую агиографическую традицию?

Этим, на наш взгляд, Якун обязан некоему особому повороту в прижизненной и посмертной судьбе своих младших родичей, о чьих деяниях в патерике содержатся довольно подробные рассказы. Для разгадки книжного долгожительства Якуна наиболее важен, пожалуй, ономастический сюжет, связанный с его племянником; этот сюжет – весьма нетривиальный для патерика – безусловно, заслуживает отдельного обсуждения.

Напомним, что согласно патерику, первоначальным именем Якунова племянника, пришедшего на Русь, было *Шимон*, однако там же содержится рассказ о получении Шимоном нового имени, которое дает ему не кто иной, как Антоний, основатель Печерской обители. Это последнее обстоятельство при поверхностном чтении несколько затушевывает странность происходящего – святой, выбирающий для кого-либо имя, настолько устойчивый агиографический образ, что от современного читателя может ускользать необычность эпизода. В самом деле, Шимона не постригают в монахи,

ѿ . днѣ . и положено бы^ѣ (тѣло . и положено бы^ѣ) тѣло ея в Печерьскомъ монастыри оу дверии каже къ оугу . и вчиниша над нею божницю . идѣже лежить тѣло ея» (ПСРЛ, I: 283; II: 260). Не менее показательна и детализированная запись о ее родственнице и примерной ровеснице, которая ушла из жизни значительно позже – дочери Ярополка Изяславича, которую погребли в Киево-Печерском монастыре: «Том же лѣ^ѣ престави^ѣ . блжнаа кнѣгини Глѣбоваа . Всеславича . дочи Ярополча Изаславича . сѣдѣвши по кнзи своемъ . вдовою лѣ^ѣ . м̄ . а всихъ лѣ^ѣ и ѿ рж^ѣтва . п̄ . и . д̄ . лѣ^ѣ . и положена бы^ѣ в Печерьскомъ монастыри . съ кнземъ въ гробѣ оу стго Федосьа оу головахъ» (ПСРЛ, II: 492). Замечательно, что в летописях есть не только сообщение о кончине ее мужа, Глеба Всеславича, которого она надолго пережила (ПСРЛ, I: 292; II: 285), но в «Повести временных лет» мы находим и специальное указание о том, что на его пожертвования и по его распоряжению в монастыре была построена трапезная (ПСРЛ, II: 259).

не крестят и уж тем более не перекрещивают¹³. Согласно рассказу патерика, с нашим варягом происходит нечто совсем иное, особенное:

Старець (= Антоний) же похвали Бога о семь, рекъ Варягови: «чадо, отседе не наречется имя твое Шимонъ, но Симонъ будетъ имя твое». Призвавъ же Антоній блаженнаго Θεодосіа, рече: «Симоне, сий хошетъ въздвигнути такуюю церковь», и дасть ему поясъ и вѣнецъ. И оттоле великую любовь имяше ко святому Θεодосію, подавъ ему имѣнія многа на възгражденіе монастырю (Абрамович 1911: 4).

Почему повествователь проявляет столь неожиданное внимание к именам варяга и что он стремится поведать или объяснить читателю? Это свидетельство можно рассматривать по меньшей мере в двух перспективах: с точки зрения стоящих за ним исторических фактов и в русле определенной книжной традиции, с помощью которой эти факты преломлялись и осмыслялись. Однако самое интересное, на наш взгляд, находится на пересечении двух этих перспектив.

Если говорить об особенностях агиографического нарратива, то здесь обращают на себя внимание две библейские аллюзии, которые как бы срабатывают одновременно, и обе они связаны с переименованием варяга *Шимона* в *Симона*. Один подтекст – новозаветный – вскользь отмечался в исследовательской литературе: это не что иное, как параллель со знаменитым переименованием апостола из *Симона* в *Петра* (Мф. гл. 16, 16–18). В патерике эта изящная аллюзия обратного переименования (персонаж получает, а не утрачивает имя *Симон*) проступает тем очевиднее, что Петр, согласно евангельскому тексту, должен стать тем камнем, на котором воздвигнется церковь Христова, тогда как Шимона / Симона, согласно патерику, Антоний благословляет на возведение вполне конкретной церкви Успения Богородицы.

Однако здесь просматривается и еще одна параллель – ветхозаветная, – построенная на том бросающемся в глаза сходстве первоначального и нового имени, которое в евангельском сюжете с пе-

¹³ Собственно говоря, мы не знаем, насколько тотальный характер в глазах современников и потомков носило это переименование. Во всяком случае единственное летописное упоминание сына нашего варяга, Георгия, в Хлебниковском и в Погодинском списках Ипатьевской летописи сопровождается добавлением патронима *Шимонович* (ПСРЛ, II: 293, примеч. 21). В патерике же с момента переименования отца он последовательно именуется сыном Симона.

реименованием Симона в *Петра* отсутствует. Как легко заметить, *Шимон* и *Симон* обладают минимальным фонетическим и графическим различием, очень напоминая вариант одного и того же имени, так что на первый взгляд не совсем понятно, как и зачем менять одно на другое и в чем значимость такой перемены. По-видимому, здесь действует аналогия со знаменитой историей переименования *Аврама* в *Авраама* – «И не будешь ты больше называться Авраом; но будет тебе имя: Авраам» (Быт., гл. 17, 5), когда незначительное, казалось бы, изменение имени знаменует соприкосновение человека с Богом.

Вопрос о том, что на самом деле стоит за этим сообщением, как, например, в действительности именовались на своей исторической родине этот Шимон / Симон, его отец, названный в патерике *Африканом*, и брат, для которого указано имя *Фриад*, не раз привлекал внимание исследователей. В самом деле, ни *Африканов*, ни *Симонов* в исконном варяжском антропонимиконе XI в. не зафиксировано, однако подобного рода несовпадения и несоответствия в передаче чужого антропонима для русской средневековой традиции – дело вполне обычное. Некоторое экзотическое и непонятное для него имя составитель текста или очередной его переписчик мог передавать с помощью также достаточно экзотического, но куда более понятного и знакомого, и такого рода трансформации могли заходить довольно далеко¹⁴.

Гораздо важнее установить, как уже говорилось, почему у составителя патерика вообще возникла потребность вводить в свой рассказ столь необычный сюжет о переименовании. Ответ на этот вопрос теснейшим образом связан с тем, почему автору столь интересен Шимон / Симон, почему он столь внимателен к варяжской генеалогии, к теме варяжских реликвий в Печерском

¹⁴ Наш варяг и на родине мог носить христианское имя *Симон*, но в скандинавской огласовке – с шипящим согласным (этому простому объяснению несколько препятствует то обстоятельство, что христианских имен в Скандинавии в XI столетии не так много, а календарное имя *Симон* начинает фиксироваться в Норвегии лишь с середины XII в., а в остальных частях полуострова и того позднее [Lind 1905–1915, P. 903–904]). С другой стороны, он мог быть обладателем одного из чрезвычайно популярных во всей Скандинавии нехристианских имен с элементом *sigr-* (например, *Sigmundur*), которое было воспринято русскими книжниками как *Шимон*. Проблема реконструкции первоначального имени пришедшего на Русь Шимона / Симона требует отдельного, весьма обширного, обсуждения, однако каково бы ни было ее решение, в перспективе данной работы оно не будет иметь сколько-нибудь определяющего значения, а потому мы сознательно отвлекаемся от ее детального рассмотрения.

монастыре. Почему он берет на себя труд извлечь из летописи специфическую характеристику Шимонова дяди, участника Ливонской битвы?

На наш взгляд, в исследованиях патерика недооцененным остается тот факт, что рассказчик попросту был тезкой своего героя, варяга Симона. Практически ни у кого не возникает сомнений, что весь варяжский эпизод принадлежит к числу тех, что попали в патерик благодаря усилиям владимирско-суздальского епископа Симона, жившего на рубеже XII–XIII вв. Сведений о его жизни сохранилось не так уж много, но в первую очередь обращает на себя внимание то обстоятельство, что епископ Симон был выходцем из Киево-Печерского монастыря, где он, со всей очевидностью, и принял постриг с именем *Симон*¹⁵ – его ставший хрестоматийным панегирик родной обители, сохранившийся в составе послания Поликарпу, не оставляет в этом никаких сомнений (Абрамович 1911: 76). Известно также, что в церковном строительстве Владимира и Суздаля¹⁶ Симон стремился воплотить идею подобия Успенской церкви Печерского монастыря, той самой, ктитором которой был варяг Шимон / Симон [Ольшевская 1987, с. 393].

Участвовал ли сам будущий епископ в выборе иноческого имени, или это произошло исключительно по воле печерского игумена, Симон в любом случае не мог не быть осведомлен о мотивах и внутренней логике подобного наречения; получение монашеского имени, разумеется, означало и приобретение нового небесного покровителя. Иными словами, у нас есть все основания заподозрить, что епископ Симон столь подробно повествует о варяге Симоне, чья могила находилась в стенах монастыря, именно потому, что благодаря Шимону / Симону он и получил свое иноческое имя. Скорее всего, наш варяг, правнук ярла Хакона Могучего и племянник Хакона / Якуна Эйрикссона, принадлежал к числу тех, кто в домонгольское время почитался местно в Киево-Печерской обители. В самом деле, среди рассказов патерика именно история Шимона становится начальным эпизодом в истории обители, а вывезенная им из Скандинавии родовая реликвия (золотой пояс) сперва превращается в меру при закладке

¹⁵ Незадолго до своей смерти в 1226 г. епископ Симон принимает великую схиму, не переменяв при этом своего иноческого имени (ПСРЛ, I: 448). Последнее, впрочем, для Руси той эпохи было вполне регулярной практикой (см. об этом подробнее: [Успенский, Успенский 2017, с. 40–99]).

¹⁶ В этом городе епископ Симон провел несколько лет, последовав туда за Юрием Всеволодичем, одним из внуков Юрия Долгорукого.

Богородичной церкви¹⁷, а со временем оказывается чудотворным предметом, приносящим исцеление и манифестирующим, надо полагать, святость своего дарителя (Абрамович 1911: 9). Нет ничего удивительного, таким образом, в том, что своеобразный «киевско-печерский патриотизм» (удачный термин, предложенный А.В. Назаренко) в XII в. побудил дать имя *Симон*, некогда избранное Антонием Печерским для варяга, одному из молодых насельников знаменитого монастыря.

Трудно сказать, был ли Симон / Симон единственным святым покровителем новопостриженника или перед нами очередной пример синкретического, совокупного почитания святых тезок, древнего и нового – Симона Зилота и Симона Варяга. Не исключено, что и некоторым другим киево-печерским инокам имена выбирались сходным образом, однако потомуку хладирских ярлов особенно повезло – именно его соименник принялся за составление патерики, у него были возможность и потребность не только справиться с летописью, но и увековечить и расцветить монастырское предание о своем тезке и патроне, запечатлеть имена его жившего на Руси сына и оставшихся в Скандинавии родичей.

При этом владими́ро-суздальский епископ Симон мог использовать не только то, что слышал и видел лично, будучи насельником, а затем, возможно, и гостем Печерской обители; ему могли быть доступны и семейные предания живущих в непосредственной близости с ним потомков суздальского тысяцкого Георгия Шимонича. Весьма вероятно, что представители этого рода были среди тех, на кого Симон опирался, стремясь создать в Суздале некое символическое подобие киево-печерского благочестия – недаром в своем тексте он специально отмечает, что Феодосий Печерский предстоит перед Богом за весь род варяга Шимона / Симона так же, как за монахов собственного монастыря, что этому роду, в свою очередь, завещаны особая приверженность и любовь к Печерской

¹⁷ Ср.: «Паки възвратися к великому Антонію, сказа ему вещь дивну, тако глаголя: ‘отець мой Аѳриканъ съдѣла крестъ и на немъ изобрази богомужное подобіе Христова написаніемъ вапным, новъ дѣломъ, якоже Латина чтут, великъ дѣломъ яко 10 локот, и сему честь творя, отецъ мои възложи поясъ о чреслѣхъ его, имущъ вѣса 50 гривень злата, и венецъ злат на главу его. Егдаже изгна мя Якунь, стрый мой, отъ области моєа, азъ же взях поясъ съ Іисуса и венецъ съ главы Его, и слышах гласъ отъ образа, обративъся ко мнѣ и рече ми: “никакоже, человекѣ, сего възложи па главу свою, неси же иа уготованное мѣсто, идѣже зиждется церковь Матере Моєа отъ преподобнаго Ѣоодосіа, и тому в руцѣ вдаждь, да обѣситъ над жрътовникомъ Моимъ”. Азъ же отъ страха падохся, оцепнѣвъ, лежах, аки мертвъ, и, вставъ скоро, внидохъ в корабль’» (Абрамович 1911: 3–4).

обители и подчеркивает существование документа, согласно которому всякий потомок этого рода может быть погребен в самом монастыре или – в случае предельного обнищания – в его непосредственных владениях (ср.: Абрамович 1911: 63–64).

Итак, понадобилось весьма причудливое сплетение обстоятельств для того, чтобы на страницах древнерусских памятников появились представители по меньшей мере трех поколений определенного скандинавского рода, да еще и с недвусмысленным указанием на их варяжское происхождение. Для Якуна / Хакона, несомненно, оказалось большой удачей, что изгнанный им племянник Шимон не только осел на Руси, но и сыграл заметную роль в жизни такого крупного центра, как Киево-Печерский монастырь. Им обоим еще больше повезло в том, что выходец из этого монастыря, который через столетие с лишним взялся за составление патерика, в свое время при пострижении получил имя *Симон*. И, наконец, еще одной удачей стало то обстоятельство, что Симону, автору патерика, суждено было стать епископом Владимира и Суздаля, именно тех краев, где осели потомки Шимона / Симона и Георгия Шимоновича. Предание о норвежском ярле Хаконе Могучем оказалось в своем роде подводной частью этого нарративного айсберга – его имя осталось невостребованным русскими книжниками, однако именно связанные с ним аллюзии сделали фигуру его внука столь выразительной и в то же время загадочной. Безымянными остались и ближайшие наследники Георгия Шимоновича, хотя составитель патерика ясно дает понять, что в XIII в. этот род не прервался, как не прервалась его связь с Киево-Печерской обителью. Этот неисчезающий пункт варяжского родословия, как кажется, укрепляет предположение о том, что часть нетривиальных рассказов летописи – это не что иное, как отголоски родовых преданий знатных семей, чьи потомки так или иначе лично соприкасались с книжниками, причастными к созданию письменной истории Древней Руси.

Источники и словари

- Абрамович 1911 – Патерик Киевского Печерского монастыря / Под ред. Д.И. Абрамовича. СПб., 1911.
- КЗ – Снорри Стурлусон. Круг Земной / Изд. подгот.: А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980.
- ПСРЛ, I–XLIII – Полное собрание русских летописей. Т. I–XLIII. СПб. (Петроград; Л.); М., 1841–2009. (В случае переиздания летописи мы, кроме специально отмеченных случаев, всегда ссылаемся на последнее издание.)
- СДРЯ, I–X – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I–X. М., 1988–2013 (издание продолжается).

- СлРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. I–XXX. М., 1975–2016 (издание продолжается).
- Срезневский, I–III – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. М., 2003. Т. I–III (репринт с изд.: СПб., 1890–1912).
- Фасмер, I–III – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. Т. I–III. Изд. 3-е. СПб., 1996.
- Adam – Magistri Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis Ecclesiae Pontificum / Hrsg. von B. Schmeidler. Hannover; Leipzig, 1917.
- Ágr. – Ágrip af Nóregs konunga sögum. Diplomatarisk udgavelse / Udg. for Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur ved Verner Dahlerup. København, 1880. (Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur, bd. II.)
- Fsk. – Fagrskinna. Nóregs konunga tal / Udg. for Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur ved Finnur Jónsson. København, 1902–1903. (Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur, bd. XXX.)
- Hkr., I–III – Snorri Sturluson. Heimskringla. Nóregs konunga sögur / Udg. for Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur ved Finnur Jónsson. Bd. I–III. København, 1893–1901. (Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur, bd. XXIII.)
- Jmsv. – Jómsvíkinga saga (efter cod. AM. 510, 4:to) samt Jómsvíkinga drápa / Utg. af Carl af Petersens. Lund, 1879.
- ÓTóddr – Saga Óláfs Tryggvasonar af Odd Snorrason munk / Udg. ved Finnur Jónsson. København, 1932.

Литература

- Гишпиус 2006 – *Гишпиус А.А.* Скандинавский след в истории новгородского боярства (в развитие гипотезы А.А. Молчанова о происхождении посадничьего рода Горятиничей-Роговичей) // The Slavization of the Russian North. Mechanisms and Chronology (Slavica Helsingiensia. 27). Helsinki, 2006. С. 93–108.
- Гишпиус 2007 – *Гишпиус А.А.* Бегство от плаща: Заметки о «золотой луде» Якуна «Слепого» // Terra Slavica / Terra Balcanica. К юбилею Т.В. Цивьян. М., 2007. С. 52–58.
- Гишпиус & Успенский 2000 – *Гишпиус А.А., Успенский Ф.Б.* К вопросу о соотношении языкового и христианского имени. Древнерусские антропонимические дублеты в типологическом освещении // Славяне и их соседи. Христианский мир между Римом и Константинополем: Сб. тезисов XIX конференции памяти В.Д. Королюка / Отв. ред. Б.Н. Флоря. М., 2000. С. 29–36.
- Клосс 2001 – *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. II: Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. Агиография Москвы, Твери, Ярославля, Суздаля. Сказания о чудотворных иконах. М., 2001.
- Ламбин 1858 – *Ламбин Н.П.* О слепоте Якуна и его златотканой луде: Историко-филологическое разыскание // Журнал министерства народного просвещения. 1858. Ч. XCVIII/5. Отделение II. С. 33–76.

- Литвина, Успенский, 2019 – *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... Контуры русско-варяжского культурного взаимодействия. 2-е. изд., испр. М., 2019.
- Михеев 2008 – *Михеев С.М.* Варяжские князья Якун, Африкан и Шимон: Литературные сюжеты, трансформация имен и исторический контекст // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 27–32.
- Молчанов 1997 – *Молчанов А. А.* Ярл Рёгнвальд Ульвссон и его потомки на Руси (о происхождении ладожско-новгородского посадничьего рода Роговичей-Гюрятиничей) // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии: Памяти В.Д. Белецкого. СПб.; Псков, 1997. С. 80–84.
- Назаренко 2001 – *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей IX–XII веков. М., 2001.
- Ольшевская 1987 – *Ольшевская Л.А.* Симон // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I: XI – первая половина XIV в. / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1987. С. 392–396.
- Прицак 1997 – *Прицак О.* Походження Русі: Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських sag). Том I. Київ, 1997.
- Унбегаун 1989 – *Унбегаун Б.О.* Русские фамилии / Общ. ред. Б.А. Успенского. М., 1989.
- Успенский 2002 – *Успенский Ф.Б.* Скандинавы – Варяги – Русь: Историко-филологические очерки. М., 2002.
- Успенский & Успенский, 2017 – *Успенский Б.А., Успенский Ф.Б.* Иноческие имена на Руси. СПб., 2017.
- Brate 1925 – *Brate E.* Svenska runristare. Stockholm, 1925. (Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar, XXXIII/5-6.)
- Kunik 1844 – *Kunik E.* Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen: eine Vorarbeit zur Entstehungsgeschichte des russischen Staates. Erste Abtheilung. St.-Petersburg, 1844.
- Kunik 1845 – *Kunik E.* Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen: eine Vorarbeit zur Entstehungsgeschichte des russischen Staates. Zweite Abtheilung. St.-Petersburg, 1845.
- Lind 1905–1915 – *Norsk-Isländska Dopnamn ock fingerade Namn från Medeltiden / Samlade och utgivna med Förklaringar av E.H. Lind.* Uppsala; Leipzig, 1905–1915.
- Pritsak 1981 – *Pritsak O.* The Origin of Rus'. Old Scandinavian Sources other than Sagas. Vol. I. Cambridge (Mass.), 1981.
- Stender-Petersen 1953 – *Stender-Petersen A.D.* Varangica. Aarhus, 1953.

References

- Brate, E. (1925), *Svenska runristare* (Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar, XXXIII/5-6.), Akademiens Förlag, Stockholm, Sweden.
- Gippius, A.A. (2006), “Scandinavian trace in the history of the Novgorod boyars (in the development of the hypothesis of A.A. Molchanov about the origin of the posadniks clan of the Gyuryatinichi-Rogovichi)”, Nuorluoto, J. (ed.), *The Slavization of the Russian North. Mechanisms and Chronology* (Slavica Helsingiensia. 27), University of Helsinki Helsinki, Finland, pp. 93–108.

- Gippius, A.A. (2007), "Escape from the cloak: Notes on the 'Golden Luda' of Yakun 'the Blind'", *Terra Slavica/Terra Balcanica. K yubileyu T.V. TSiw'yan* [Terra Slavica/Terra Balcanica. To T.V. Tsvivan's anniversary]. ISIRAN, Moscow, Russia, pp. 52–58.
- Gippius, A.A. and Uspenskiy, F.B. (2000), "On the question of the relationship between the pagan and Christian names. Old Russian anthroponymic doublets in typological coverage", Florya, B.N. (ed.), *Slavyane i ikh sosedi. Khristianskii mir mezhdu Rimom i Konstantinopolom: Sb. tezisov XIX konferentsii pamyati V.D. Korolyuka* [Slavs and their neighbors. Christian world between Rome and Constantinople. Collection of abstracts of the 19th conference to the memory of V.D. Korolyuk], Moscow, Russia, pp. 29–36.
- Kloss, B.M. (2001), *Izbrannye trudy. T. II: Ocherki po istorii russkoi agiografii XIV–XVI vekov. Agiografiya Moskvu, Tveri, Yaroslavl'ya, Suzdalya. Skazaniya o chudotvornykh ikonakh* [Selected works. Vol. 2: Essays on the history of Russian hagiography of the 14th–16th centuries. Hagiography of Moscow, Tver, Yaroslavl and Suzdal. Legends of the miraculous icons]. Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Kunik, E. (1844), *Die Berufung der schwedischen Rotsen durch die Finnen und Slawen: eine Vorarbeit zur Entstehungsgeschichte des russischen Staates*. Erste Abtheilung, Druckerei der Kaiserlichen Academie der Wissenschaft, Saint Petersburg, Russia.
- Kunik, E. (1845), *Die Berufung der schwedischen Rotsen durch die Finnen und Slawen: eine Vorarbeit zur Entstehungsgeschichte des russischen Staates*. Zweite Abtheilung, Druckerei der Kaiserlichen Academie der Wissenschaft Saint Petersburg, Russia.
- Lambin, N.P. (1858), "On the blindness of Yakun and his gold-woven lude: a historical and philological search", *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Ch. 98/5. II. pp. 33–76.
- Lind, E.H. (ed.) (1905–1915), *Norsk-Islandska Dopnamn ock fingerade Namn från Medeltiden*, Lundequistiska Bokhadeln Uppsala, Sweden; Otto Harassowitz, Leipzig, Germany.
- Litvina, A.F. and Uspenskii, F.B. (2019), *Pokhvala shchedrosti, chasha iz cherepa, zolotaya luda... Kontury russko-variantnogo kul'turnogo vzaimodeystviya* [A Praise to Generosity, a Skull Bowl, and a Golden Cloak... The Outlines of the Cultural Interaction between Russians and Varangians], 2nd ed., Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, Moscow, Russia.
- Mikheyev, S.M. (2008), "Varangian princes Yakun, Afrikan, and Šimon: Literary plots, name transformation and historical context", *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, 2 (32). pp. 27–32.
- Molchanov, A.A. (1997), "Jarl Ragnvald Ulfsson and his descendants in Russia (on the origin of the Ladoga-Novgorod posadniks clan of Rogovichi-Gyuryatinichi)", *Pamyatniki stariny: Kontseptsii. Otkrytiya. Versii: Pamyati V.D. Beletskogo, T. 2* [Ancient monuments. Concepts. Discoveries. Versions. In memory of V.D. Beletsky, Vol. 2]. IIMK RAN Publ., Saint Petersburg, Pskov, Russia, pp. 80–84.
- Nazarenko, A.V. (2001), *Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh: Mezhdistsiplinarnyye ocherki kul'turnykh, torgovykh i politicheskikh svyazey IX–XII vekov*. [Ancient Russia on the international routes: interdisciplinary essays on cultural, trade and political ties of the 9th–12th centuries]. Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Ol'shevskaya, L. A. (1987), "Simon", *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. I: XI – pervaya polovina XIV vv.* [Dictionary of the Scribes and Booklore of Ancient Russia.

- Issue 1. 11th – the first half of 14th c.], ed. by D.S. Likhachev, Nauka, Leningrad, USSR, pp. 392–396.
- Pritsak, O. (1981), *The Origin of Rus'. Old Scandinavian Sources other than Sagas. Vol. I.* Harvard University Press, Cambridge (Mass.), USA.
- Pritsak, O. (1997), *Pokhozhdemnya Rusi: Starodavni skandinavski dzhherela, T. 1* (krim islandskih sag) [The origin of Russia. The ancient Scandinavian sources (except of sagas). Vol. 1], Oberegi, Kiev, Ukraine.
- Stender-Petersen, A.D. (1953), *Varangica. Aarhus*, Bianco Lunos Bogtrykkeri, Kobenhavn, Denmark.
- Unbegaun, B.O. (1989), *Russkie familii* [Russian surnames], ed. by B.A. Uspenskii, Progress, Moscow, USSR.
- Uspenskii, B.A. and Uspenskii, F.B., (2017), *Inocheskiye imena na Rusi* [Monastic Names in Medieval Russia]. Nestor-Istoriya, Saint Petersburg, Russia.
- Uspenskii, F.B. (2002), *Skandinavyy – Varyagi – Rus': Istoriko-filologicheskie ocherki* [Scandinavians-Varangians-Rus': Historical and philological essays], Moscow, Russia.

Информация об авторах

Анна Ф. Литвина, кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия; 105066, Россия, Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4; annalitvina@gmail.com

Федор Б. Успенский, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН;

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия; Россия, Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4; fjodor.uspenskiy@gmail.com

Information about the authors

Anna F. Litvina, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia; bld. 21/4, Staraya Basmannaya Str., Moscow, Russia, 105066; annalitvina@gmail.com

Fedor B. Uspenskii, Dr. of Sci. (Philology), corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences;

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia; bld. 21/4, Staraya Basmannaya Str., Moscow, Russia, 105066; fjodor.uspenskiy@gmail.com

Переводы

УДК 821-131

DOI: 10.28995/2686-7249-2020-1-102-119

«Прядь о Кровавом Эгиле» по «Саге о Кнютлингах». Перевод, вступительная статья, комментарий

Татьяна Н. Джаксон

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия

Tatjana.Jackson@gmail.com

Аннотация. Публикация содержит мой перевод «Пряди о Кровавом Эгиле» по «Саге о Кнютлингах», с предисловием и комментарием. Эта же прядь в версии «Книги с Плоского Острова» была переведена Еленой Ароновой Гуревич, уникальным знатоком и переводчиком исландских прядей, и включена в подготовленное ею издание исландских прядей. «Прядь о Кровавом Эгиле» занимает в «Саге о Кнютлингах» главы 33–40, но в качестве отдельной пряди не выделена. Она словно бы способствует развитию сюжета, но датские источники, с частью из которых был знаком автор саги, успешно объясняют последующие события без участия Кровавого Эгиля. Прядь служит иным целям: она работает на создание образа конунга Кнута, датского короля Кнута IV Святого, 1080–1086. В ней в концентрированном виде проявляются все те черты конунга, о которых речь шла в других местах саги. Конунг сурово, но справедливо наводит порядок в своей стране, при этом христианское поведение и закон для него неразделимы. Викинг-язычник в молодые годы и святой в будущем, именно в этой пряди он предстает ревностным христианином, желающим не быть связанным древними законами и обычаями, но утверждающим новые христианские законы своей страны.

Ключевые слова: «Прядь о Кровавом Эгиле», «Сага о Кнютлингах», Кнут IV Святой, христианские короли

Для цитирования: Джаксон Т.Н. «Прядь о Кровавом Эгиле» по «Саге о Кнютлингах». Перевод, вступительная статья, комментарий // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 1. С. 102–119. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-1-102-119

© Джаксон Т.Н., 2020

Blóð-Egils þátr in *Knýtlinga saga*.
Translation, introductory article, commentary

Tatjana N. Jackson

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Tatjana.Jackson@gmail.com

Abstract. The publication includes my translation of *Blóð-Egils þátr* as it stands in *Knýtlinga saga*, with a preface and comments. The same *þátr* that occurs in *Flateyjarbók* was translated by Elena Gurevich, a unique connoisseur and translator of Icelandic *þættir*, and included into her edition of Icelandic *þættir*. *Blóð-Egils þátr* occupies chapters 33–40 of *Knýtlinga saga*, but it is presented not as a separate *þátr*, but as part of the narration. It might seem that the *þátr* contributes to the development of the plot, but Danish sources, some of which the author of the saga had been familiar with, successfully explain the subsequent events without the participation of Bloody Egill. The *þátr* serves other purposes: it helps to create the image of King Knud (*Knud den Hellige*, 1080–1086). In it, all those features of the king that are discussed elsewhere in the saga, are manifested in a concentrated form. The king severely but fairly restores order in his country, while Christian behaviour and law are inseparable for him. A pagan Viking in his youth and a saint in the future, in this *þátr* he appears as a zealous Christian who does not want to be bound by ancient laws and customs but affirms the new Christian laws of his country.

Keywords: *Blóð-Egils þátr*, *Knýtlinga saga*, Knud den Hellige, Christian kings

For citation: Jackson, T.N. (2020), “*Blóð-Egils þátr* in *Knýtlinga saga*, Translation, introductory article, commentary”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no 1, pp. 102-119, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-1-102-119

В 2006 г. мне довелось выступать оппонентом на блистательной защите: Елена Ароновна Гуревич защищала докторскую диссертацию на тему «Жанр “прядей об исландцах” в древнескандинавской литературе (К проблеме исторической поэтики малой прозаической формы)». По сути, это была ее монография, вышедшая двумя годами раньше, – глубокое, тонкое и высоко профессиональное исследование поэтики “прядей об исландцах” [Гуревич 2004]. В качестве материала для анализа исследовательницей была избрана группа из 31 пряди, традиционно называемая «прядами о поездках из страны» и отличающаяся наибольшей степенью структурного и тематического единства. Елена Ароновна убедительно продемонстрировала, что «прядь» – это «плоть от плоти» «исландской

саги» и тем не менее это иной литературный жанр, имеющий свою «морфологию», своих главных и второстепенных персонажей и даже свои особые нарративные приемы. Самой значительной работой Елены Ароновны стало подготовленное ею – отобранное во всем корпусе исландских саг, систематизированное, переведенное с древнеисландского языка и тщательно прокомментированное – издание всех прядей [Гуревич 2016].

Среди прядей из приложения XV в. к «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом Правителе» в «Книге с Плоского Острова» (в ее так называемой «младшей части») в ее издание включена «Прядь о Кровавом Эгиле» [Гуревич 2016, с. 460–466, 900–901]. Этот рассказ, как отмечает исследовательница, известен прежде всего из «Саги о Кнютлингах», «откуда он и был, скорее всего, позднее почерпнут составителем дополнения к “Книге с Плоского Острова”» [Гуревич 2016, с. 900]. В сборник памяти Елены Ароновны я хочу предложить свой комментированный перевод той же пряди по «Саге о Кнютлингах», которую я в настоящее время готовлю к публикации.

Введение

«Сага о Кнютлингах» (*Knýtlinga saga*) – древнеисландская королевская сага, посвященная датским конунгам, «Кнютлингам», потомкам Кнута. За этим родовым прозвищем скрывается либо Кнут Могучий Свейнссон (*Knútr in ríki Sveinsson*), ум. 1035 г., самый могущественный представитель династии, объединивший на некоторое время под своей властью три державы, Англию (с 1016 г.), Данию (с 1019 г.) и Норвегию (с 1019 г.), либо мифический предок по имени Кнут (*Knútr fundni*), упоминаемый в «Саге о йомсвикингах» и «Большой саге об Олаве Трюггвасоне» [Vjarni Guðnason 1982, р. lxxii-lxxiii; Ólafur Halldórsson 2000, р. 8–10, 50, 51, 54, 86, 89, 90] и, вероятно, присутствовавший в начальной, несохранившейся, части «Саги о Кнютлингах». С большой вероятностью можно утверждать, что автором саги был исландец Олав Тордарсон Белый Скальд (*Ólafur Þórðarson hvítaskáld*), а написана сага была, скорее всего, между 1251 и 1259 гг. [Zernak 2000].

«Прядь о Кровавом Эгиле» в качестве отдельной пряди в саге не выделена. В предшествующей ей гл. 32 помещено развернутое географическое описание Дании (подробнее см.: [Jackson 2012]), завершающееся описанием острова Борнхольм, с которым далее окажется связанной история Эгиля: «Боргундархольм лежит в море к востоку от Скани (Сконе. – Т. Д.). Это большое епископство,

и относится оно к епископской кафедре в Лунде. Там находятся двенадцать конунговых усадеб и четырнадцать церквей» (Knyttlinga saga 1982, p. 152). Сама прядь занимает главы 33–40. Она повествует о сложных взаимоотношениях конунга Кнута Свейнссона (1080–1086), будущего Кнута Святого, со своим управляющим на о. Борнхольм, Эгилем Рагнарссоном, поначалу вполне дружественных, но заканчивающихся тем, что конунг велит казнить Эгиля. Причиной для такого изменения отношения конунга служит целый ряд поступков Эгиля, которые конунг не считает достойными христианина. Комментируя завершающие слова пряди о том, что после убийства Эгиля хёвдинги, а вслед за ними и народ стали враждовать с конунгом Кнутом, Елена Ароновна справедливо подчеркивает, что «в конечном счете это привело к восстанию против власти конунга Кнута, его изгнанию и гибели» [Гуревич 2016, с. 901, примеч. 10]. В гл. 41 начинается рассказ о том самом мятеже бондов против Кнута. Но дополнительным поводом к мятежу, согласно саге, послужило то, что конунг, созвав ополчение, сам не явился вовремя в назначенное место сбора в Лимфборде, а задержало его известие о том, что «винды (венды. – Т. Д.) собрали войско и собираются летом напасть на Данмёрк и отомстить за то зло, которое им причинил Кровавый Эгиль» (Knyttlinga saga 1982, p. 166). Таким способом автор саги словно бы лишний раз подтверждает необходимость предшествующего рассказа об Эгиле.

Однако так ли нужен этот рассказ для развития сюжета? Ведь датские источники, с частью из которых был знаком автор «Саги о Кнютлингах» (см.: [Vjarni Gudnason 1982, p. cxvii–cxxxiv]), успешно объясняют все эти события без участия Кровавого Эгиля [Vjarni Einarsson 1986, p. 42–43; Phelpstead 2007, p. 164–168]. К тому же датское историописание от Эльнота (первая четверть XII в.) до Саксона Грамматика (начало XIII в.), равно как и саговая традиция, не знают Эгиля Рагнарссона. Похоже, что перед нами выдуманный рассказ о выдуманном персонаже, автором которого является сам автор «Саги о Кнютлингах». По меткой формулировке Бьярни Эйнарссона, «если этот эпизод и выглядит необходимой составляющей истории о конунге Кнute, то это потому, что так его подал автор саги» [Vjarni Einarsson 1986, p. 43]. Очевидно, что автор, создавая искомый эпизод, преследовал какие-то иные цели. Как отмечает Арманн Якобссон [Armann Jakobsson 2005, p. 398], автор «Саги о Кнютлингах» уделял много внимания институту королевской власти как таковой и достоинствам конунгов. Через образы отдельных конунгов здесь выражается общая идеология королевской власти: конунги делятся на плохих и хороших (вроде Кнута Святого), каковые «способствовали поддержанию мира

и являлись прилежными сторонниками церкви, объединение с которой было для них абсолютным» (см. также: [Árman Jakobsson 1997, p. 286–288]). «Прядь о Кровавом Эгиле», вне сомнения, работает на создание образа конунга Кнута, чье правление отличала, так сказать, суровая справедливость. В этом рассказе проявляются все те черты этого конунга, о которых говорилось в разных местах саги: в предсмертной просьбе его отца избрать конунгом именно Кнута, в той характеристике Кнута, которую дает на тинге один бонд, в авторских ремарках, в отдельных поступках самого конунга. Здесь все это дано в концентрированном виде: конунг сурово, но справедливо наводит порядок в своей стране, и при этом христианское поведение и закон для него неразделимы. Викинг-язычник в молодые годы и святой в будущем, именно в этой пряди он предстает ревностным христианином, желающим не быть связанным древними законами и обычаями, но утверждающим новые христианские законы своей страны (подробнее см.: [Джаксон 2014]).

Перевод выполнен по изданию (Knýtlinga saga 1919–1925). Сохранены присутствующие в издании названия глав, но их номера (напомню, это главы 33–40) опущены.

Перевод

Начало пряди о Кровавом Эгиле

Рагнаром звали одного человека; он был датчанин и родился на юге, на Йотланде¹. Он был богатым человеком и владел тем хутором, который прозывают Рагнарсстадир² и который находится в епископстве Рипар³. Там еще есть озеро, которое названо по его имени и зовется Рагнарссьор⁴. Рагнар был любимым другом конунга Свейна Ульвссона⁵ и постоянно служил ему, покуда оба они были живы. Эгилем звали сына Рагнара; он был человеком выдающегося физического и духовного совершенства, выше и сильнее других людей, более воинственным, чем другие люди, и хорошим воином.

Об Эгиле

Такое событие произошло в Данмёрке, что умер там на Боргундархольме⁶ один могущественный человек, которого звали Аки; он управлял там двенадцатью усадьбами конунга⁷, которыми тот владел на Боргундархольме⁸. Лежали теперь эти владения заброшенными, и не было в них управляющего. Были тотчас отправлены

посланцы к конунгу Кнуту⁹, чтобы тот принял решение по этому вопросу, и были ему рассказаны эти новости. Просили они его поставить другого человека над этой областью.

В это самое время пришел к конунгу Кнуту Эгиль Рагнарссон и предложил сделаться его человеком и служить ему верой и правдой. «Такие же обязанности были раньше и у моих родичей, – говорит он, – как Вам известно, господин». Конунг отвечает: «Ты – великий человек и благородный, и нет у тебя недостатка в мужестве, но ты не слишком удачлив. Однако, поскольку ты человек весьма энергичный, как мы знаем, то я, скорее всего, передам тебе в руки владение на Боргундархольме для управления. Ты должен будешь собирать все лединги и исполнять обязанности конунга. И хотя мы заберем себе три усадьбы из тех, что нам принадлежат, ты будешь управлять другими конунговыми усадьбами, которые есть у меня на Боргундархольме».

Эгиль принимает условия и становится властителем этой области. Вскоре он делается могущественным человеком, и у него было много людей, и был у него всегда при себе большой отряд. Он был щедр на имущество и жил роскошно, и всякое лето бывал в военном походе, и добывал большие богатства, и тратил их на содержание своих людей по зимам. Он был любим своими людьми. Он также доблестно и смело защищал эту область. И когда так продолжалось уже некоторое время, то много средств стало уходить на те расходы, которые у него были, поскольку он имел меньше дохода от конунга, чем те, кто находился там на королевской службе до него, да и расходов у него было больше. Это Кнуту не слишком нравилось, и он просил Эгиля уменьшить число своих приближенных и сказал, что запретил грабежи внутри страны.

Эгиль вытил кровь

Однажды летом Эгиль собрался в путь из страны со своим войском, и было у него восемнадцать кораблей, и поплыл он в Виндланд¹⁰; и как только он приплыл туда, начал он воевать. Винды собрались все вместе, и было это огромное воско. Выступили они с этим войском против Эгиля, и, когда они встретились, была там большая битва, и пало там много войска с обеих сторон. Эгиль отчаянно храбро шел в бой и бился мужественно. Они сражались на кораблях, и встал тот корабль рядом с кораблем Эгиля, на котором находился предводитель виндов. И когда битва была самой что ни на есть яростной и люди, казалось, не знали, кому суждено пасть, Эгиль перепрыгнул со своего корабля на шнеку¹¹ виндов и напал

на их предводителя, и нанес ему смертельный удар, и тотчас так же быстро перепрыгнул, не разворачиваясь, назад на свой корабль. После этого бросились винды в бегство. Эгиль одержал там славную победу и захватил много добра.

Он был настолько изнурен, что почти потерял сознание; и, когда он уже был у себя на корабле, он попросил дать ему попить. Слуга отвечает: «Здесь на нашем корабле сегодня днем был такой грохот, что все наши бочки разлетелись вдребезги и все запасы питья вылились в трюм». Эгиль говорит: «Но я же смогу это выпить». Слуга отвечает: «Нет, господин, – сказал он. – Потому что в основном это человеческая кровь из ран». Тогда Эгиль встает и снимает шлем с головы, и зачерпывает воду из трюма, и делает три больших глотка. После этого пускается Эгиль с победой в обратный путь и приплывает осенью домой в Данмёрк, и отправляется тотчас к себе на Боргундархолм. Больше этой зимой он не испытывает недостатка в средствах для содержания своего войска. Об этом стало широко известно, и дошло это до конунга Кнута. Конунг хвалит, как и другие люди, подвиг Эгиля и его победу, но мало говорит он о том, что ему рассказали про то, как пил Эгиль. После этого случая Эгиль получил прозвище и стал зваться Кровавый Эгиль.

Об Эгиле

А после того как Эгиль пробыл некоторое время дома, отправился он к конунгу Кнуту. Конунг принял Эгиля достойно и расспросил о его поездках. Эгиль рассказывал обо всем, о чем спрашивал конунг, и было ему легко говорить об этом. Затем позвал его конунг для разговора с глазу на глаз и спросил, правда ли то, о чем ему рассказали, что он пил человеческую кровь. Эгиль отвечает: «В этом есть большая доля правды»; но говорит, однако, что раньше мало думал об этом. «Почему же ты поступил так плохо?» – спросил конунг. Эгиль сказал, что на него напала такая жажда от усталости и напряжения, что ему казалось, что он ее не вынесет, а больше пить было нечего¹². Конунг ответил: «Это очень тяжкий проступок и большое прегрешение против христианства, хотя утверждают, что мы сурово наказываем и за меньшие проступки. Но поскольку ты нам нравишься и твоя служба кажется нам хорошей по многим причинам, мы не будем на этот раз выносить тебе столь строгий приговор, какого многие могли бы ожидать. Я хочу дать тебе такой добрый совет, чтобы ты искупил свой грех перед Богом и прежде всего исповедался у священников, а затем принял епитимью. Несмотря на то что наш закон был нарушен в данном случае, мы

все же простим тебя; хотя то, что ты выпил человеческой крови, не кажется мне меньшим преступлением, чем если бы ты употребил в пищу человеческую плоть». Эгиль пообещал конунгу, что он так и сделает. После этого Эгиль оставался еще несколько ночей у конунга, а прежде чем они с конунгом расстались, пригласил Эгиль конунга к себе на пир: «Я надеюсь, господин, – сказал он, – что мне это принесет удачу¹³, если Вы посетите мое жилище». Он не пожалел слов, чтобы уговорить конунга принять его приглашение. Конунг пообещал приехать, когда пройдет зима. После этого поехал Эгиль домой; эту зиму он провел у себя дома на Боргундархольме.

О конунге и Эгиле

Конунг Кнут собрался весной в поездку на Боргундархольм. Эгиль подготовил там для него великолепный пир. Конунг Кнут пришел на пир с огромным множеством людей. Там был большой парадный зал, не уступающий по размерам палатам конунга; он был весь изукрашен щитами. Конунг провел там три ночи на пиру, и был он очень весел, и был конунг в хорошем настроении. Эгиль преподнес конунгу на прощанье щедрые дары¹⁴. Конунг тогда сказал Эгилю: «Ну и как дела, Эгиль? – спросил он. – Ты исполнил то, о чем я тебе говорил в прошлый раз, что тебе нужно рассказать священникам о своем проступке и примириться с Богом?» Эгиль ответил: «Нет, господин. Я забыл об этом». Конунг просил его не откладывать этого надолго. Эгиль сказал, что так и будет, и расстались они друзьями. Эгиль пустился в военный поход летом и берет большую добычу; возвращается он осенью домой и не едет в этот раз к конунгу.

Об Эгиле

Конунг Кнут узнал о том, что Эгиль снова был летом в военном походе, и ему это не понравилось, потому что он запретил людям грабежи и беспорядки в своем государстве. Конунг повелел Эгилю приехать к нему ближайшей зимой. Эгиль отправился к конунгу Кнуту, и принимает конунг его хорошо. Вскоре конунг и Эгиль повели между собой разговор, и спросил затем конунг: «Ты снова занимался грабежами этим летом, Эгиль?». Эгиль говорит, что так и было. Конунг отвечает: «Ты плохо поступаешь, пускаясь в викингские походы; это обычай язычников¹⁵, и я тебе запрещаю это делать. Еще мне говорят, что ты, как конунги, держишь при себе

множество людей и ведешь себя совершенно в соответствии с королевским обычаем, и тратишь на них почти все свои средства, и отнимаешь чужое имущество, когда тебе не хватает денег. Ко мне приходят многие, кто жалуется на это и кто не желает подвергаться твоим нападениям и грабежам. Я хочу, – сказал он, – чтобы ты уменьшил число своих людей и не строил из себя человека большего по роду и происхождению, чем ты есть. Я хочу, чтобы ты во всем знал меру, если хочешь нам служить. Ну и как сейчас обстоят дела, Эгиль, – спросил конунг, – с тем, о чем я тебе не один раз напоминал и о чем ты должен помнить: ты искупил свой грех?»

Эгиль ответил тогда рассерженно: «Я надеюсь, господин, что, хотя Вы и напоминаете мне часто об этом деле, все же я сам могу решить по своему разумению». Тогда отвечает конунг: «Теперь я уверен, что сбудется то, что я сказал тебе в тот первый раз, когда тебя увидел: ты не станешь удачливым во всем человеком. Коль скоро ты сам пренебрегаешь своими собственными интересами в этом вопросе, я больше не хочу, чтобы ты мне служил, и отныне ты не будешь охранять мои владения». Эгиль ответил: «Вам решать, какие вейцлы дать мне, господин. Но Вам может показаться удивительным, – сказал он, – если я не буду бедствовать, даже если у меня будут только мои собственные средства к существованию. Я не стану просить у Вас службы больше, чем Вы сами захотите мне предложить». Конунг ответил: «Не стоит тебе, Эгиль, изображать из себя такого большого человека, – говорит он. – Мне доводилось гнуть и более толстые шеи, чем у тебя. Думаю, что когда наша дружба закончится, тебе от этого будет хуже, чем мне. Есть у меня сейчас такое предчувствие, – сказал он, – что с тобой случатся вещи еще более серьезные, чем то, о чем мы уже знаем».

После этого расстались конунг и Эгиль без большой любви. Затем конунг Кнут поставил другого человека над Боргундархольмом, а Эгиль снял с себя управление этой частью государства. Эгиль сидел тогда дома на своем хуторе, и тем не менее у него не стало меньше людей. Напротив, у него было ничуть не меньше роскоши и даже еще больше людей, чем до того, как он выпустил эту область из своих рук.

Кораблекрушение

В то время Норегом¹⁶ правил Олав Тихий¹⁷, сын конунга Харальда Сигурдарсона¹⁸. Он был женат на Ингирид, дочери конунга Свейна Ульвссона и сестре конунга Кнута, и была сердечная дружба между зятем и шурином¹⁹.

Случилось однажды летом, что некий корабль, большой и богатый, отплыл из Норега. Этим кораблем владели купцы, которые намеревались плыть в Эйтланд²⁰ или куда-нибудь в другое место в Аустрвеге²¹. Они поплыли сначала в Данмёрк, а затем на восток через Эйрарсунд²² и дальше на восток к Боргундархольму. Затем тот корабль пропал, так что о нем не было никаких известий, и не нашлись ни люди с этого корабля, ни грузы. Людям это казалось весьма зловещим, и было много предположений по поводу того, что же могло случиться. Олав, конунг Норега, послал просьбу Кнуту, конунгу данов, своему шурина, чтобы тот выяснил, что могло произойти с тем кораблем, и тот обещал это сделать.

Смерть Эгиля

Конунг Кнут собрался как-то раз на Боргундархольм на нескольких кораблях. Вместе с ним в поездке был Бенедикт, его брат, а также два брата, Свейн и Астрад. Они были датчанами, богатыми и знатными, и были известны по своей матери: их звали сыновьями Торгунны. Торгунна, их мать, была дочерью Вагна Аксона. Эти братья были знаменитыми людьми, и были они близкими друзьями конунга Кнута. Были в поездке с конунгом Кнутом и многие другие хёвдинги, которые здесь не названы²³.

Конунг Кнут поплыл на Боргундархольм со своим войском, как только подул попутный ветер. Основной целью конунга было выяснить, не обнаружит ли он во время плавания что-то, относящееся к тому кораблю, который пропал из Норега, потому что конунг Кнут сильно беспокоился о нем и очень хотел узнать, что же случилось²⁴. И когда они уже были недалеко от Боргундархольма, проплывали они мимо каких-то островов, и тогда конунг попросил причалить там к берегу, и так они и сделали. Затем они сошли на землю. Конунг Кнут пошел по берегу, и были там огромные камни. Конунг присмотрелся к этим камням, и заметил он, что все там было красно. Конунг спросил у своих людей, что бы это могло быть. Они отвечают: «Вы лучше разберетесь, господин». Конунг ответил: «Я склонен думать, что некоторое время назад здесь был очень большой пожар. Может статься, сейчас выйдет наружу то, что мне давно приходило на ум и что касается нас с Эгилем. Не стоит скрывать, – говорит конунг, – я думаю, что в этом повинен какой-то человек, и вскоре это выяснится. Больше нам здесь сейчас задерживаться незачем».

Затем конунг пускается дальше в путь. Он побывал на пиру недалеко от усадьбы Кровавого Эгиля. У Эгиля тогда было при себе

так много людей, что дружина его была почти столь же велика, как у конунга. Люди очень дивились тому, как Эгиль мог кормить такое большое войско, когда он уже почти не занимался разбоем, потому что Эгиль бросил тогда воевать, но все же не испытывал недостатка в средствах на содержание своего войска. Люди много рассказали конунгу о нравах Эгиля и его людей, и оказалось, что конунгу это столь мало по душе, что он пришел в ярость от того, что узнал. В тот же самый вечер конунг велел напасть на Эгиля и назначил предводителем Бенедикта, своего брата, и были в поездке вместе с ним те два брата, Свейн и Астрад; всего их было сто человек.

Ехали они, пока не добрались ночью до усадьбы Эгиля²⁵. У Эгиля и его людей было в обычае пить до полуночи или даже дольше. И когда Бенедикт и его люди напали на усадьбу, они сразу же двинулись в пиршественный зал. Эгиль и его люди еще сидели там и пили, хотя большая часть уже ушла спать. Бенедикт со спутниками окружили зал; а когда Эгиль и его люди обнаружили врагов, они тут же схватились за оружие и приготовились обороняться. Бенедикт говорит, что лучшим выходом для них было бы сдаться. И когда Эгиль понял, что численное превосходство на их стороне, он вышел и отдал себя в их руки. Был он затем взят в плен, и отправился Бенедикт с ним к конунгу Кнугу, а сыновья Торгунны остались там с несколькими воинами и должны были проследить, чтобы никто из людей Эгиля не смог бежать.

А когда Эгиль предстал перед конунгом, тогда заговорил конунг: «Много времени прошло с нашей последней встречи, Эгиль, – сказал он. – Не буду скрывать от тебя, что я хотел бы, чтобы эта наша встреча была последней». Эгиль ответил: «Все теперь в Вашей власти, господин. Все же я полагаю, что никто не назовет Вас лучшим правителем или бóльшим конунгом, если Вы убьете неповинных людей». Тогда ответил конунг Кнут очень спокойно: «Я сейчас должен буду, Эгиль, – сказал он, – понести полную ответственность за свои поступки. Если я убью невиновных людей, то я должен буду ответить за это перед Богом. Но все же ты сейчас в таком положении, Эгиль, что твои дерзость и упрямство тебе не помогут. Сейчас мы тебя схватили; теперь тебе надо будет рассказать нам, как все пришло, как бы ни было неприятно об этом говорить. Мы сейчас все выясним: ты нам сейчас расскажешь о тех корабельщиках, которых, как мы полагаем, ты и твои люди убили и чье имущество присвоили. Это довольно долго держалось в тайне; но мы, – сказал конунг, – побывали в том месте, где, как мы думаем, это произошло».

Эгиль понял тогда, что у него нет другого выхода, кроме как рассказать о том, что случилось и как было дело, поскольку он

знал, что многим из его людей тоже было об этом известно и что некоторые из них могут рассказать обо всем, если их очень настойчиво об этом спрашивать. Тогда Эгиль сказал: «Когда тот самый корабль, о котором Вы спрашиваете, встал в виду тех самых островов, на которых Вы побывали, мы следили за их плаванием. Там очень мелко на большом расстоянии от берега, а они, нордманны²⁶, об этом не знали, так как им это место было незнакомо, и ночью вода ушла из-под их корабля. Тогда отправились мы с моими людьми, – сказал Эгиль, – и напали под утро на тот торговый корабль. Короче говоря, мы сначала схватили и связали всех людей, которые были на том корабле, затем разграбили все добро, вывели корабль на плоские камни и подожгли его, и сожгли все вместе – людей и корабль – так, что не должно было быть видно ни следа всего этого, за одним лишь исключением, что камни с тех пор стали красными».

И когда Эгиль сказал это, заговорил конунг Кнут: «Вот и оказалось, как я и предполагал, что ты заслуживаешь смертной казни. Смотрите сейчас, добрые люди, – сказал конунг, – как мы накажем такое злодеяние». Там присутствовало при этом много родичей Эгиля, которые были людьми весьма уважаемыми, и они предлагали за него деньги, чтобы освободить его. Конунг отвечал: «Никогда обо мне не скажут, что я до такой степени предал свою веру, что за деньги или по причине дружбы с некоторыми людьми стал судить нечестно. Разве не было бы основанием для смертного приговора, если бы был убит лишь один человек? Здесь же убиты многие, а убийца с тех пор живет почти исключительно на то, что было им украдено». Тут было не на что возразить, да и никто не решался противоречить конунгу. После этого Эгиля увели в лес; соорудили там виселицу и вздернули на ней Эгиля.

Затем конунг отправился в ту усадьбу, которая принадлежала Эгилю, и велел тогда подвергнуть наказанию его людей: некоторых он повелел убить, а некоторых покалечить, некоторых он изгнал прочь из страны, но никому он не позволил остаться безнаказанным из тех, кто хоть как-то был причастен к этому замыслу, и уничтожил он таким образом эту банду разбойников. Этот поступок вызвал, однако, недовольство многих, поскольку Эгиль был человек знатный и у него было много родичей. После этого у хёвдингов начался разлад с конунгом, они сильно ожесточились против него, а вслед за ними и простые люди. Они считали, что он могуществен и жесток в расправе, а они давно уже привыкли к независимости.

Комментарии

¹ ...родился на юге, на Йотланде. – *ættaðr suðr á Jótlandi* можно понять и несколько иначе, а именно: «родом с юга Йотланда». Однако первый перевод, на мой взгляд, предпочтительней в силу весьма специфических (не соответствующих реальным) пространственных представлений автора саги, для которого (и это прослеживается по всему тексту) Ютландия расположена на юге, к северу от нее располагается о. Фюн, к северу от Фюна – о. Зеландия, к северу от Зеландии – пролив Эресунн, еще дальше к северу – Сконе и Халланд (см.: [Jackson 2017]).

² *Ragnarsstaðir* (дисл. *Ragnarsstaðir*) – «Жилище Рагнара». Финнур Йоунссон отмечает, что имя *Ragnarsstaðir* неизвестно, но вполне прозрачно и образовано, как и другие названия на *-staðir* [Finnur Jónsson 1919, p. 76].

³ *Runar* (дисл. *Rípar*, датск. *Ribe*) – Рибе, город на юго-западе Дании, на берегу Северного моря, старейший из сохранившихся в стране городов; административный центр провинции Рибе.

⁴ *Ragnarssöpor* (дисл. *Ragnarssjór*) – «Озеро Рагнара». Как указывает издатель «Саги о Кнютлингах» Бьярни Гуднасон (*Knútlínga saga* 1982, p. 153, p. 1), нигде в сагах нет больше упоминаний ни хутора отца Эгиля (Рагнарсстадир), ни озера, названного его именем (Рагнарссбор).

⁵ *Sveinn Úlfsson* (*Sveinn Úlfsson*) – датский король Свен II Эстридсен (*Svend Estridsen*, 1047–1076), представитель рода Горма Старого (имеющий даже патроним, производный от имени своей матери, Астрид, правнучки Горма и сестры Кнута Великого, а не своего отца, ярла Ульва Торгильссона). Законным правителем Дании он стал после смерти в 1047 г. короля Норвегии (1035–1047) и Дании (1042–1047) Магнуса Доброго.

⁶ *Borgundarhólmur* (дисл. *Borgundarhólmur*, датск. *Bornholm*) – Борнхольм, датский остров в юго-западной части Балтийского моря.

⁷ *управлял там двенадцатью усадьбами конунга*. – Подобная система государственного управления сложилась в Дании много раньше описываемого сагой времени: в течение IX и первой половины X в. сформировалась своеобразная сеть «королевских» усадеб, разбросанных по стране. Конунг, не имея постоянной резиденции, переезжал из одной усадьбы в другую, а для исполнения функций верховной власти на время отсутствия назначал своего представителя, называвшегося в латиноязычных источниках *praefectus* или *comes* (см.: [Чернышева 1996, с. 66]).

⁸ Здесь в пряди по «Книге с Плоского Острова» следует вставка из концовки гл. 32 «Саги о Кнютлингах» с описанием острова Борнхольм.

⁹ В «Книге с Плоского Острова» далее следует уточнение «*er þá var konungr ufið Danmǫrk*» («который был тогда конунгом над Данмёрком»), естественно, отсутствующее в саге. Конунг Кнут (*Knútr Sveinsson*) – датский король Кнут IV Святой (*Knud den Hellige*, 1080–1086).

¹⁰ *Vindland* (*Vinðland*) – земли прибалтийских славян, вендов. В древнескандинавских источниках под именем *Vinðir* (мн. ч. от *Vinðr*) – венды – обычно фигурируют полабские славяне и поморяне (в частности, руяне), против которых датские короли предприняли во второй половине XII–XIII в. серию «крестовых походов» (см.: [Чернышева 1996, с. 109]). Исследование вендской топонимии в «Саге о Кнютлингах», см. [Petrulevich 2016].

¹¹ *шнека* (*snekkja*) – быстроходный боевой корабль, прозванный так за быстрое «змееподобное» движение по воде, разновидность так называемых длинных кораблей (*langskip*) или драккаров (*dregi*), боевых кораблей с головой дракона на носу (см.: Cleasby, Vigfusson 1957, p. 574, 104).

¹² В «Книге с Плоского Острова» этот пересказ слов Эгиля дан в виде прямой речи.

¹³ *...мне это принесет удачу, если Вы посетите мое жилище.* – Удача в пряди упоминается трижды. Выше в тексте, при первой встрече с Эгилем, конунг говорит ему: «Ты не слишком удачлив» («*eigi ertu með öllu gæfumannligr*»). Позднее конунг подтвердит свое первое впечатление следующим образом: «Теперь я уверен, что сбудется то, что я сказал тебе в тот первый раз, когда тебя увидел: ты не станешь удачливым во всем человеком» («*Nú er mér þess ván, at þat komi fram, er ek sagða þér et fyrsta sinn, er ek sá þik, at þú mundir eigi vera með öllu gæfumadr*»). В описанной здесь ситуации Эгиль, приглашая конунга на пир, выражает надежду, что это принесет ему удачу. Удача воспринималась древними скандинавами как некое свойство, присущее либо отдельному человеку, либо его роду в целом. Удачу можно было лишиться, а можно было ее приобрести. Человеку, «лишенному удачи» нелегко было найти поддержку, он был часто обречен на гибель, а то и на еще большее зло – бесчестье» [Гуревич 2004, с. 216]. Вожжи, конунги были, так сказать, по определению наделены удачей, и дружба с конунгом могла привести к приобщению к его удаче (см. подробнее: [Гуревич 1972, с. 52–62]).

¹⁴ *Эгиль преподнес конунгу на прощанье щедрые дары.* – Это сообщение саги отличается формульным характером. Автор саги конечно же не располагал информацией обо всех прощальных дарениях, но, упоминая о дружественном расставании, он тем самым выражал то, о чем, в силу «объективизирующего» характера исландских саг, он «не мог знать»: рассказывая о прощальном даре Эгиля, принятом конунгом, он фактически говорит о мыслях своих героев – о том, что они расстались друзьями. О традиционном в средневековом обществе обмене дарами см.: [Гуревич 1984, с. 234–241; об анализе мотива дарения при расставании см.: [Глазырина, Джаксон 2013].

¹⁵ *Ты плохо поступаешь, пускаясь в викингские походы; это обычай язычников.* – В этой фразе автор XIII в. устами конунга Кнута отождествляет викингов и язычников, а также высказывает осуждение подобного образа жизни.

¹⁶ *Норег* (дисл. *Nóreg*) – Норвегия.

¹⁷ *Олав Тухий* (*Óláfr kyrr*) – норвежский конунг Олав III (1066–1093), сын Харальда Сурового Правителя и Торы Торбергсдоттир.

¹⁸ *Харальд Сигурдарсон* (*Haraldr Sigurðarson*) – норвежский конунг Харальд III Суровый Правитель (1046–1066).

¹⁹ *...дружба между зятем и шурином.* – Свойственники, т. е. родичи через замужество (зятя, шурины, девери и проч.), обозначались в сагах специальным термином *mágar* (мн. ч. от *mágr*) и воспринимались, если судить по источникам XII–XIII вв., как потенциальные *félagar* «сотоварищи» [Джаксон 2003].

²⁰ *Эйстланд* (дисл. *Eistland*) – «Земля эйстов», древнескандинавское обозначение области в Восточной Прибалтике, вероятно, совпадающей с современной Эстонией.

²¹ *Аустрвег* (дисл. *Austrvegr*) – «Восточный путь» (производное от *austr* – «восток» и *vegr* – «путь»). В поздних королевских сагах («Красивой коже», «Круге земном», «Саге о Кнютлингах») служит обозначением земель юго-восточного побережья Балтийского моря [Джаксон 1976].

²² *Эйрарсунд* (дисл. *Eyrarsund*, датск. *Øresund*) – Эресунн, пролив между о. Зеландия и южной оконечностью Скандинавского полуострова.

²³ *...которые здесь не названы.* – Насколько можно понять эти слова, в распоряжении автора саги имеется какой-то источник.

²⁴ *Основной целью ... случилось.* – В пряди по «Книге с Плоского Острова» этот весьма нетипичный для сагового повествования комментарий относительно намерений конунга опущен.

²⁵ *Ехали они, пока не добрались...* – Здесь автор использует «путевую формулу», широко распространенную в сагах для описания путешествия, о котором либо нет сведений, либо сведения не представляют никакого интереса [Джаксон 2010, с. 50–54].

²⁶ *нордманны* (*Nordmenn*) – норвежцы.

Источники и словари

Cleasby, Gudbrand Vigfusson 1957 – An Icelandic-English Dictionary / R. Cleasby, Gudbrand Vigfusson. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1957. 833 p.

Knýtlinga saga 1919–1925 – Sögur Danakonunga / Carl af Petersens, Emil Olson (Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur. B. XLVI). København: Møller, 1919–1925. S. 29–294.

Knýtlinga saga 1982 – Danakonunga sögur / Bjarni Guðnason (Íslenzk fornrit. B. XXXV). Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1982. Bls. 91–321.

Литература

- Глазырина, Джаксон 2013 – *Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н.* Дар дружбы // *Stratum plus*. 2013. № 5. С. 247–254.
- Гуревич 1972 – *Гуревич А.Я.* История и сага. М.: Наука, 1972. 198 с.
- Гуревич 1984 – *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. 2-е изд. М.: Искусство, 1984. 350 с.
- Гуревич 2004 – *Гуревич Е.А.* Древнескандинавская новелла: поэтика «прядей об исландцах». М.: Наука, 2004. 424 с.
- Гуревич 2016 – *Гуревич Е.А.* Исландские пряди. М.: Наука, 2016. 1006 с.
- Джаксон 1976 – *Джаксон Т.Н.* «Восточный путь» исландских королевских саг // *История СССР*. 1976. № 5. С. 164–170.
- Джаксон 2003 – *Джаксон Т.Н.* Зятья, шурины, тести и прочие *mágar* (брачные связи в освещении древнескандинавских источников) // *Homo Historicus*. К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного. М.: Наука, 2003. Кн. I. С. 723–728.
- Джаксон 2010 – *Джаксон Т.Н.* *Хольмгардсфари*, или Туда и обратно // *Одиссей*. 2009 (2010). С. 43–57. *Одиссей*. Человек в истории 2009.
- Джаксон 2014 – *Джаксон Т.Н.* «Прядь о Блод-Эгиле» в составе «Саги о Кнютлингах» // *Восточная Европа в древности и средневековье: XXVI Чтения памяти В.Т. Пашуто*. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 81–87.
- Чернышева 1996 – *История Дании с древнейших времен до начала XX века* / Отв. ред. О.В. Чернышева. М.: Наука, 1996. 503 с.
- Ármann Jakobsson 1997 – *Ármann Jakobsson*. Í leit að konungi. Konungsmýnd íslenskra konungasagna. Reykjavík: Háskólaútgáfan, 1997. 377 p.
- Ármann Jakobsson 2005 – *Ármann Jakobsson*. *Royal Biography // A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture* / R. McTurk. Oxford: Blackwell Publishing, 2005. P. 388–402.
- Bjarni Einarsson 1986 – *Bjarni Einarsson*. On the “Blóð-Egill” Episode in *Knýtlinga saga* // *Sagnaskemmtun*. Studies in Honour of Hermann Pálsson on his 65th birthday / R. Simek, Jónas Kristjánsson, H. Bekker-Nielsen. Wien; Köln; Graz, 1986. P. 41–47.
- Bjarni Guðnason 1982 – *Bjarni Guðnason*. Formáli // *Danakonunga sögur* / Bjarni Guðnason (Íslensk fornrit. B. XXXV). Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1982. Bls. v–cxiv.
- Finnur Jónsson 1919 – *Finnur Jónsson*. Danske stedsnavne i *Knýtlingasaga* // *Danske Studier*. 1919. S. 74–80.
- Jackson 2012 – *Jackson T.N.* On the Possible Sources of the Textual Map of Denmark in *Göngu-Hrólfs saga* // *Самые забавные лживые саги: Сборник статей в честь Г.В. Глазыриной*. М.: Ун-т Дм. Пожарского, 2012. С. 62–70.
- Jackson 2017 – *Jackson T.N.* Danish Islands in *Knýtlinga Saga* // *Viking and Medieval Scandinavia*. 2017. № 13. P. 1–21.
- Ólafur Halldórsson 2000 – *Ólafur Halldórsson*. Danish kings and the Jomsvikings in the Greatest saga of Óláfr Tryggvason. London: University College London, 2000. 105 p.
- Petrulevich 2016 – *Petrulevich A.* Ortnamnsanpassning som process: En undersökning av vendiska ortnamn och ortnamnsvarianter i *Knýtlinga saga*. Uppsala: Uppsala Universitet, 2016. 318 p.

- Phelpstead 2007 – *Phelpstead C. Holy Vikings: Saints' Lives in the Old Icelandic Kings' Sagas*. Tempe: ACMRS, 2007. 274 p.
- Zernak 2000 – *Zernak Ju. Knýtlinga saga // Reallexikon der germanischen Altertumskunde*. Berlin; New York: De Gruyter, 2000. Bd. 17. S. 68–70.

References

- Ármann Jakobsson (1997), *Í leit að konungi. Konungsmýnd íslenskra konungasagna*, Háskólaútgáfan, Reykjavík, Iceland.
- Ármann Jakobsson (2005), “Royal Biography”, McTurk, R. (ed.), *A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture*, Blackwell Publishing, Oxford, UK, pp. 388–402.
- Bjarni Einarsson (1986), “On the ‘Blóð-Egill’ Episode in Knýtlinga saga”, Simek, R. et al. (eds). *Sagnaskemmtun. Studies in Honour of Hermann Pálsson on his 65th birthday*, Graz, Wien and Köln, Austria, pp. 41–47.
- Bjarni Guðnason (ed.) (1982), *Danakonunga sögur* (Íslenzk fornrit 25), Hið íslenska fornritafélag, Reykjavík, Iceland.
- Chernyshova, O. (ed.) (1996), *Istoriya Daniï s drevneyshikh vremen do nachala XX veka* [History of Denmark from the old times to the early 20th century], Nauka, Moscow, Russia.
- Cleasby, R. and Gudbrand Vigfusson (1957), *An Icelandic-English Dictionary*, 2nd ed., Clarendon Press, Oxford, UK.
- Finnur Jónsson (1919), “Danske stedsnavne i Knytlingasaga”, *Danske Studier*, pp. 74–80.
- Glazyrina, G.V. and Jackson, T.N. (2013), “Gift of Friendship”, *Stratum plus*, no. 5, pp. 247–54.
- Gurevich, A.Ya. (1972), *Istoriya i saga* [History and saga], Nauka, Moscow, Russia.
- Gurevich, A.Ya. (1984), *Kategorii srednevekovoy kul'tury* [Categories of medieval culture], 2nd ed., Nauka, Moscow, Russia.
- Gurevich, E.A. (2004), *Drevneskandinavskaya novella: poetika pryadey ob islandtsakh* [Old Norse novella: Poetics of Icelandic þættir], Nauka, Moscow, Russia.
- Gurevich, E.A. (2016), *Islandskiyе pryadi* [Icelandic þættir], Nauka, Moscow, Russia.
- Jackson, T.N. (1976), “Vostochnyy put' islandskikh korolevskikh sag” [The Eastern Way of the Icelandic Kings' sagas], *Istoriya SSSR* [History of the USSR], no. 5, pp. 164–70.
- Jackson, T.N. (2003), “Zyat'ya, shuriny, testi i prochiye mágar (brachnyye svyazi v osveshchenii drevneskandinavskikh istochnikov)” [“In-laws (mágar): matrimonial ties as reflected in Old Norse sources”], *Homo Historicus. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya YU.L. Bessmertnogo* [Homo Historicus: To Yuri Bessmertnyi 80th birthday], Nauka, Moscow, Russia, vol. 1, pp. 723–28.
- Jackson, T.N. (2010), “Hólmgarðsfari, ili Tuda i obratno” [Hólmgarðsfari, or There and back again], *Odissey*, vol. for 2009, pp. 43–57.
- Jackson, T.N. (2012), “On the Possible Sources of the Textual Map of Denmark in *Göngu-Hrólfs saga*”, *Skemmtiligastar Lygisögur. Studies in Honour of Galina Glazyrina*, Universitet Dm. Pozharskogo, Moscow, Russia, pp. 62–70.
- Jackson, T.N. (2014), “Pryad' o Blod-Egile v sostave Sagi o Knyutlingakh” [Blóð-Egils þáttir as part of Knýtling Saga], *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'ye. XXVI*

- Chteniya pamyati V.T. Pashuto* [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages: XXVI Readings in Memory of V.T. Pashuto], IVI RAN, Moscow, Russia, pp. 81–87.
- Jackson, T.N. (2017), “Danish Islands in Knýtlinga Saga”, *Viking and Medieval Scandinavia*, vol. 13, pp. 1–21.
- Ólafur Halldórsson (2000), *Danish kings and the Jomsvíkings in the Greatest saga of Óláfr Tryggvason*, University College London, London, UK.
- af Petersens, C. and Olson, E. (1919–1925), *Sögur Danakonunga* (Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur 46), Møller, København, Denmark.
- Petrulevich, A. (2016), *Ortnamnsanpassning som process: En undersökning av vendiska ortnamn och ortnamnsvarianter i Knýtlinga saga*, Uppsala Universitet, Uppsala, Sweden.
- Phelpstead, C. (2007), *Holy Vikings: Saints’ Lives in the Old Icelandic Kings’ Sagas*, ACMRS, Tempe, USA.
- Zernak, Ju. (2000), “Knýtlinga saga”, *Reallexikon der germanischen Altertumskunde*, De Gruyter, Berlin, Germany, vol. 17, pp. 68–70.

Информация об авторе

Татьяна Н. Джаксон, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр., д. 32а; Tatjana.Jackson@gmail.com

Information about the author

Tatjana N. Jackson, Dr. of Sci. (History), chief research fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 32a, Leninskii Av., Moscow, Russia, 119334; Tatjana.Jackson@gmail.com

УДК 821-392

DOI: 10.28995/2686-7249-2020-1-120-142

«Сага о Нитиде».

Перевод, вступительная статья, комментарий

Инна Г. Матюшина

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, I.Matyushina@exeter.ac.uk*

Аннотация. Публикация содержит первый перевод на русский язык «Саги о Нитиде», комментарии и вступительную статью, посвященную анализу жанровых, языковых и стилистических особенностей саги. «Сага о Нитиде» принадлежит к сагам о девах-правительницах, однако не следует их канону: ее сюжет строится не вокруг поисков невесты доблестным героем, а вокруг попыток отважной и умной героини избежать брака; в саге не используется распространенный в других сагах о девах-правительницах мотив словесных и физических унижений; героиня изображается как мудрый правитель, способный ради блага страны преодолеть свое нежелание вступать в брак, и отстаивает свое право самой выбрать мужа, добившегося ее привязанности.

Ключевые слова: «Сага о Нитиде», рыцарские саги, дева-правительница, рыцарский роман

Для цитирования: Матюшина И.Г. «Сага о Нитиде». Перевод, вступительная статья, комментарий // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 1. С. 120–142. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-1-120-142

Nítíða saga.

Translation, introductory article, commentary

Inna G. Matyushina

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, I.Matyushina@exeter.ac.uk

Abstract. This publication offers the first translation of the *Nítíða saga* into Russian, supplied with a commentary and an introduction, in which the genre, style and linguistic peculiarities of the saga are analysed. The *Nítíða saga* presents an uncharacteristic example of the maiden-king narrative, as its plot is centred, not on the quest for a bride by a valorous hero, but rather on the attempts of the valorous heroine to avoid marriage. The saga makes no use of

the motif of verbal and physical humiliation of the heroine or her suitors, which is common in maiden-king sagas. The heroine of the saga is shown as a wise ruler, who sacrifices her wishes for the sake of her realm and agrees to marriage, affirming her right to choose a husband who succeeds in gaining her affection.

Keywords: *Nítíða saga*, Nitida, chivalric sagas, riddarasögur, maiden-king, chivalric romance

For citation: Matyushina, I.G. (2020), “‘Nítíða saga’, Translation, introductory article, commentary”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philology. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no 1, pp. 120-142, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-1-120-142

«Сага о Нитиде» принадлежит к рыцарским сагам (riddarasögur), которые стали сочиняться в Исландии в конце XIII в. по образцу норвежских переводов рыцарских романов. До наших дней дошло 65 рукописей «Саги о Нитиде» [McDonald Werronen 2014, p. 75–94], которая предположительно была создана в Исландии в XIV в. [McDonald Werronen 2016, p. 11]. К наиболее ранним относятся: фрагмент саги на листе конца XV в. (Cod. Stock. Perg. 8vo no. 10 VII), который хранится в Национальной библиотеке в Стокгольме, и рукописи XVI в. (AM 529 4to, 1500–1550 гг.) и XVII в. (AM 537 4to, 1600–1700 гг.) из Арнамагнеанского собрания (остальные рукописи саги датируются XVIII–XIX вв.). Перевод на русский язык выполнен по изданию нормализованного текста саги [Loth 1965, p. 1–37], отражающего рукописи AM 529 4to и AM 537 4to.

Героиня «Саги о Нитиде» именуется «девой-правительницей» (meykóngr), которая властвует во Франции и отказывается от брака с индийским, константинопольским, сарацинским королями. Именование героини «девой-правительницей» служит указанием на жанр повествования, который возникает в скандинавской традиции в переводных норвежских сагах, таких как «Сага о Парталопе» (*Partalopa Saga*, XIII в.). В отличие от французского оригинала (романа XII в. «Партонопей Блуасский» – Partonopeus de Blois), в котором героиня обещает герою выйти замуж через два с половиной года, в саге Мармория, единовластная дева-правительница (meykóngr) Константинополя, вовсе не желает вступать в брак и отвергает всех женихов до тех пор, пока ее не добивается самый доблестный.

В исландской словесности рассказы о девах-правительницах, таких как героиня «Саги о Нитиде», не желающих слышать о браке, ибо замужество грозит им ослаблением власти и утратой социального статуса, составляют особую разновидность жанра рыцарской саги, в которую входят «Сага о Сиггарде Смелом», «Сага о Гиббоне», «Сага о Динусе Заносчивом», «Сага о Викторе и Бла-

вусе», «Сага о Сигурде Молчаливом», «Сага о Кларусе»¹, «Сага о Нитиде». В последней каноны жанра саг о девах-правительницах соблюдаются непоследовательно. Во-первых, это единственная сага XIV–XV вв., которая носит имя женщины и посвящается преимущественно рассказу о ней. В Нитиде нет ничего мужеподобного: румянец делает ее похожей на розу, у нее длинные золотые волосы, кожа ее бела, точно лилия; она именуется и «девой-правительницей» (*meykóngr*), и «королевой» (*dróttning*), в отличие от других саг, например «Саги о Паргалопе», героине которой кажется унизительным титул императрицы – *«keisarina»* (или, согласно другой версии саги, «королевы» – *dróttning*), после того, как она называла себя «дева-король» – *meykóngr*. Хотя в «Саге о Нитиде» оба термина (*meykóngr* и *dróttning*) используются как синонимы, соотношение между ними не исчерпывается родовыми различиями: титул королевы (*dróttning*) может относиться и к незамужней правительнице, и к жене короля, тем не менее в сагах он подразумевает указание на ограниченность власти, производной от власти мужа-правителя (*kóngr, kóngur*). Во-вторых, в отличие от других саг о девах-правительницах, в «Саге о Нитиде» нет речи о словесных и физических унижениях, которым подвергаются сначала жёны, а затем сама героиня. В-третьих, сюжет саги строится не вокруг поисков невесты отважным героем, а вокруг попыток смелой и умной героини избежать брака, причем за ней признается право самой выбрать мужа. Нитида вступает в брак с Ливориусом, так как ему удалось завоевать ее уважение, а не потому что ему удалось сломить ее сопротивление. Ни в одной саге о девах-правительницах интеллекту и способности героини к руководству подданными не уделяется столько внимания, как в «Саге о Нитиде». Нитида превосходит мудростью, решительностью, прозорливостью всех королев; ее правление несет процветание стране; она соглашается на брак потому, что многочисленные женихи грозят нестабильностью ее королевству, т. е. поступает как разумный и прозорливый правитель, готовый жертвовать своими желаниями ради блага своих подданных.

Композиция «Саги о Нитиде» имеет немало общего со сказкой: во вступлении рассказывается о непревзойденной красоте и мудрости героини, основная часть посвящается ее испытаниям, трудность которых изображается как нарастающая, в заключение саги описываются три брачных церемонии, в которых все герои надеются подходящими партнерами. В «Саге о Нитиде», как и в других исландских рыцарских сагах, используется вымысел, неправдоподобие, сказочная фантастика; происходят сверхъестественные события; упоминаются волшебные предметы (волшебные камни,

позволяющие героине видеть разные части света, перемещаться в пространстве, становиться невидимой); встречаются сказочные персонажи (волшебные помощники), например карлики, помогающие женихам, посылающие попутный ветер, лишаящие слуг героини способности двигаться и действовать и т. д. Создатели исландских рыцарских саг как будто чувствуют потребность защитить себя от упреков в недостоверности и ссылаются на источники или на устную традицию: в «Саге о Нитиде» повествователь применяет формулы: *svo er sagt að...* – «так говорят, что...», *nú er að segja* – «теперь рассказывается», которыми предвывает каждую главу.

Стиль саги принадлежит к «позднему придворному стилю» [Jónas Kristjánsson 1985, p. 431–440]: здесь встречаются риторические повторы, синонимические формулы, суперлативы, гиперболы; причастия настоящего времени могут использоваться вместо личных форм глагола в активном залоге (43 примера, ср. в описании короны Нитиды: *stóð einn haukur ... beiddandi sína vængi fram* – «стоял сокол... *простирая* вперед свои крылья»). Сюжет саги выстроен без дополнительных усложнений и не обременен избыточными характеристиками и мотивами.

Предлагаемый ниже перевод «Саги о Нитиде» посвящается светлой памяти Елены Ароновны Гуревич, автора основополагающих исследований скандинавской литературы, замечательного переводчика древнеисландских саг и поэзии скальдов.

Сага о Нитиде

Глава 1

Послушайте, молодые люди, историю приключений и чудесный рассказ о самой знаменитой дева-правительнице², которая когда-либо жила в северной части мира. Она звалась Нитидой Славной и правила страной с честью и достоинством, после кончины своего отца короля Рикона. Эта дева-правительница восседала на мировом престоле в добром королевстве Франции и властвовала в городе Париже. Она была и мудрой, и прекрасной; светла и румяна ликом, совсем как если бы алую розу смягчила белоснежная лилия³; ее глаза сверкали, как драгоценные камни⁴; ее кожа была бела, как слоновая кость; ее волосы были как золото и ниспадали до самой земли. У нее был золотой головной убор с четырьмя опорами, а над опорами был изображен орел; на орле стоял сокол из красного золота, простирая крылья над чистым лицом юной девы, чтобы солнце не жгло его. Она знала столько же, сколько знает са-

мый мудрый ученый; и, превосходя разумом других людей, могла воздвигнуть самую мощную стену замка благодаря своему уму и тем превзойти намерения других; и ей были известны десять ответов, когда остальным – только один. У нее был такой красивый голос, что и птицы, и рыбы, и дикие звери, и все другие животные на земле погружались в сон, так восхитительно было его слышать. В ее королевстве царил мир и процветание.

Во Франции, где правила дева-правительница, жил кузнец по имени Ипполит. Он умел ковать любой предмет, который мог быть изготовлен человеческими руками: от золота и серебра до стекла и драгоценных камней.

Теперь рассказывается о дева-правительнице, о том, что она готовится к путешествию из своего дома в Апулию⁵. Там государством правила королева по имени Эгидия; она воспитывала деву-правительницу в детстве. У Эгидии был сын по имени Хлескьёльд. Правительница Нитида со своим двором отправляется в плавание при попутном, благоприятном ветре и наконец прибывает в Апулию. Королева Эгидия, и ее сын, и все сородичи вышли встретить деву-правительницу торжественно и с почетом, а затем в течение следующих двух недель устраивали в палатах превосходные пиры.

Однажды во время пира дева-правительница идет на встречу со своей приемной матерью и говорит: «Мне рассказывали, что островом, который называется Визио⁶, правит ярл, по имени Виргилиус⁷; он мудр и сведущ в колдовстве. Этот остров лежит за пределами холодной Швеции, у самого Северного полюса, на краю тех земель, о которых у людей есть сведения. На том острове есть большое озеро, а на озере – островок, который называется Лесным Цветком; я слышала, что нигде в мире нельзя найти больше волшебных камней, яблок и целебных трав, как там. Сейчас я хочу отправиться туда на одном корабле и взять с собой твоего сына Хлескьёльда».

Королева Эгидия рассказала о трудностях путешествия и сочла его опасным. Дева-правительница, однако, все равно решила поехать туда и вместе с Хлескьёльдом собралась в путь. Они отплыли из Апулии с почетом при прекрасном, благоприятном ветре. Я не слышал рассказов ни об их путешествии⁸, ни об его протяженности, прежде чем они не прибыли в Визио.

Однажды, оставив корабль в потайной бухте, они идут по острову и находят озеро. Они видят на воде лодку, садятся в нее и гребут к островку, где растет много деревьев с прекрасными фруктами. Добравшись до середины островка, путники видят каменный сосуд с четырьмя углами. Сосуд был полон воды, и в каждом углу сосуда находился камень. Дева-правительница взглядела в камни² и увидела все страны мира, и всех королей и королевских сынов, и что

делал каждый из них, и всех людей в каждой стране, и много разных созданий и чудовищ. Дева-правительнице пришлось по душе это зрелище, и она взяла с собой этот сосуд и все камни, и яблоки, и целебные травы, потому что она поняла благодаря своей мудрости, какое волшебство таил каждый предмет. Затем они сразу же вернулись на свой корабль и уплыли из Визио со всей возможной поспешностью.

Теперь рассказывается о том, что ярл (*Виргилиус*) понял, кто его ограбил. В погоню за ними отправилось много кораблей на веслах, и Нитида заметила это. Тогда дева-правительница взяла волшебный камень и быстро помахала им над кораблем и над головами всех, кто в нем находился. Ярл их никогда больше не видел, а дева-правительница и Хлескьёльд крепко держались курса и не отставали, пока не добрались домой в Апулию.

Королева Эгидия выходит встретить их с радостью и великим почетом, и дева-правительница гостит там некоторое время. Затем она готовится к путешествию и снаряжает флотилию кораблей, чтобы отправиться домой во Францию, попросив королеву Эгидию отпустить с нею ее сына Хлескьёльда, дабы защитить ее королевство от возможных нападений грабителей. Приемная мать Нитиды милостиво дает свое разрешение, как и всегда, когда та просила, и отпускает ее, снабдив прекрасными подарками, деньгами, превосходными драгоценностями из золота и ценных камней и дорогими тканями. Оба двора расстаются в большой дружбе. Дева-правительница отплывает в свое королевство с великим почетом и славой. Все люди в ее стране радуются, что она правит королевством так мирно и милостиво.

Глава 2

Правитель по имени Хугон правил Миклагардом¹⁰. У него была жена и двое детей. Его сын звался Инги¹¹, и он был самым благородным из всех людей и лучшим в богатырских искусствах. Каждое лето он отправлялся в походы и нажил себе богатство и славу; он убивал грабителей и викингов, однако позволял мирным людям путешествовать спокойно. Дочь короля Хугона звали Листалин, она была прекрасна и всеми любима, а также искусна в женских ремеслах.

Король по имени Солдан¹² правил Серкландом¹³. У него было три сына: одного звали Логи, второго Велоги, а третьего – Хейдарлоги¹⁴ – он был старшим из них. Волосы и борода у него были черными. У него был длинный подбородок и впалые щеки, кривые

зубы, перекошенный рот, и еще он был косолап. Один глаз у него смотрел внутрь, а другой – наружу. Он был великим воином и владел колдовством и заклинаниями, был очень сильным и побеждал в любой битве. Его братья Логи и Велоги были многообещающими и уважаемыми людьми и проводили лето в походах.

Блебарниусом¹⁵ звался король, который правил всей великой страной Индией. У него был сын по имени Ливориус¹⁶, который был пригож обличьем, лицо у него было светлое и румяное, глаза – зоркие, как у сокола, волосы – красивые и кудрявые, плечи – широкие, спина – прямая, и сам он был учтивым, сильным и величественным. Он владел искусством плавания и морских походов, стрельбы и фехтования, настольных игр и рун, и чтения книг, и всеми другими умениями, которые мог постигнуть человек. У короля Блебарниуса была дочь, которую звали Сиялин; она была так прекрасна и искусна, что могла бы считаться самой выдающейся из всех женщин в мире, если бы не было рядом такой необыкновенной женщины, как Нитида Славная.

Ливориус провел зиму и лето в походах и добыл себе богатство и славу; и повсюду, куда бы ни направился, он считался великим воином и героем и одерживал победу в каждой битве. Он так увлекался женщинами, что ни одной от него не было покоя, но он не оставался ни с одной королевской дочерью более месяца.

Теперь рассказывается о короле Инги, о том, что он приготовил свои превосходные суда и при благоприятном ветре отплыл из Миклагарда, не прерывая своего путешествия, прежде чем не свернул парусов в городе Париже. Когда дева-правительница увидела корабли Инги и их златотканые паруса, то послала Хлесктьельда к кораблям пригласить короля на превосходный пир, если он прибыл с миром. Хлесктьельд исполнил это поручение, пошел к кораблям, приветствовал короля Инги и пригласил его со всем его войском в королевские палаты. В окружении обоих находилось много гордых рыцарей.

Дева-правительница тепло приветствует короля Инги, восхваляя его своими речами. Королева спрашивает короля Инги, по какому делу он проделал весь путь из Миклагарда в такую далекую страну. Он отвечает: «Я приехал в эту страну просить тебя стать моей женой; за это я дам тебе все золото и сокровища, земли и слуг».

Королева говорит: «Ты знаешь, король Инги, что у тебя нет богатств, сравнимых с моими. Твои земли немного добавят к прекрасной Франции и к владениям двадцати королей, которые в нее включены. Я также не склонна отдавать себя никакому королю, правящему ныне; у меня уже и так предостаточно брачных предложений, а потому у тебя более нет нужды говорить об этом деле».

Тогда король гневается на ее слова и думает, что негоже им так расставаться. Он уезжает из Франции, как только позволяет ветер, и все лето повсюду занимается грабежами.

Однажды вечером, когда корабли Инги находились рядом с островом, он и его люди увидели идущего с острова человека, старого и довольно высокого. Король спросил этого человека, как его зовут. Тот ответил, что его зовут Ревстейн¹⁷. Король поинтересовался, таков ли он, как его зовут. Ревстейн сказал: «Мне кажется, что я не уступаю ни одному человеку в колдовстве, в заклинаниях или в чародействе и во всем, что нужно сделать».

Король воскликнул: «Я наделю тебя и твоих детей богатым имуществом, если ты без боя передашь мне в руки Нитиду».

Ревстейн ответил: «Это для меня сделать нетрудно».

Король произнес: «Иди со мной на корабль и выполни то, что пообещал; вот большое золотое кольцо, которое я хочу тебе подарить, и двадцать локтей красного полотна, которые ты должен отнести своей жене».

Ревстейн горячо благодарит короля и снаряжается в путь, и они отправляются на корабль. Потом они отплывают самым прямым курсом во Францию, так как Ревстейн обеспечил им довольно попутного ветра, чтобы наполнить все их паруса. Они приплывают к берегу и пристают к потайной пещере. Тогда Ревстейн сходит на берег вместе с королем. Ревстейн накидывает на короля черный плащ-невидимку, и они идут в комнату королевы. Она проводила досуг со своими девицами. Король понимает, что никто не может их увидеть, подходит к дева-правительнице, набрасывает на нее накидку и забирает Нитиду с собой на военные корабли. После этого они поднимают паруса и плывут, не убирая парусов, пока не достигают Миклагарда.

Листалин со всей королевской свитой радостно отправляется встретить брата и дева-правительницу. Королеву тогда отводят в палаты с большим почетом и уважением. Сразу же готовят великий пир и свадьбу, и на него приглашают всех советников королевства, самых знатных в этой стране. Теперь дева-правительницу сажают на высокий престол рядом с Листалин и всеми женщинами, которые должны вести невесту к ее брачному ложу. И они все выходят под открытое небо. Тогда дева-правительница останавливается и говорит: «Давайте посмотрим на небо и понаблюдаем за ходом звезд, тогда мы многое узнаем о людских судьбах».

И сказав это, она быстро взмахивает над своей головой тем самым камнем, который увезла с острова Визио. Таким образом королева выскальзывает из их рук и исчезает из их видимости и досягаемости. Тогда люди бегут в палаты и сообщают королю

это известие. Король и весь двор очень печалятся из-за случившегося.

На следующий день дева-правительница возвращается домой во Францию и, смеясь, входит в свои прекрасные палаты. Все люди во Франции очень за нее радуются. Известие о том, как королева перехитрила короля Инги, распространяется теперь по всем странам. Королю Инги это совсем не по нраву, и он вновь собирается поквитаться за позор и бесчестье, которыми его покрыла эта правительница.

Когда проходит зима и наступает весна, он опять отправляется в поход и проводит так все лето. Однажды поздним вечером он устраивает стоянку рядом с мысом и совершает набеги на все побережье. Он и его люди видят человека, спускающегося с мыса. Король осведомляется у этого человека, как его имя. Тот отвечает, что его имя Слягревур¹⁸. Король спрашивает: «Я бы хотел, чтобы ты был достоин своего имени. Умеешь ли ты заниматься колдовством?»

Слягревур замечает: «Я умею заниматься колдовством не хуже, чем Ревстейн, и дева-правительница не ускользнула бы у тебя из рук, если бы я был так близко, как он».

Король говорит: «Если ты предоставишь королеву в мою власть, как сделал он, то я подарю тебе три замка и сделаю тебя ярлом».

Слягревур произносит: «Я готов за тобою следовать». Они идут на корабль и при сильном ветре кратчайшим путем плывут во Францию.

Глава 3

Теперь о деве-правительнице рассказывается, что она каждый день смотрит в свои волшебные камни на весь мир, чтобы увидеть, не собираются ли викинги напасть на ее королевство. Она видит, где плывет король Инги и как однажды вечером он является во Францию. Королева считает все это законченным делом и зовет к себе бедную женщину, которая прислуживает во дворе. Она была замужем за бондом, и у нее было трое детей. Они держали во дворе свиней. Королева требует служанку, которую зовут Иверса. Теперь она снимает с нее одежду, берет камень и велит служанке смотреть в него на себя, погрузив прежде камень в воду. Она также моет все ее тело и дает ей съесть много волшебных яблок, тех, которые она привезла с острова. Сделав это, она одевает ее в сверкающие королевские наряды и усаживает на золотой престол. К этому времени лицо у служанки стало таким же сияющим, как и у девы-прави-

тельницы, так что никто не мог отличить одну от другой. У яблок было волшебное свойство: та, которая их съела, не могла говорить в течение месяца. Королева Нитида затем посмотрела в другой волшебный камень, так что никто не мог ее увидеть, стояла она или сидела.

Теперь рассказывается, что король Инги и его люди пристали к берегу. Король и Слягревур выходят на берег и направляются кратчайшим путем в палаты королевы, и когда они входят, то видят деву-правительницу с сияющим лицом на золотом престоле. Король вбегает и набрасывает на нее черный капюшон, а затем сразу же выходит из палат и бросается на корабль. Король тут же приказывает приготовить ложе на юте без промедления, так как они решили поторопиться со свадьбой, чтобы дева-правительница не смогла ничего устроить. Затем они проводят там вдвоем всю ночь в нежных объятиях. Теперь король Инги вполне удовлетворен исполнением своего решения, он считает, что поквитался за свое бесчестье. Затем они поднимают паруса и не прерывают своего путешествия, пока не входят в Миклагард.

Госпожа Листалин и вся ее свита выходят встретить короля и королеву во всем своем могуществе, со всем почетом и всей возможной торжественностью. В Миклагарде теперь царит большое ликование из-за приезда девы-правительницы. Однако когда проходит следующий месяц, госпожа Листалин однажды обращается к своему брату королю: «Нет ли у тебя подозрений о той женщине, которую ты привез домой в эту страну? Мне кажется, что ее поступки и многое другое не похожи на поступки девы-правительницы. Мне говорят, что нам нужно остерегаться обмана зрения. Я хочу попробовать сегодня устроить испытание, а ты должен спрятаться в потайном месте и слушать». Король тогда так и делает.

В тот же день госпожа Листалин приказывает своим женщинам и своей свите покинуть ее палаты и говорит: «Моя королева, почему ты не хочешь или не можешь ни с кем говорить? И что заставляет тебя проливать горючие слезы, которые всегда струятся из твоих глаз? Ведь король и все придворные страны спрашивают, как им сидеть и стоять, чтобы только каждый мог тебе лучше угодить».

Она отвечает: «Мои слезы и тяжкое горе вызваны тем, что дева-правительница разлучила меня с моим мужем и детьми, и я их никогда больше не увижу». Листалин спросила, где находятся ее муж и дети. Она ответила и рассказала всю правду о том, как все произошло.

Тогда король Инги выскакивает из-за занавесей в большом гневе; он велел снять с нее все ее одежды и королевский наряд, и вся ее красота и сияние покинули ее вместе с ними. Король тогда был

очень раздосадован. Вести о его бесчестье и позоре разнеслись по всем странам.

Оставим теперь короля Инги на некоторое время и обратим наш рассказ в другое место. Расскажем о том, как сыновья короля Солдана Хейдарлоги и Велогии узнают о том, как дева-правительница перехитрила короля Инги. Они снаряжают в поход непобедимое войско из Серкланда и приготавливают свои боевые корабли к плаванию во Францию.

О дева-правительнице теперь рассказывается, что она не сидит спокойно и не проводит время в бездействии, так как она созывает своих кузнецов и мастеров, а руководит ими Иполитус. Она велит изготовить стеклянную крышу, которую можно передвигать с помощью колес и накрыть ею главные ворота замка, так чтобы на ней могло встать много воинов. Она приказала также, чтобы перед ее покоями был вырыт чудовищно глубокий ров и прикрыт тонкой древесиной, на которой были бы расстелены дорогие полотна и пурпурная ткань.

Как только королевские сыновья приближаются к берегу, дева-правительница вызывает для разговора Хлескьёльда и просит его отправиться к боевым кораблям, сообщив ему о том, что он должен делать. Хлескьёльд теперь идет к кораблям, чтобы узнать, с миром прибыли короли или нет. Хейдарлоги говорит: «Если королева пожелает взять в мужья одного из нас, братьев, тогда эти земли и королевство будут свободны от наших набегов, а иначе мы уничтожим эту страну, сожжем и истребим ее и не пощадим никого».

Хлескьёльд отвечает: «Дева-правительница не считает себя вооруженной достаточно для того, чтобы вести войну против войска Серкланда и таких превосходных королей, как вы. Я сообщу тебе, Велогии, обещание девы-правительницы: она хочет, чтобы каждый из вас с ней поговорил, дабы испытать вашу мудрость и красноречие. Она желает, чтобы ты пошел на встречу с ней рано утром, пока твои братья еще не встали, потому что я знаю, что именно тебя она избрала в мужья». Тогда они заключают между собой союз.

Когда ночь закончилась, Велогии отправляется в замок с десятью сотнями воинов, и, когда они подходят к главным воротам замка, Хлескьёльд приказывает своим людям поднять над ними стеклянную крышу и поливать их оттуда смолой и серой. А сам Хлескьёльд нападает на них из замка с помощью метательных снарядов, нанося сильные удары. Там пал Велогии и каждый, кто с ним был. После этого замок был вычищен, и все павшие были убраны.

Теперь Хлескьёльд идет к кораблям и говорит Хейдарлоги: «Дева-правительница просит тебя придти на встречу с ней, так как она хочет поговорить с обоими вами братьями и испытать мудрость вас

обоих. Велогии уже давно пришел и теперь сидит в палатах и пьет. Я не хотел, чтобы он с ней говорил. Я знаю, что она выбрала тебя, а не его, защищать свое королевство, из-за твоей физической силы и отваги. Нам кажется, что она должна выйти замуж, чтобы люди долее не враждовали и не вступали в распри».

Хейдарлоги благодарит его за приход и доверие. Он теперь готовится в путь со своими двадцатью сотнями людей и сразу же отправляется в замок. Но тогда Хлескъёльд говорит: «Теперь они должны пойти в королевские палаты, а я пойду к твоему брату Велогии и задержу его, так как хочу, чтобы ты первым поговорил с де-вой-правительницей».

Хейдарлоги поворачивает к палатам, и, когда они вступают на ткань, деревянный настил ломается, и они сваливаются в ров. После этого Хлескъёльд стремительно выпускает непобедимую рать из замка, и они бросают им на головы камни, и мечут в них снаряды, и убивают каждого, кто сопровождал Хейдарлоги. Теперь Хлескъёльд выводит непобедимое французское войско из Парижа и приказывает ему идти в бой. Тогда те увидели, что у них, лишившихся предводителей, не осталось возможности выстоять против всего французского войска, и они отправились домой в Серкланд. Новая слава и мощь де-вы-правительницы становится известной во всех странах.

Глава 4

Теперь рассказывается о знаменитом короле Ливориусе, который упоминался ранее, что он однажды поскакал в леса, чтобы позабавиться. Он видит на лесной поляне стоячий камень, а рядом с ним карлика. Королевский сын направляет коня между камнем и карликом и отъединяет того от камня. Карлик говорит: «Ты снискал бы больше славы, если бы не загораживал мне вход, а переиграл бы де-ву-правительницу из Франции. Или ты не слышал о той славе, которая разносится и летит по всему миру, о ее силе, о том, что ей удается превзойти всех королей своей прозорливостью и мудростью?»

Король отвечает: «Я слышал, что много об этом говорится. Если ты захочешь сопровождать меня во Францию и будешь мне верным, так что благодаря твоему волшебству и колдовству я смогу заполучить де-ву-правительницу в жены¹⁹, то я сделаю тебя и твоих детей очень богатыми». Карлик тогда сказал: «Я скорее соглашусь сопровождать тебя, чем лишусь этого камня, ведь я знаю, что ты превосходный правитель». Ливориус дал ему большое золотое

кольцо: «И бери из моих стад любой скот: овец, свиней и коз – сколько тебе понадобится».

Король теперь, не медля, снаряжает корабли, готовит их к тому, чтобы покинуть сушу, сажает на них знатных придворных и не опускает парусов, пока они не входят в гавань, которая находится недалеко от Парижа.

Дева-правительница предвидела прибытие короля Ливориуса, так как всегда носила с собой все свои волшебные камни. Хлескьёльд спустился к кораблям и пригласил короля домой на великолепный пир, следуя указаниям девы-правительницы. После этого король сошел с корабля со всеми своими придворными.

Тогда карлик говорит ему: «Вот золотое кольцо, которое я хочу тебе дать. Надень его на палец. Приложи руку с золотым кольцом к обнаженной шее девы-правительницы, тогда золото пристанет к ее сверкающему телу. Хватай ее тогда, а я позабочусь о том, чтобы не было погони».

Теперь король идет в королевские палаты, и королева встает встретить его и усаживает его на высокий престол рядом с собой, и говорит ему добрые слова с любящим выражением лица. Тогда Ливориус подносит правую руку с золотым кольцом к шее королевы, и рука пристаёт к шее золотой частью кольца. Король подхватывает ее левой рукой под коленки и вскакивает из-за стола вместе с девой. Дева-правительница зовет своих воинов на помощь. Хлескьёльд и все французские придворные готовятся к бою, однако и он, и все придворные девы-правительницы накрепко прилипают к своим скамьям. Ливориус теперь без промедления идет к своим людям, и все его войско поднимает паруса и спешит в плавание. Карлик посылает им попутный ветер домой в Индию.

Рассказывается теперь, что королевская дочь Сиялин идет встретить с почетом своего брата и деву-правительницу в сопровождении всего войска Индии. Там были арфы и скрипки и всевозможные струнные инструменты. Все улицы были устланы пурпурными тканями и ценными вышитыми полотнами, и коронованные короли вели деву-правительницу в покои королевской дочери Сиялин. Тогда приготовили великолепный пир и послали за всеми знатными людьми в Индии.

Однажды случилось, что королева спустилась в рощу, которая была посажена перед ее палатами. Тогда дева-правительница очень обрадовалась, ведь у нее в руках оказался тот волшебный камень, который она увезла с острова Визио. Она быстро взмахнула камнем над головами обеих, а потом они обе взвились в небо и быстро скрылись из вида. Так исчезли обе молодые женщины, и все люди,

находившиеся в полях около рощи, побежали к королю и принесли ему весть об этом, и он очень опечалился.

Теперь рассказывается, что обе королевы прибыли домой в Париж. Дева-правительница привела королевскую дочь Сиялин и усадила ее рядом с собой на престол, и они обе пили из одной чаши и не разлучались ни во время сна, ни во время еды. Они любили друг друга, как своих матерей.

Глава 5

Теперь рассказывается о короле Солдане, что он, узнав о гибели сыновей, приходит в неистовую ярость. Он разослал по всему своему королевству приказы всем явиться на войну и собрал черных людей, и объявленных вне закона, и самых разных дикарей, и всякий сброд. Потом он собрался привести свое войско во Францию, чтобы сжечь и разграбить страну, если дева-правительница не захочет выйти за него замуж.

Однажды так случилось, что обе женщины посмотрели в волшебные камни Нитиды и увидели то, что начал делать король Солдан. Дева-правительница позвала Хлескьёльда и сказала ему так: «Ты должен разослать приказы явиться на войну по всей стране и по всем королевствам моих правителей и созвать всех мужей, которые в состоянии носить оружие. Веди это войско навстречу королю Солдану, так как я не хочу, чтобы он вошел в мое королевство».

Хлескьёльд так и сделал, и, когда войско было готово, выехал из своего королевства. Тогда две флотилии поплыли навстречу друг другу и встретились около острова, называемого Картагия²⁰. Там был огромный викингский лагерь. Не было нужды в разговорах, поэтому стали сражаться сразу же, как только достаточно рассвело для битвы. Король Солдан прошел со своими героями и черными людьми сквозь французские войска, так что ничто не могло отразить его натиска, и после этого от тех, кого вел Хлескьёльд, осталось не больше половины.

Рано утром на следующий день началась новая битва, и к вечеру второго дня из его войска стояло в строю не больше пятнадцати сотен человек. Люди подняли щит мира, и каждый взялся перевязывать раны своих воинов. Тогда мужи заметили большой изукрашенный драккар, плывущий в окружении огромного множества других кораблей, которые двигались с моря и направляли паруса в сторону острова. С драккара сошел на сушу человек, собрал все свое войско, и вся его рать вышла на берег. Он был крепким и таким рослым, что его голова возвышалась надо всем войском. Он

яростно обратил против короля Солдана свое златотканое знамя, а Хлескьёльд – против Логи. Тогда они вступили в третью и самую тяжелую битву.

Короли Ливориус и Солдан сошлись в поединке, нанося сильные удары в яростной схватке. Этот бой продолжался до ночи. В конце битвы он (*Ливориус*) вонзил копье в грудь короля Солдана так, что оно вышло у того через плечо. Тогда тот упал замертво. Ливориус сразу же стал искать Хлескьёльда, который лежал в долине, раненный почти до смерти, а рядом с ним покоился мертвый Логи. Ливориус поднял Хлескьёльда и отнес его на корабль. Потом король повелел искать убитых. Перемирие было заключено с теми, кто об этом просил, а все остальные были перебиты.

После этого Ливориус взял большую добычу и благодаря этому сражению стал знаменитым во всех странах. Тогда они поплыли домой в Индию с законной победой. Рассказывают, что король сам лечил Хлескьёльда и сидел над ним, пока тот не поправился. И однажды, когда пришла весна, король отправился с Хлескьёльдом в морское плавание. Он сказал тогда: «Для девы-правительницы и ее королевства будет более подходящим, если я не буду дольше удерживать тебя здесь. У меня в гавани десять судов, которые я хочу тебе дать, вместе с людьми и воинским снаряжением; ты не уедешь отсюда как бродяга». Хлескьёльд тогда воздал королю хвалу и поблагодарил за гостеприимство и богатые дары. Он отплыл домой во Францию, и дева-правительница очень обрадовалась его возвращению.

В то лето король Ливориус отправился в поход и приплыл со своими судами в Смоланд²¹. Королева, которая там правила, звалась Алдурия; она доводилась королю Ливориусу теткой. Королева взяла его за обе руки и устроила в честь племянника превосходный пир.

Однажды королева спросила своего сородича: «В чем причина твоего несчастья? Неужели ты тоскуешь по деве-правительнице, которая теперь прославлена на весь мир? Ливориус ответил: «Тебя считают мудрой и хитроумной женщиной. Дай совет, как мне переиграть деву-правительницу и²² добиться ее любви».

Королева сказала: «Я хочу дать тебе все, чтобы ты смог обрести радость, как ты того желаешь. Вот тебе мой совет: плыви летом во Францию и назовись Эскильвардом²³, сыном короля Альп, и оставайся там всю зиму. Я дам тебе золота, чтобы никто тебя не узнал, ни дева-правительница, ни твоя сестра. Если ты останешься там на всю зиму, то будет удивительно, если ты ее не добьешься».

Теперь Ливориус следует его совету и, приготовив свои пятнадцать кораблей, отплывает из этого места и осенью прибывает во Францию. Тогда дева-правительница приглашает его в палаты

для разговора с ней – она считает, что он мудрый человек. Королева просит Эскильварда остаться там вместе со своими людьми на зиму. Король Эскильвард принимает приглашение и всегда приходит к королеве, так как он был искусен в игре на арфе и всех музыкальных инструментах и мог рассказать что-то о каждой стране. Королева находила большое удовольствие в его обществе.

Вскоре зима закончилась, а весной король приготовился к путешествию. Как-то раз до того, как он был готов, дева-правительница говорит ему: «Эскильвард, ты всю зиму постоянно развлекал нас с госпожой Сиялин музыкой и чудесными рассказами. Теперь я хочу, чтобы ты пошел сегодня с нами, сейчас мы тебя позабавим».

Эскильвард с готовностью принял приглашение и пошел с ними в палаты. Дева-правительница взяла камень и попросила поглядеть в него. Тогда он увидел всю Францию, Прованс, Равенну, Испанию, Галицию, Фризию, Фландрию, Нормандию, Шотландию, Грецию и всех живущих там людей. Дева-правительница сказала: «Король Ливориус не плавает в этих частях света, может быть, он дома?»

На другой день королева приглашает Ливориуса в палаты: «Ты нас постоянно развлекал зимой». Королева попросила Ливориуса посмотреть в камень. Тогда они увидели все северные области: Норвегию, Исландию, Фареры, Гебриды, Оркней, Швецию, Данию, Англию, Ирландию и многие другие страны, о которых он и не знал. Королева спросила: «Не плавает ли король Ливориус Славный в этих странах?» Эскильвард ответил: «Он далеко от этих стран».

Дева-правительница поднимает камень и видит восточные области всего мира: Индию, Палестину, Азию, Серкланд – и все другие части света, а также горящий пояс, который никем не населен²⁴. Королева сказала: «Сейчас в Серкланде идут великие бои, а король Инги сидит дома в Константинополе и не участвует в походах, но где же должен быть Ливориус Славный? Я не вижу его дома в Индии, нет его и в Смоланде с родственницей. Сейчас мы видим все океаны, раскинувшиеся среди потайных пещер; и его нет и там, и нигде на всем свете, если только он не стоит сейчас здесь рядом со мной». Тогда дева-правительница говорит так: «Король Ливориус, сними эту обманную накидку. Я узнала тебя в первый же день, когда ты приехал. Сними же золото Алдурии, ибо ты немного выиграешь, если и дальше будешь притворяться».

Король Ливориус тогда послушался слов королевы, снял с себя золотое кольцо, отказался от чужого имени и облачился в свои великолепные одежды. Госпожа Сиялин сейчас же подошла к брату, и у них состоялась самая счастливая встреча. Дева-правительница усадила короля Ливориуса на престол рядом с собой, и начался превосходный пир.

Рассказывается, что дева-правительница разослала известия во все области своей страны всем двадцати королям, которые находились под ее властью. Король Ливориус тогда возобновил свое предложение дева-правительнице, изложив его прекрасными словами и с великим благоразумием. Все короли и знатные люди на совете поддержали его речь, согласившись, что его предложение должно быть принято. Дева-правительница ответила на их слова: «Я слышала, что знатные люди страны начинают уставать от войны и волнений в королевстве. Самый подходящий способ предотвратить это – принять короля, который кажется вам весьма многообещающим».

Хлескьёльд сказал: «Если ты желаешь, чтобы я и впредь предлагал тебе мою службу, тогда я хочу, чтобы ты приняла короля Ливориуса как своего господина. Я и в самом деле не приму никакого иного вознаграждения и не останусь долее в твоём королевстве». Дева-правительница ответила: «Для меня большая честь вознаградить тебя за многие опасности и испытания, которым ты подвергся ради меня. Весьма подобает, чтобы я приняла это предложение, особенно учитывая, что это совет и желание всех знатных людей, ибо я не знаю более прославленного из всех властвующих правителей, чем король Ливориус».

Король Ливориус был этому очень рад. Тогда обо всем было твердо условлено и решено всеми советниками королевства: свадьба должна была состояться осенью. Дева-правительница тогда говорит Ливориусу и другим людям: «Я не хочу, чтобы ты сразу же уезжал от меня, ибо я думаю, что нам едва ли удастся надолго остаться в мире».

О короле Инги теперь рассказывается, что он узнает об этих новостях; он приходит в возмущение и говорит, что у него не будет никакой жены, кроме девы-правительницы, или он умрет. Он сейчас же призывает на войну все королевство и собирает толпу и чернь; каждый должен был придти туда, кто мог носить оружие. Бесчисленные войска прибывают, так что море кажется черным от военных кораблей. Король Инги нетерпеливо и гневно направляет все свои флотилии во Францию, так как хочет прибыть туда до того, как свадьба может закончиться.

Как только король Инги добирается до суши, он велит разбить палатки. Король Ливориус немедленно скачет к кораблям, оказывая королю Инги все почести и приглашая его в гости от имени девы-правительницы, чего, однако, король Инги не желает. Он не хочет ничего, кроме битвы. Тогда войска наступают друг на друга. Король Ливориус поднимает против короля Инги свое знамя. Теперь начинается жестокая битва с великим грохотом и смертоубий-

ством. Король Инги проходит сквозь войско французов, разрубая двоих мужей при каждом ударе. Король Ливориус делает то же самое, но куда бы он ни пошел, больше павших появляется в войске византийского правителя. В каждой из ратей было много убитых, и все поля были покрыты телами мертвых людей.

Это кровопролитие продолжается три дня, а утром на четвертый день король Ливориус громким голосом возглашает королю Инги: «Немудрое это дело так сражаться, ведь мы теряем здесь наших самых дорогих сородичей, друзей и знатных людей. Лучшим решением будет, если мы вдвоем будем биться друг против друга: пусть же тот, кто получит преимущество в поединке, завоюет дева-правительницу».

Король Инги радостно на это соглашается, и они начинают биться, нанося сильные удары и вступая в яростные схватки. Они ломают щиты друг друга, оба оказываются ранены, хотя король Инги сильнее. Их поединок заканчивается тем, что король Инги падает на землю от истощения и потери крови, ибо он так ранен, что весь изрезан на куски. Король Ливориус велит уложить короля Инги на роскошное ложе, а сам ложится на другое, и они умащивают свои раны целебными мазями.

Ливориус просит свою сестру наложить свои нежные руки на раны короля Инги. Она делает так, как просит ее брат, потому что она была самым лучшим лекарем и знала об этом больше, чем дева-правительница. Тогда раны короля начинают затягиваться, и король Инги видит, что Сиялин превосходит других женщин во всех северных странах, кроме девы-правительницы. Он скоро обращает к ней любящие взоры и делает королевской дочери предложение. Дева-правительница и все придворные страны согласились, что это предложение должно быть принято, чтобы все королевства жили в мире и согласии, и король Инги и король Ливориус примирились.

Король сказал тогда королю Инги: «Если ты захочешь выдать Листалин замуж за Хлесктьельда, моего доброго друга и побратима, твое предложение будет принято: он единственный наследник всего состояния и королевства Апулии после своей матери Эгидии; и в дополнение я дам им треть Индии, хотя он и заслуживает большего».

Теперь дева-правительница и все знатные люди королевства отправляются с этими известиями, со своими просьбами и прекрасным предложением; они полностью справляются с обоими делами. Известие теперь посылается госпоже Листалин; некоторое время спустя она прибывает во Францию с блестящим сопровождением. Тогда они справляют эти три свадьбы в начале августа, и празднования продолжаются весь месяц с великими торжествами и славой.

Там были превосходные яства и изысканные напитки, разные блюда и самые дорогие вина. Гостям предлагались всевозможные развлечения, состоящие из конных турниров и музыкальных концертов; и где бы ни проходили короли, везде были постелены дорогие ткани, пурпурные полотна²⁵. И нелегко все это описывать красивым слогом тем, кто прибыл из дальних частей света, чтобы это было занимательно для всех людей, ведь большое веселье было в середине мира, когда собрались такие придворные. Теперь празднование продолжается со всей великой радостью и пышным сопровождением. И так как все великолепие мира быстро проходит, свадьба закончилась, и всех знатных людей проводили с замечательными подарками из золота, драгоценностей и прекрасными тканями полотнами. И каждого из придворных проводили с миром и любовью.

Король Инги и его супруга поплыли в Константинополь, а Хлеськёльд и Листалин – в Апулию, где они правили королевством до самой смерти. Ливориус и дева-правительница властвовали во Франции. У них были прекрасные дети, в том числе и сын, который звался Рикон по отцу Нитиды, Рикон позднее правил Францией с почетом и славой. И так оканчивается рассказ о Нитиде Славной и короле Ливориусе²⁶.

Комментарии

¹ «Сага о Кларусе» (*Klári saga*) – высказывалось предположение, что «Сага о Нитиде» была сочинена под влиянием «Саги о Кларусе» [Bibire 1985, p. 66, 70]; оно основано на сходстве имен: герои обеих саг (Кларус и Ливориус) называют себя именем Эскильвард (*Eskilvarður*); имена героев саг Нитида, Серена и Кларус восходят к латинским прилагательным (*nitidus, serenus, clarus*) со значением «ясный».

² о самой знаменитой деве-правительнице – именование героини девой-правительницей (исл. *meukóngur*) служит указанием на жанр повествования – «сага о девах-правительницах», однако это обозначение оказывается обманчивым и не оправдывает ожиданий аудитории (см. вступительную статью).

³ *лилия* – слово «лилия» (*lileam*) имеет окончание латинского винительного падежа и принадлежит к латинским заимствованиям, нечасто употребляемым в исландских сагах (в «Саге о Нитиде» их всего четыре).

⁴ *драгоценные камни* – *karbunculus* – в оригинале употреблено латинское заимствование с окончанием латинского номинатива вместо альтернативной исландизированной формы *karbunkli* (или *karbunkuli stein*), которая встречается в «Саге о Кларусе», «Саге о Флоресе и Бланкифлур», «Саге о Магусе Ярле», «Саге о Сигурде Смелом».

⁵ *Апулия* – упоминаемый в саге регион (Púl) отождествляется с современной Апулией, областью на юго-востоке Италии.

⁶ *Визио* (Visio, возможно, от лат. visus – «зрение, видение») отождествляется с Сицилией [Schlauch 1934, p. 167–168], с Земным Раем [Barnes 2014, p. 36–37] и с топомосом locus amoenus [McDonald Werrronen 2016, p. 119–120].

⁷ *Виргилиус* – сага, очевидно, основывается на средневековой традиции, изображающей античного поэта как могущественного волшебника и чародея [Putman, Ziolkowski 2007, p. 825–1024].

⁸ *Я не слышал рассказов...* – авторское вторжение в «Сагу о Нитиде», в котором повествователь признается, что не слышал рассказов о путешествии героини на остров Визио. Это признание можно истолковать как указание на устную традицию, сохранившую для создателя саги ее сюжет [McDonald Werrronen 2016, p. 211].

⁹ *Волшебные камни* – náttúrusteinar (букв. «природные камни») используются в саге в функции волшебных помощников, которыми нередко снабжаются герои рыцарских саг. Благодаря им Нитида оказывается в состоянии видеть, что происходит в других частях света, быть невидимой, переноситься в другие страны. Волшебные камни упоминаются также в «Саге о Сигурде Молчаливом», в которой Седентиана, подобно героине «Саги о Нитиде», видит другие страны, и в «Саге о Гиббоне», где Грика и Флорентия получают власть над героем, помахав волшебным камнем над его головой.

¹⁰ *Миклагард* – Miklagarður («Великий город») – скандинавское название Константинополя.

¹¹ *Инги* – предполагалось, что Инги – имя не византийского, но русского правителя [Bagerius 2009, p. 218].

¹² *Солдан* – имя правителя Серкланда Солдан (Soldán) предположительно происходит от распространенного во французских романах обозначения восточного правителя «sultan».

¹³ *Серкланд* – в топониме Серкланд (Serkland) первый компонент восходит или к сканд. serk – «сарацин» (Серкланд обозначает «страну сарацин»), или к лат. sericum – «шелк» (Серкланд ассоциируется с Великим шелковым путем, связывавшим в Средние века Восточную Азию со Средиземноморьем), или к дисл. serkr – «рубаха, мантия» (в топониме Серкланд содержится указание на одеяния населения области). Серкланд, скорее всего, относится к землям Арабского халифата и упоминается в «Саге об Инглингах», «Саге о Сигурде Крестоносце», «Саге о Хьялмтере и Альвире», «Саге о Сёрли Сильном».

¹⁴ *Логи, Велог и Хейдарлоги* – имена трех братьев содержат компонент logi – «огонь, пламя, пожар»; имя Велог (Vé-logi) можно истолковать как «языческий пожар», а имя Хейдарлоги (Heidar-logi) – как «пожар на пустоши». В скандинавской мифологии Логи – великан, персонифицирующий огонь, который упоминается в «Младшей Эдде» (в «Видении

Гюльви», где рассказывается о состязании Локи и Логи в скорости пожирания пищи).

¹⁵ *Блебарниус* – форма имени отца Ливориуса Блебарниус считается ошибкой в недавнем издании саги [McDonald 2012, p. 314] и исправляется на Фебруариус.

¹⁶ *Ливориус* – в рукописи AM 529 4to используются и другие написания имени Ливориус (Livogius), в частности, Ливоринус (Livorinus) и Лифоринус (Liforinus).

¹⁷ *Ревстейн* – имя карлика Refsteinn значит «Лисий Камень». Как и имя второго помощника короля Инги (Слягревур), оно содержит компонент «geft» со значением «лис», метафорически обозначающий хитрого человека и указывающий на лукавство и обман.

¹⁸ *Слягревур* – имя карлика Slægrefug значит «Хитрый Лис». См. комментарий к имени Ревстейн.

¹⁹ *заполучить в жены* – употребленное в оригинале (með þínu kynstri og kukli maetti ég fá meykónginn mér til eiginna rúsu – «благодаря твоему волшебству и колдовству я смогу заполучить деву-правительницу в жены») латинское заимствование (от лат. sponsa) rúsu – «жена, супруга» встречается в переводных рыцарских сагах («Сага о Парталопи», «Сага об Эрেকে», «Сага о Ремунде, королевском сыне»); обычно в «Саге о Нитиде» используется исконное слово kona с тем же значением (4 примера).

²⁰ *Картагия* – остров Картагия (Kartagia) отождествляется как с испанским городом Картагена (Cartagena), расположенном на юго-востоке Пиренейского полуострова на побережье Средиземного моря, так и с Карфагеном (северная Африка), уничтоженном римлянами после пунических войн.

²¹ *Смоланд* – употребленное в саге название Смаланд (Smáland) отождествляется со Смоланд, провинцией Швеции, расположенной в восточной части региона Гёталанд.

²² *Дай совет, как мне переиграть деву-правительницу и...* – за этими словами (Legg til ráð að ég maetti meykóng útleika og...) в рукописи AM 529 4to следует лакуна [Loth 1965, p. 28], остальная часть перевода основана на рукописи AM 537, 6r-8v.

²³ *назовись Эскильвардом* – герой «Саги о Кларусе» также называет себя именем Эскильвард (Eskilvarður).

²⁴ *Горящий пояс* – согласно поздним римским географам, в середине Земли находится не населенный людьми горящий пояс [Kirsch 1978, p. 139].

²⁵ *пурпурные полотна* – латинское заимствование purpurí – «пурпурные полотна» встречается в нескольких рыцарских сагах, например в «Саге о Кларусе», «Саге о Викторе и Блавусе», «Саге о Сигурде Смелом».

²⁶ *о Нитиде Славной и короле Ливориусе* – в заключительном предложении саги Нитида более не именуется ни «девой-правительницей», ни «королевой»; «королем» называется только ее муж Ливориус.

Литература

- Bagerius 2009 – *Bagerius H.* Mandom och mödom: Sexualitet, homosocialitet och aristokratisk identitet på densenmedeltida Island. Göteborg: Göteborgs Universitet, 2009. 310 p.
- Barnes 2014 – *Barnes G.* The *Bookish Riddarasögur*: Writing Romance in Late Mediaeval Iceland. The Viking Collection. Copenhagen: University Press of Southern Denmark, 2014. 211 p.
- Bibire 1985 – *Bibire P.* From riddarasaga to lygisaga: the Norse Response to Romance // Les Sagas des Chevaliers (Riddarasögur) / Ed. R. Boyer. Paris: Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, 1985. P. 55–74.
- Jónas Kristjánsson 1985 – *Jónas Kristjánsson* The Court Style // Les Sagas des Chevaliers (Riddarasögur) / Ed. R. Boyer. Paris: Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, 1985. P. 431–440.
- Kirsch 1978 – *Kirsch G.* (ed.) A Source Book in Geography. Harvard: Harvard University Press, 1978. 453 p.
- Loth 1965 – *Loth A.* Nitida saga (ed.) // Late Medieval Icelandic Romances: In 5 vols. Vol. V. Copenhagen: Munksgaard, 1965. P. 1–37.
- McDonald Werronen 2012 – *McDonald Werronen Sh.* Variance Uncovered and Errors Explained: Nítiða saga in the Seventeenth-Century Manuscript JS166 fol. // Digital philology: A Journal of Medieval Cultures. 2012. № 1. P. 303–318.
- McDonald Werronen 2014 – *McDonald Werronen Sh.* Two Major Groups in the Older Manuscript Tradition of Nítiða saga // Saga-Book. 2014. № 38. P. 75–94.
- McDonald Werronen 2016 – *McDonald Werronen Sh.* Popular Romance in Iceland: The Women, Worldviews, and Manuscript Witnesses of Nítiða saga. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2016. 271 p.
- Putman, Ziolkowski 2007 – *Putman M., Ziolkowski J.*, eds. The *Virgilian* Tradition: The First Fifteen Hundred Years. New Haven: Yale UP, 2007. 1128 p.
- Schlauch 1934 – *Schlauch M.* Romance in Iceland. London: Allen and Unwin, 1934. 201 p.

References

- Bagerius, H. (2009), *Mandom och mödom: Sexualitet, homosocialitet och aristokratisk identitet på densenmedeltida Island*, Göteborgs Universitet, Göteborg, Sweden.
- Barnes, G. (2014), *The Bookish Riddarasögur: Writing Romance in Late Mediaeval Iceland*. The Viking Collection, University Press of Southern Denmark, Copenhagen, Denmark.
- Bibire, P. (1985), “From riddarasaga to lygisaga: the Norse Response to Romance”, *Les Sagas des Chevaliers (Riddarasögur)*, Ed. R. Boyer, Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, Paris, France, pp. 55–74.
- Jónas Kristjánsson (1985), “The Court Style”, *Les Sagas des Chevaliers (Riddarasögur)*, Ed. R. Boyer, Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, Paris, France, pp. 431–440.

- Kirsch, G. (1978) (ed.), *A Source Book in Geography*, Harvard University Press, Harvard.
- Loth, A. (1965), *Nitida saga* (ed.). *Late Medieval Icelandic Romances*, 5 vols, Vol. V, Munksgaard, Copenhagen, pp. 1–37.
- McDonald Werronen, Sh. (2012), “Variance Uncovered and Errors Explained: Nítíða saga in the Seventeenth-Century Manuscript JS166 fol.”, *Digital philology: A Journal of Medieval Cultures*, no 1, pp. 303–318.
- McDonald Werronen, Sh. (2014), “Two Major Groups in the Older Manuscript Tradition of Nítíða saga”, *Saga-Book of the Viking Society for Northern Research*, no 38, pp. 75–94.
- McDonald Werronen, Sh. (2016), *Popular Romance in Iceland: The Women, Worldviews, and Manuscript Witnesses of Nítíða saga*. Amsterdam University Press, Amsterdam, Netherlands.
- Putman, M. and Ziolkowski, J. (2007), eds. *The Virgilian Tradition: The First Fifteen Hundred Years*, Yale UP, New Haven.
- Schlauch, M. (1934), *Romance in Iceland*, Allen and Unwin, London, UK.

Информация об авторе

Инна Г. Матюшина, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; I.Matyushina@exeter.ac.uk

Information about the author

Inna G. Matyushina, Dr. in Sci. (Philology), leading researcher, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; I.Matyushina@exeter.ac.uk

Дизайн обложки

Е.В. Амосова

Корректор

А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка

Е.Б. Рагузина

Подписано в печать 30.03.2020.

Формат 60×90¹/₁₆

Уч.-изд. л. 10,0. Усл. печ. л. 9,0.

Тираж 1050 экз. Заказ № 873

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6

www.rggi.ru

www.knigirggi.ru